

Вестник Российского университета дружбы народов.

Серия: ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

2023 Том 15 № 4

DOI: 10.22363/2312-8127-2023-15-4
<http://journals.rudn.ru/world-history>

Научный журнал
Издается с 2009 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61173 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

Главный редактор

Воронин С.А., д-р ист. наук,
профессор кафедры всеобщей
истории факультета гуманитарных
и социальных наук, Российский
университет дружбы народов,
Москва, Российская Федерация
E-mail: voronin-sa@rudn.ru

**Заместитель главного
редактора**

Куделин А.А., кандидат историче-
ских наук, заведующий кафедрой
всеобщей истории, Российский
университет дружбы народов,
Москва, Российская Федерация
E-mail: kudelin-aa@rudn.ru

Ответственный секретарь

Попова Е.А., кандидат истори-
ческих наук, доцент кафедры
всеобщей истории, Российский
университет дружбы народов,
Москва, Российская Федерация
E-mail: popova-ea@rudn.ru

Научный редактор

Гвоздева Т.Б., кандидат исторических наук, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

Члены редакционной коллегии

Бакри Абу аль-Хассан Мусса, кандидат исторических наук, профессор, Каирский университет, Гиза, Египет

Варику Кулбушан, профессор Университета имени Джавахарлала Неру, Дели, Индия

Гвоздева И.А., кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира исторического факультета, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация

Губайдуллина М.Ш., доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений и мировой экономики, Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Алматы, Казахстан

Дуткевич П., доктор философских наук, директор Центра государственного управления, Университет Карлтона, действительный член Центра цивилизационных и региональных исследований Российской академии наук, Оттава, Канада

Ларин Е.А., доктор исторических наук, профессор, заведующий Центром латиноамериканских исследований, Институт всеобщей истории Российской академии наук, Москва, Российская Федерация

Ли Нарангоа, профессор, Австралийский Национальный университет, Канберра, Австралия

Пономаренко Л.В., доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений, заместитель декана факультета гуманитарных и социальных наук, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

Смоленский Н.И., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой новой, новейшей истории и методологии, Московский государственный областной университет, Москва, Российская Федерация

Стефанидис И.Д., профессор, Университет имени Аристотеля, Салоники, Греция

Хазанов А.М., доктор исторических наук, профессор, Институт всеобщей истории Российской академии наук, Москва, Российская Федерация

**Вестник Российского университета дружбы народов.
Серия: ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ**

ISSN 2312-8127 (Print); ISSN 2312-833X (Online)

4 выпуска в год (ежеквартально)

<http://journals.rudn.ru/world-history>

Языки: русский, английский.

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Научной электронной библиотеки elibrary.ru, DOAJ, Cyberleninka, индексируются Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat, East View, Dimensions.

Цели и тематика

Журнал «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история» – периодическое рецензируемое научное издание в области исторических исследований. Целью журнала является распространение и апробация современных методов и новейших достижений исторической науки.

Журнал предназначен для публикаций результатов научных исследований ученых из России и различных регионов мира в виде оригинальных научных сообщений, библиографических обзоров.

Тематика публикаций в журнале охватывает все области изучения исторического процесса с древности до современности. В рамках журнала ключевое значение имеет проблематика, связанная с социально-политическим и культурным развитием мировых цивилизаций Востока и Запада с древности до сегодняшнего времени; также значительное внимание уделяется публикации исследований по проблемам стран Африки, Азии и Латинской Америки.

Перечень отраслей науки и групп специальностей научных работников в соответствии с номенклатурой ВАК РФ: 5.6.2 Всеобщая история, 5.6.5 Историография, источниковедение и методы исторического исследования (исторические науки), 5.6.7 История международных отношений и внешней политики (исторические науки).

Основные рубрики журнала: история исторической науки, идеи и политика в истории, Восток – Запад: диалог цивилизаций, античный мир, политическая история Востока и Запада, история ислама, история Китая, археологические исследования и др.

Редакционная коллегия журнала приглашает специалистов, работающих в русле вышеуказанных направлений, к сотрудничеству по подготовке специальных тематических выпусков.

Правила оформления статей, архив и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/world-history>

Электронный адрес: histj@rudn.ru

Литературный редактор *К.В. Зенкин*

Редакторы англоязычных текстов *Михайлов С.А., Медведев Ю.С.*

Компьютерная верстка: *И.А. Чернова*

Адрес редакции:

Российский университет дружбы народов

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Адрес редакционной коллегии журнала

«Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история»:

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2

Тел.: +7 (495) 434-12-12; e-mail: histj@rudn.ru

Подписано в печать 15.11.2023. Выход в свет 30.11.2023. Формат 70×100/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 11,38. Тираж 500 экз. Заказ № 1619. Цена свободная

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы» (РУДН)

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: +7 (495) 952-04-41; publishing@rudn.ru

RUDN JOURNAL OF WORLD HISTORY

2023 VOLUME 15 NUMBER 4

DOI: 10.22363/2312-8127-2023-15-4
<http://journals.rudn.ru/world-history>

Scientific journal
Founded in 2009

Founder: PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA
named after PATRICE LUMUMBA

EDITOR-IN-CHIEF

Sergey A. Voronin

RUDN University,
Moscow, Russian Federation
E-mail: voronin-sa@rudn.ru

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF

Andrey A. Kudelin

RUDN University,
Moscow, Russian Federation
E-mail: kudelin-aa@rudn.ru

EXECUTIVE SECRETARY

Elena A. Popova

RUDN University,
Moscow, Russian Federation
E-mail: popova-ea@rudn.ru

Scientific Editor of the issue

Tatiana B. Gvozdeva, PhD in History, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Members of Editorial Board

Aboualhassan Bakry, Ph.D. in History, Professor, Cairo University, El Giza, Egypt

Inna A. Gvozdeva, Ph.D. in History, Associate Professor, Chair of the Ancient History, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Mara Gubaidullina, Doctor of Science (History), Professor, Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan

Piotr Dutkiewicz, Ph.D. in Philosophy, Director of the Center of Public Administration, Carleton University, Ottawa, Canada, member of Center for Civilization and Regional Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Evgeniy A. Larin, Doctor of Science (History), Professor, Head of the Center for Latin American Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Narangoa Li, Professor in Australian National University, Canberra, Australia

Lyudmila V. Ponomarenko, Doctor of Science (History), Professor of the Theory and History of International Relations Chair, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Kulbhushan Warikoo, Professor, University Jawaharlal Nehru, Delhi, India

Nikolay I. Smolenskiy, Doctor of Science (History), Professor, Head of the Chair of modern and contemporary history and methodology, Moscow State Regional University, Moscow, Russian Federation

Ioannis Stefanidis, Aristotle University of Thessaloniki, Thessaloniki, Greece

Anatoliy M. Khazanov, Doctor of Science (History), Professor, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

RUDN JOURNAL OF WORLD HISTORY
Published by Peoples' Friendship University of Russia
named after Patrice Lumumba (RUDN University),
Moscow, the Russian Federation

ISSN 2312-8127 (Print); ISSN 2312-833X (Online)

Publication frequency: quarterly

<http://journals.rudn.ru/world-history>

Languages: Russian, English.

Materials of the Journal are placed on the platform of Russian Index of Science Citation (eLIBRARY.RU), DOAJ, Electronic Library Cyberleninka, Indexing by Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat, East View, Dimensions.

Aim and Scope

RUDN Journal of World History is a periodic peer-reviewed scientific journal publishing articles and book reviews on world history. The goal of the journal is the dissemination and approbation of modern methods and the latest achievements of historical science.

RUDN Journal of World History is committed to the publication of original research covering a broad range of historical subjects and approaches from antiquity to modern times. The journal has a special focus on socio-political and cultural development of Western and Eastern civilizations from ancient times to modernity. It also focuses on actual problems of African, Asian and Latin American studies.

General journal sections: History of historical science, Ideas and policy in history, East and West: the dialogue of civilizations, The Ancient world, Political history of East and West, Islamic studies, Chinese studies, Archeological studies, etc.

In addition to research articles and review, the journal also welcomes book reviews, conference reports and research project announcements. The editors are open to thematic issue initiatives with guest editors.

Further information regarding notes for contributors, subscription, and back volumes is available at <http://journals.rudn.ru/world-history>

E-mail: histj@rudn.ru

Review Editor *K.V. Zenkin*

Translation Editor *S.A. Mikhailov, Yu.S. Medvedev*

Layout Designer *I.A. Chernova*

Address of the editorial office:

Peoples' Friendship University of Russia
named after Patrice Lumumba (RUDN University)
3 Ordzhonikidze St., Moscow, 115419, Russian Federation
Ph.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Address of the editorial board of RUDN Journal of World History:

10/2 Miklukho-Maklaya street, Moscow, 117198, Russian Federation
Ph.: +7 (495) 434-12-12; e-mail: histj@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price
Peoples' Friendship University of Russia" (RUDN University)
6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russian Federation
Printed at RUDN Publishing House:
3 Ordzhonikidze St., Moscow, 115419, Russian Federation
Ph.: +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ИДЕИ И ПОЛИТИКА В ИСТОРИИ

- Китинов Б. У.** «Чингисханы» XVII–XVIII вв.: между политикой и религией 355
- Курмызов А.А.** Возрождение «славного прошлого» в Республике Корея в период правления Пак Чон Хи 374
- Karneev A. N., Kozylov I. S.** The Causes of the Sino-Soviet Split: Russian and Western Scholarship Perspectives (Причины китайско-советского раскола: взгляды российских и западных исследователей) 393
- Matveeva N.I.** Transplantation and adaptation of the Soviet economic model in North Korea, 1945–1960 (Трансплантация и адаптация советской экономической модели в Северной Корее, 1945–1960 гг.) 403

ДИАЛОГ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

- Мусинова И. А.** Немцы в Корее в конце XIX — начале XX вв. как транслокальное буржуазное сообщество 413
- Люлина А.Г., Маликова Е.А.** Предпосылки и начало развития торговых отношений на пространстве Шёлкового Пути 424
- Гизбулаев М.А.** Сведения Андалузского географа XI в. о народах Кавказа: Kitab al-masalik wa-l-mamalik al-Bakri 434

СОВРЕМЕННЫЙ МИР

- Арчугова А.С., Пономаренко Л.В.** Российско-китайское сотрудничество в военной области по материалам газеты «Жэньминь жибао» в 2014–2022 гг. 443
- Пахоруков К.И.** Франция – государства Африки: о некоторых аспектах децентрализованного сотрудничества 463

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- Шишлина Н.И., Панасюк Н.В.** Погребальные комплексы катакомбной культуры: к 20-летию работы Степной археологической экспедиции Государственного исторического музея в Ремонтненском районе Ростовской области 478

CONTENTS

IDEAS AND POLITICS IN HISTORY

- Kitinov B. U.** “Genghis Khans” of the 17th–18th centuries: between politics and religion 355
- Kurmyzov A. A.** The revival of the “glorious past” in the Republic of Korea under Park Chung Hee. 374
- Karneev A. N., Kozylov I. S.** The Causes of the Sino-Soviet Split: Russian and Western Scholarship Perspectives..... 393
- Matveeva N.I.** Transplantation and adaptation of the Soviet economic model in North Korea, 1945-1960 403

DIALOGUE OF CIVILIZATIONS

- Musinova I. A.** Germans in Korea in the late 19th – early 20th centuries as translocal and bourgeois community..... 413
- Liulina A.G., Malikova E.A.** Background and the beginning of trade relations on the Silk Road..... 424
- Gizbulaev M.A.** Reports of the 11th century Andalusian Geographer on the Peoples of Caucasus 434

CONTEMPORARY WORLD

- Archugova A.S., Ponomarenko L.V.** Sino-Russian military relations in People’s Daily in 2014-2022 443
- Pakhorukov K. I.** France — African States: some aspects of decentralized cooperation 463

ARCHAEOLOGICAL STUDIES

- Shishlina N.I., Panasyuk N.V.** Burial complexes of the Catacomb culture: To the 20th anniversary of the work of the Steppe Archaeological Expedition of State Historical Museum in Remontnensky district in Rostov region..... 478

ИДЕИ И ПОЛИТИКА В ИСТОРИИ IDEAS AND POLITICS IN HISTORY

DOI: 10.22363/2312-8127-2023-15-4-355-373

EDN: BKHETF

Научная статья / Research article

«Чингисханы» XVII–XVIII вв.: между политикой и религией¹

Б.У. Китинов

Институт востоковедения РАН,
107031 Москва, л. Рождественка, 12

 e-mail: kitinov@mail.ru

Аннотация. У монгольских народов самые важные события и процессы традиционно соотносились с именем Чингисхана. Однако была одна сфера, где это имя получило нарицательное значение — его использование как титула или второго, в качестве дополнения к первому, т. е. особенного имени. Имя Чингисхана само по себе имело сакральный и одновременно табуированный смысл, что повлияло на его дальнейшую актуализацию. Целью исследования является выявление влияния религии на использование имени Чингисхана как титула лидерами монгольских народов в XVII–XVIII вв. Исследовательская проблема заключается в единстве и разнице толкования и сфере использования этого имени как титула, что можно наблюдать при изучении жизнедеятельности двух лидеров у восточных (чахаров) и западных (ойратов-хошут) монголов. Это были Лигдан и Лхавзан, причем первый был прямым потомком Чингисхана, второй считался потомком Хабуту, младшего брата Чингисхана. Автор пришел к следующим выводам: такое использование имени Чингисхана стало возможным ввиду влияния ряда факторов, актуализировавших имя Чингисхана: 1) борьба с сепаратизмом в условиях воздействия внешней силы; 2) стремление «начать заново», возглавить «новую эпоху процветания»; 3) необходимость идентифицировать себя как истинного лидера в условиях возрастания роли религии. Научный вклад заключается в определении многоаспектного значения имени Чингисхана, его использование в качестве титула имело общие основания и характеристики, и в целом оказало ожидаемые (хотя и в краткосрочной перспективе) результаты.

¹ Основу данной статьи составило выступление автора на международной конференции «Мир Чингисхана и монголоведение» в Улан-Баторе в августе 2022 г.

© Китинов Б.У., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ключевые слова: Чингисхан, Лигдан, Лхавзан, Далай-лама, хаган, хан, маньчжуры, хошуты, чахары

История статьи: Поступила в редакцию: 25.05.2023. Принята к публикации: 08.08.2023.

Для цитирования: Китинов Б.У. «Чингисханы» XVII–XVIII вв.: между политикой и религией // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2023. Т. 15. № 4. С. 355–373. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-15-4-355-373>

“Genghis Khans” of the 17th–18th centuries:² between politics and religion

B.U. Kitinov

Institute of Oriental Studies RAS,
107031 Moscow, Rozhdestvenka str., 12

 e-mail: kitinov@mail.ru

Abstract. The Mongolian peoples traditionally associated crucial events and processes with the name of Genghis Khan. Nonetheless, that name acquired a nominal significance in one sphere, specifically as a title or an auxiliary name to the first, where it became a special name. The Genghis Khan name itself held a holy and tabooed implication that guided its subsequent realization. The study aims to investigate the impact of religion on the utilisation of Genghis Khan’s title by the Mongolian leaders during the XVII–XVIII centuries. The study focuses on two leaders of Mongolian peoples, the Chakhar in the east and the Oirat-Hoshut in the west, to examine the uniformity and diversity of interpreting and implementing this name as a title. They were Ligdan and Lkhavzan, with Ligdan being a direct descendant of Genghis Khan and Lkhavzan was considered to be a descendant of Khabutu, the younger brother of Genghis Khan. The author came to the following conclusions: such use of Genghis Khan’s name became possible due to the influence of a number of factors that actualised Genghis Khan’s name: 1) the struggle against separatism under the influence of external force; 2) the desire to “start anew”, to lead a “new era of prosperity”; 3) the need to identify oneself as a true leader under the increasing role of religion. The scientific contribution is to determine the multidimensional meaning of Genghis Khan’s name; its use as a title had common grounds and characteristics, and in general had the expected (albeit in the short term) results.

Keywords: Genghis Khan, Ligdan, Lhavzan, Dalai Lama, khagan, khan, the Manchus, the Khoshuts, the Chakhars

Article history: Received: 25.05.2023. Accepted: 08.08.2023.

For citation: Kitinov B.U. “Genghis Khans” of the 17th–18th centuries: between politics and religion. *RUDN Journal of World History*. 2023;15(4):355–373. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-15-4-355-373>

² This article is based on the author’s speech at the international conference “World Genghis Khan and Mongolian Studies» in Ulaanbaatar in August 2022.

Хан, хаган и фактор религии

Фактически сразу же после смерти Чингисхана в 1227 г. возник вопрос с титулатурой его наследников, поскольку стал неясен титул главного хана, так как его сыновья, обладавшие собственными улусами, звались так же, как и Чингисхан, т. е. ханами. И. де Рехевильц считал, что следует различать специфику использования этих титулов до и после 1229 г., т. е. времени вступления на престол Угэдэя, третьего сына Чингисхана. Ранее был лишь титул «хан», и только Угэдэй, первый наследовавший Чингисхану, стал зваться *хаганом* [1. Р. 272–274]. Слово «хаган» (*qaγan*) проникло к политической культуру монголов благодаря сильному культурному влиянию уйгуров. С тех пор *ханами* стали звать правителей региональных монгольских народов, а *хаганом* — главу всего Великого монгольского улуса (*yeke Mongγol ulus*). Таким образом, хаганами были потомки Угэдэя и его брата Толуя вплоть до потомков Хубилая, основателя династии Юань, правившей в Китае с 1271 г.³

Особенно следует выделить роль религии во внутренней и внешней политике этих правителей, начиная с самого Чингисхана. Вот что писал известный персидский государственный деятель Джувейни о религиозных предпочтениях монгольского правителя: «Поскольку Чингисхан не был приверженцем какой-либо веры и не следовал никакому исповеданию, он не проявлял нетерпимости и предпочтения одной религии другой и не превозносил одних над другими... И так же, как он с почтением взирал на мусульман, так миловал христиан и идолопоклонников. И дети, и внуки его, по несколько человек, выбрали себе веру по своей склонности» [2. С. 20]. Мнение Джувейни в отношении толерантности и вероисповедания Чингисхана в целом совпадает с точкой зрения специалистов. В частности, Г.В. Вернадский приводит следующую информацию из «Ясы» Чингисхана: «Чингисхан... приказал, чтобы все религии были уважаемы, и не должно быть выказано предпочтение одной перед другими» [3. Р. 102]. Согласно В.В. Бартольду, изучившему прежде всего тюрко-мусульманские источники, «Чингиз-хан остался верным шаманистом» [4. С. 458]. Однако ряд ученых, отмечая приверженность монгольского правителя шаманистским практикам и техникам, преклонение перед шаманами (известный пример — Кокочу), все же считает верным отметить его особое отношение к учению буддизма: «Чингисхан был шаманистом. Но он и его последователи поддерживали связи с ламами, писали им» [5. Р. 506]; «среди родичей Чингисхана были ламы, достигшие высоких степеней; например, его двоюродный дед был Хутухта-мунгур, а его дядя — Хутухта-чжурки» [6. С. 57]. По мнению известного монгольского ученого Ш. Биры, Чингисхан, покровительствуя последователям различных религиозных воззрений, был более благосклонен к последователям буддийского

³ В последующем было еще несколько правителей с таким титулом, но они, за редким исключением (например, Даян-хаган), обладали властью лишь над ограниченной территорией.

учения [7. Р. 331]. По нашему мнению, эта точка зрения вполне обосновывается вновь обнаруженными или изученными источниками, а также в проводимых исследованиях. В частности, не так давно стало известно, что верхушку шлема Чингисхана украшала фигурка защитника буддийского учения (дхармапалы) — бодхисаттвы Ваджрапани [8. Р. 215]. В тибетском источнике «Красная книга» отмечается, что проповедник из школы Цал Кагью по имени «Цанг-па Дунгкур-па Вангчук Таши... ученик Шанг (ринпоче)... был приглашен... в Миньяк [к тангутам в государство Си-Ся] для распространения учения Цал Кагью⁴. После покорения государства Миньяк Чингисханом он... дал учение Чингисхану и был направлен им в Сог [к монголам] для проповеди доктрины Цал Кагью» [9. С. 452]. Как будет указано ниже, религиозный контекст власти в последующем окажется тесно сплетенным с титулатурой монгольских правителей и их политикой.

Последующие правители Монголии также оказывали покровительство буддизму, хотя со временем и оказались втянуты в межшкольные противоречия. Например, если Угэдэй и его потомки поддерживали различные направления тибетского буддизма, то Хубилай сделал свой выбор в пользу школы Сакья, и такое положение сохранялось практически вплоть до Лигдана, последнего хагана монголов.

С падением в 1368 г. Юаньской династии власть хаганов, фактически правивших лишь в Северной Монголии, оспаривалась ойратами (западными монголами), которые в первой половине XV в. были первыми министрами (тайши) у этих хаганов — потомков Чингисхана. В частности, ими были Эсэн и его отец Тогон из рода чоросов, в указанное время возглавлявших ойратов.

В 1437/1438 г. Тогон разбил восточномонгольских лидеров Адая и Аругтая и направил подарки императору Мин. Поскольку он сместил не-чингисида Адая, незаконно захватившего всемонгольский трон, то скоро стал популярен по всей Монголии. Однако этот ойратский правитель не торопился передать престол чингисиду Токто-Бухе, как было ранее между ними оговорено, возможно, поскольку сам хотел стать хаганом. Ранней весной 1439 г. на традиционной церемонии поклонения в Ордосе у священных юрт, где хранился *сульдэ* Чингисхана, Тогон вместо того, чтобы объявить о начале правления Токто-Бухи, стал хвалиться, что он, ойрат, не ниже его, великого Чингисхана. Согласно различным источникам, внезапно из юрты из колчана Чингисхана вылетела стрела, вонзившаяся в спину Тогона, и последний вскоре скончался [10. Р. 106; 11. С. 85; 12. Р. 502–503; 13. С. 440]. После этого Токто-Буха стал хаганом, он принял имя Дайсун (Тайсун) и назначил Эсэна тайши, с сохранением за ним всех отцовских титулов. Тогда же Эсэн возглавил все монгольские войска. Тайсун взял под правление восточную часть Монголии, Эсэн

⁴ Одно из течений в раннем тибетском буддизме, вероятно, первое, которое стало распространяться среди монголов.

отвечал за западную часть, т. е. за ойратов. В декабре 1446 г. Эсэн получил от минского двора особенную печать, но неясно, какой титул там был указан [14. Р. 361]. Будучи вторым человеком после хагана, Эсэн стремился проводить собственную политику, в т. н. налаживая собственные отношения с минским двором. Последующие события привели к потере ойратами своего влияния и консолидации сил восточных монголов.

С приходом к власти в Монголии юного Бату Менке (Мункэ)⁵, позже известного как Даян-хаган (прав. 1480?–1543 гг.) позиции ойратов еще более ослабели. Антиойратские походы Мандухай-хатун, бывшей вдовы чахарского правителя Мандугула, ставшей супругой Бату Менке, около 1510 г. привели к подчинению их основной части Бату Менке. Этот новый лидер подчинил своей власти все монгольские народы и провел ряд важных административно-управленческих реформ. В частности, он упразднил институт *тайшии* и создал систему *тайджи*, вторых после хана значимых правителей. Титул *тайджи* получали только чингисиды. Бату Менке стал первым хаганом-чингисидом, самостоятельно правившим впервые за столетие [16. Р. 138].

Кроме того, он перенес ставку из района Керулена и Орхона в регион Чахара. С тех пор только правители этого юго-восточного региона Монголии имели право зваться *хаганами*, которым должны были подчиняться все остальные монгольские лидеры.

С течением времени, когда вновь возросло число чингисидов, что привело к обострению проблемы лидерства, вопрос обладания высоким титулом вновь стал актуален среди потомков Чингисхана. Такие ситуации и процессы совпали с распространением новой волны буддизма из Тибета, на этот раз учения школы Гелук. И появился лидер, в котором сошлись оба процесса: актуализация проблемы титулатуры и необходимость отреагировать на текущие религиозные перемены. Им стал Алтан, возглавлявший южномонгольский народ тумэтов, который тяготился необходимостью признавать над собой власть чахарских правителей.

Алтан, силой добившийся признания со стороны династии Мин (он даже получил титул Сунь-ван (шунь-и-ван), дававший значительные торговые преференции, это усилило его позиции) [17. С. 232], нуждался в аутентичном статусе, который не только устроил бы его как чингисида, но также обозначил его особую роль. Ответ нашелся в сфере религии: в известной монгольской работе «Белая история» (монг. «Arban buyantu nom-un sagan teuke» — «Белая история о десяти добродетелях») было сказано, что высшим правителем может быть лишь правитель (хаган)-чакравартин, оказывающий покровительство ламам и учителям, распространяющий сутры и дхарани.

В политическом учении буддизма обычно упоминают два типа достойных правителей — *дхармараджа* и *чакравартин*. Они оба почитаются как

⁵ Он был правнуком Ээна, внуком его дочери Цэцэг (см.: [15. С. 37]), а по мужской линии был одним из последних представителей рода Борджигин.

«праведные правители», которым извечно присущи великолепные моральные, интеллектуальные и иные характеристики и качества, позволяющие им управлять своими народами и государствами в полном соответствии с *дхармой*. Важной задачей для *дхармараджи* и *чакравартина* является защита своей страны от нападений врагов (например, об этом говорится в таких известных работах, как «Сутра Золотистого Блеска» и «Сутра сетей Брахмы»). Более того — именно такие страны и пребывают под защитой «высших сил» — небесных правителей. Одно из важных отличий между титулами заключается в сфере геополитического: «идея чакравартина заключается в завоевании всего мира» [18. Р. 224].

Чакравартинами (хаганами-чакравартинами) монгольская историческая традиция считала Чингисхана и его внука Хубилая, основателя династии Юань. Вероятно, именно такие воспоминания и коннотации и позволили Алтану обратить должное внимание на жреческую (религиозную) функцию, присущую всем чингисидским правителям, как и на саму религию, в частности, молодую тибетскую школу Гелук. Еще в 1566 г. его племянник Хутухтай Цэцэнхунтайджи, тесня ойратов⁶, занял северный Амдо, где познакомился с ламами Борса, Канси, Дархан, Усундур Шанжин и Алтан Санджир [20. Р. 87], которые были приверженцами школы Гелук. Сам Алтан в начале 1570-х гг. имел тесный контакт с амдоскими ламами Ариг и Асен [21. Р. 111; 22. Р. 129, note 204].

Активная деятельность лам школы Гелук обусловила приглашение Алтаном в свои кочевья близ Кукунора лидера этой школы, ламу Соднам Гьяцо. В ходе встречи летом 1578 г. этот лама и Алтан-хан обменялись титулами: Соднам Гьяцо получил особенный титул — *Далай-лама* (ta-la'i bla-ma badzra dha ra: Лама — Океан учения), Алтан-хан — *Чокьи гьялпо* (chos ku'i rgyal po — Правитель веры) [23. С. 292; 24. Р. 646]. Эти титулы были важными маркерами положения и взаимодействия их обладателей, и далее именно такие контексты окажут важнейшее воздействие на право их носителя претендовать на безусловное правление; особенно это касалось монгольских лидеров.

Лигдан Чингисхан

Еще с конца XVI в. монголы (юго-восточные монголы) были заняты внутренними усобицами и все более попадали под орбиту влияния усиливавшихся маньчжуров, претендовавших на китайский престол. Попытку укрепить власть и влияние среди монголов предпринял чингисид Буянтайджи (Цэцэн-хан) (1555–1603 гг., хан с 1594 г.), однако она не оказалась

⁶ Эти ойраты были меньшей, второй группой этого народа, кочевавшей в северо-восточном Тибете. Первая, основная группа ойратов в то время уже продвигалась под натиском восточных монголов и тюрков в сторону южной Сибири. См.: [19].

успешной. Особенно раздробленность была характерна для чахаров, что выглядело особенно значительно (и потенциально опасно для всего монгольского государства) на фоне консолидации маньчжуров, объединившихся под властью Нурхацы (1559–1626 гг.)⁷. В 1604 г. хаганом стал Лигдан, внук Буян-тайджи. К этому времени авторитет этих правителей пал настолько низко, что их называли уже не монгольскими (всемонгольскими) хаганами, а лишь чахарскими ханами [13. С. 448].

Лигдан желал не только покончить с самовластием владельцев аймаков, «но и истребления всех ослушных вассалов, осмелившихся бороться с своим повелителем. Ожесточенные этой борьбой и притеснениями, аймачные владельцы решили совершенно оставить Лигдана и бежать от его постоянных нападений» [25. С. 115–116]. Недовольные политикой хагана отказывались исполнять его распоряжения и установили сношения с маньчжурами и другими его противниками⁸.

Летом 1626 г. Ооба хунтайджи, глава восточномонгольского народа харачинов, согласился на покровительство Нурхацы, «чтобы защитить себя от других монголов» [27. Р. 14; 20. Р. 291, note 22], поскольку несколько знатных людей из его окружения были убиты чахарами и халхасами. Более подробно ситуация раскрывается в «Мэн-гу-ю-му-цзи»: представители харачинов (карциньцев) сообщили Нурхацы и всему маньчжурскому двору о «беззакониях» чахарского правителя и предложили им помощь в борьбе с Лигданом. «По указу для личных переговоров с карциньцами был отправлен посланец. В 7-й луне карциньцы прислали ко двору ламу с 530 человек. Тогда князьям 3-й ст., Ацзиге и Шото, повелено было встретить их, угостить пиром и заколоть белую лошадь и черную корову для произнесения клятвы. В 9-й луне император лично выступил в поход против чахар» [17. С. 200, прим. 103]. Согласно «Алтан тобчи» в жертву принесли белого коня (Небу) и черного быка (Земле) [23. С. 296].

Таким образом, источники дают возможность заключить, что, кроме политических сфер, были и развивались особенные переходные или, точнее, общие зоны (сферы), где культуры монголов и маньчжуров могли контактировать без ущерба для своих принципиальных религиозных или иных постулатов. Судя по всему, у этих народов, кроме следования учению и практикам буддизма (огромное посольство от харачинов возглавил лама), большим влиянием обладал шаманизм, что подтверждается проведением особого обряда с лошадью и коровой между монголами и маньчжурами.

⁷ Нурхацы стал ханом в 1616 г.

⁸ У маньчжуров были и брачные связи с «некоторыми аймаками в восточной Монголии», и вскоре они стали «вмешиваться во внутренние дела Чахарского дома» [26. С. 200].

Армия Лигдана была разбита войском Хунтайджи (Абахай, правил как Тайцзун с 1636 по 1643 гг.), возглавившего маньчжуров после кончины Нурхаца в 1626 г. Хунтайджи «преследовал бегущих до гор Хиньганских» [28. С. 501]. Продвижение маньчжурских войск вынудило Лигдана уходить в западном направлении, в т. ч. в сторону русских территорий.

В отписке Красноярского воеводы А. Дубенского в Тобольскую приказную избу мы также находим: «...в нынешнем же во 137 году [1629. г.] мая в 11 день... Ивашко Тимофиев с товарищи приехали из Матарские земли и сказали в съезжей избе: идет де из-за Китайского царства царь неведомо какой, а называют его Дючюн-кан, а имени ему не знают, и Китайское царство взял и Лабинское государство взял же, и Алтына де царя розвоевал, а будет де мугал воевать. А называетца де: я де неверным царем всем царь⁹; один де велик государь царь русской, да я де другой царь, а больши де нас двух нет никою. А хочет де итти до русских городов» [29. С. 146]. Из документа следует, что чахарский лидер, упоминаемый как Дючюн-кан, воспринимался практически всеми соседями как враг и завоеватель.

Согласно архивному документу, вот что говорил о Лигдане томскому воеводе И.Ф. Татеву посол Алтын-хана Байгал Байсаев-бакши в конце 1631 г.: «Чагир-кан пришел из-за Китайского государства с полуденную сторону, а шол де подле моря сухим путем на конех, а тово де они не ведают — сколько чагир-кановы люди шли месяц или недель де Китайского государства, и сколь далече их чагир-канова земля за Китайским государством. А с Китайским де государством смежно Лабинская земля да Еушубинская да Желтые Мугалы, и тех де всех земель людей побии чагир-кановы люди, а возит де он с собою лабинских немногих людей. А первая де им весть к Олтыну учинилась про Китайское государство и про Лабинское, что взяли чагир-кановы люди, прибежал лабинской тотарин, а имя де ему Атушта, тому 3-й год. А послы приходили к Алтыну-царю на реку на Кемчик. А Китайское де государство взял подкопом, а подкоп де выведен был под стену и вышел среди города, а вытопил де их водою, а Лабинскую де землю взял же. А люди де с ним многие, а платье на них, сказывают, тулупы, а бой де у них пищальной и лучной и копейной» [29. С. 164].

Русских властей интересовал вопрос о происхождении Чагир-хана, откуда он родом и почему о нем ничего не было известно ранее. Вполне очевидно, что их беспокойство было обосновано необходимостью защиты сибирских

⁹ Интересный оборот («неверным царем всем царь»), прозвучавший в 1629 г., — важный малоизвестный исторический факт, определенно указывающий, что уже тогда Лигдан считался «неверным», вероятно, противником учения Гелук, которого придерживались немало восточных и практически все западные монголы.

территорий от нового неизвестного завоевателя. Следующая информация была получена от самого Алтын-хана, правителя государства хотогойтов на северо-западе Монголии: «И Алтын сказал: отец де Чагир-канов кочевал от нево, Алтына, своею ордою. И как де отец ево умер, и он, Чагир-кан, остался мал, и почала де ему быть от окольных орд обида. И он де от обиды, покиня отцовскую орду, с невеликими людьми отшел за моря тому де лет с 15 и больши. А как дё Чагир-кан взмужали за морем, собрався с людьми, пришел в отцовскую орду и с теми своими и отцовской орды с людьми те свои немирные земли, от ково ему была обида, поймал, и Китайское, и Лабинское государства взял. И ныне де с ним, с Чагир-каном, сказывают, люди многие, а бой де у нево лучшей и копейной и огненной, и стоит в Китайском государстве» [29. С. 170–171]. Здесь в жизнеописании чахарского правителя обнаруживаются некоторые параллели с жизнью Чингисхана: притеснения после смерти отца, годы лишений, объединение сотоварищей, желание отмщения за прошлые обиды.

Несколько более подробная и более верная информация о Лигдане, о причинах его войн с соседями, о ситуации на востоке Монголии была собрана посланниками Я. Тухачевским и Д. Огарковым (не позже мая 1635 г.): «Да у [Я]кова и у Дружины в наказе написано: велено проведать про Чагыр-кана подлинно. И в Мугальских землях Чагир-кана не бывало да и нонечя нет. А был мугальсково ж роду алтынов же сродник Чагарской земли Дючин-царь¹⁰ Чулона-царя, а бился с мугальскими цари за ясак, потому отец ево, Чолон [Цэцэн]-царь, имал со многих с мугальских царей ясак. А он, Дючина-царь, отца своево остался мал, и в тое пору те землицы ему, Дючину-царю, отказали и не послушали, и ясаку с себя ему не давали. А как Дючина-царь взмужал, и он, собрав свою Чагарскую землю, и те окольные земли воевал, которые ево не слушали и ясаку ему не давали. А нынча Дючина-царь от уртусково царя Контарачи (9) и от китайских людей убит. А на Китайское было ему государство и зрить немощно, не токма што ему Китайское государство взять, государство, сказывают, сильное» [29. С. 211].

Тем не менее, до того, как погибнуть, Лигдан успел завоевать ряд монгольских территорий: «И послы сказали, что Дючины не стало тому годы з 2, а был де он Мугальские ж земли, а воевал де он мугальских же людей князей, которые владели своими улусы и их побил: Ордосу-князя, Долон Тюменкнязя, Ченчабу-князя, Мунгузина-князя, Карачина-князя, Узана-князя, Керчина-князя, и тех деи он всех мугальских князей побил, а достальными людьми владел, и его деи, Дючины, не стало» [29. С. 256].

Действительно, в 1627 г. он подчинил себе тумэтов и ордосцев, занял Хух-Хото (Коке-Хото) и именно после таких завоеваний он стал угрожать

¹⁰ В русских документах Лигдан назван как Чагир, Чегир, Дючюн, Дючин.

халхасам, в т. ч. упоминавшемся выше Алтын-хану, и даже ойратам: «И говорит тот царь Чагир-кан¹¹: как де дойду до русских и я к ним, к руским людей, учну своих послов посылать, одноконечно де мне побивать Алтына-царя да белых и чорных калмыков» [29. С. 146]. Вероятно, именно эти угрозы и послужили основанием для Алтын-хана и других восточных монголов искать помощи и поддержки у русских властей.

Однако основным противником и врагом для Лигдана оставались маньчжуры, которые и заставили его покинуть родные кочевья на юго-востоке Монголии и переместиться западнее. А.С. Мартынов писал: «Хорошо известно, что поводом для открытой вражды между Нурхацци и Лигдан-ханом чакхарским послужил именно статусный вопрос. В 1619 г. Лигдан-хан направил ко двору Нурхацци посольство с грозным письмом, в котором он именовал себя «правителем монгольского государства с сорока десятками тысяч человек Батур Чингисханом» и требовал прекратить вторжения на территорию империи Мин» [30. С. 65]¹².

Между тем Лигдан имел все права на правление над Монголией. Вероятно, сложившиеся сложные обстоятельства, связанные с его борьбой за признание власти над монгольскими ханствами («за ясак») и нападения маньчжуров принудили его к актуализации всего, что было связано с именем его великого предка — Чингисхана, в том числе и само его имя. Лигдан был следующим монгольским правителем после Алтана, объединившим светские и сакральные титулы. Согласно «Шара туджи», его полный титул звучал как «Линдэн-хутухту, величайший, чингис-даймин-сэцэн, победоносный во всех сторонах света, пала-чакравартин, тай-тайсун, небожитель среди небожителей, всемирный Хормуста, повернувший золотое колесо, царь учения» [11. С. 89–90]. Как видно из титула, Лигдан обозначил себя перевоплощенцем высокого ранга (хутухту), светлейшим (даймин) и мудрейшим (сэцэн) правителем, защитником (пала) буддийского учения, вращающим оба колеса власти — светскую и религиозную (чакравартин); остальные титулы были повторением предыдущих. Таким образом, Лигдан своим сложным титулом, фактически, просто повторил то, что народная традиция приписывала Чингисхану — мудрое правление над всей землей и народами, защитник учения (религии)¹³. Однако до сих пор не ясно, когда или благодаря чему/кому он принял это имя как титул.

¹¹ Т.е. Хунтайджи, сын Нурхацци.

¹² Чахары показали себя «верными сообщниками последних [китайцев], и с одной стороны охраняли границы срединной империи, а в другой доставляли китайцам из своих прекрасных табунов лошадей для конницы и артиллерии» [25. С. 124].

¹³ Б. Нацагдорж приводит 15 вариантов имени Лигдана, где он упоминается как Чингисхан [31. С. 182–183]; в них Лигдан восхваляется в т. ч. в буддийских контекстах: правитель (держатель) государства и веры (*erten-ü qad-un törü sasin tegüsken bariγsan*), чакравартин, повернувший золотое колесо учения (*nom-un altan kürdün-i orčiγyuluγчи čakirvati*) и др.

Религиозные коннотации были присущи и маньчжурам.

Хунтайджи в религиозной сфере пошел по пути Лигдана — стал покровительствовать школам Сакья и Кагью,¹⁴ поскольку те среди монголов все еще обладали немалым авторитетом (фактически со времен Юань). На такой шаг повлияли, прежде всего, политические причины: Хунтайджи, с одной стороны, нужно было привлечь монголов к войне с Минским Китаем, с другой, он нуждался в идеологической основе для оправдания определенной преемственности своего правления (династии) от прежней монгольской Юань. Соответственно, предполагалось воссоздать и перенастроить важнейшие элементы юаньской политической структуры и системы, в которой значимое место занимали институты тибетского буддизма¹⁵.

Идея единства, вернее, преемства власти Чингисхана и его внука Хубилая ярко проявится в определенных аспектах политики маньчжуров, намеревавшихся захватить Пекин, но до того нуждавшихся в поддержке со стороны монголов. Это событие (начало подчинения монголов) оказалось также сопряжено с религиозными нюансами. Так, в 1634 г., когда маньчжуры разбили Лигдана, Абахая досталась статуя дхармапалы Махакалы, популярной фигуры из пантеона тибетского буддизма, покровителя Лигдана и юаньских императоров. Монахи, находившиеся при ней, перешли к нему. Согласно Н.Я. Бичурину у одной из супруг Лигдана была обнаружена «престолонаследственная печать Юаньского двора с китайской надписью»¹⁶. По случаю этого, а также по причине подчинения ряда других монгольских народов маньчжурский лидер «принял титул императора и царство свое наименовал Дацин, т. е. Великое Цинское. 1636 год есть первое лето сего Нового Царства» [28. С. 503]. Абахай объявил себя императором *хуанди* (*huangdi*, *hûwangdi*), тем самым фактически обозначив себя преемником династии Юань.

¹⁴ Духовными наставниками Лигдана были Майдари-хутухта и Цонэцорджи (от тибетской школы Карма Кагью) и Сакья Панчен Шарба Ананда Шри Бадра (от тибетской школы Сакья), причем последнему, прибывшему к хану в 1617 г., Лигдан вручил титул «Ваджрадара хутухту лама» [32. С. 15]. Что касается маньчжурских лидеров, то Нурхаци еще в 1621 г. был посвящен в практики школы Сакья представителем этого направления тибетского буддизма ламой Олуг Дархан Нанцо. См.: [33. Р. 51].

¹⁵ Эта черта политики маньчжуров отразится на влиянии буддийских иерархов у монголов: понимая значение и роль у них религии, императоры создавали баланс светской власти передачей аналогичного объема власти их духовным лидерам; таким образом, у монголов появились два высших социальных класса с альтернативной властью, из-за чего отпадала опасность их объединения и совместного действия. См.: [34. Р. 120].

¹⁶ Многие современные исследователи подвергают сомнению эту историю и считают, что она была выдумана маньчжурами для легитимации своего господства над монголами и последующего утверждения своей власти в Китае (напр., см.: [35]). Нечто подобное имело место в 1294 г., когда монголами была «найдена» нефритовая печать — «Печать, передающая Государство», которая использовалась всеми предыдущими династиями Китая, пока ее не потеряли чжурчжэни при покорении империи Сун. находка «стала важным аспектом пропаганды права монголов править Китаем» [22. Р. 69].

Как было замечено Б.Я. Владимирцовым, надо обратить внимание на политический подтекст тех событий, поскольку Цины успешно пользовались религией для достижения своих целей. Маньчжурам было крайне важно представить Лигдана как человека, решившего уничтожить буддизм, и в частности, учение Гелук, поскольку в таком случае «на второй план отступает главная причина гибели „последнего чингисханида“: соперничество и борьба с манджурами» [36. С. 241].

Лхавзан Чингисхан

В указанный период времени происходила консолидация власти у ойратов, возглавляемых хошутами-чингисидами. Большое влияние на такие процессы оказал хошутский Зая-пандита, который благодаря своим выдающимся достижениям на поприще учебы стал очень известным ламой и наставником, за что получил имя (звание) *Зая* (Победоносный). По окончании обучения его направили для проповеди учения Гелук к ойратам. И.Я. Златкин полагал, что тибетские лидеры командировали Зая-пандиту к ойратам не столько по религиозным, сколько по политическим причинам. Он также заметил, что это событие совпало по времени с периодом формирования трех ойратских ханств и разгромом чахаров [37. С. 26]. У ойратов к тому времени, вероятно, произошли изменения в трактовке права на власть чингисидов: была важна не принадлежность к прямым потомкам Чингисхана (Золотому роду), но следование его установлениям и преданность его Ясе. «Поскольку большинство монголов было под властью маньчжуров, ойраты, должно быть, считали себя единственными преемниками Монгольской империи, все еще гордившимися независимостью» [38. Р. 269].

Укрепление Гелук у ойратов в течение первой трети XVII в. и их успешные военные операции, давление со стороны маньчжуров, в том числе в религиозной сфере, оказали воздействие на политические процессы у восточных монголов — возникло ожидание появления лидера, духовного либо светского, кто бы их объединил. В то время, когда у восточных монголов продолжались споры, кто является ханом, а кто — хаганом, Далай-лама ввел новый титул, связанный с религией — Тензин (*bstan 'dzin* — защитник, покровитель учения), присуждавший за особые заслуги перед учением Гелук. Это нововведение повлияло на изменения в устоявшейся титулатуре правителей монгольских народов и в целом на их политическую культуру, которая прежде развивалась в дискурсе культа и наследия Чингисхана.

Среди ойратов первым титул Тензин получил хошутский лидер Гушихан, впоследствии его удостоился джунгарский правитель Галдан, известный также как Бошогту-хан. К. Этвуд отмечает «поразительное различие» между

политиями чингисидов и джунгаров¹⁷, заключавшееся в титуле их монархов, поскольку чингисиды носили титул «хан», тогда как джунгары обладали таким титулом редко, и он никогда не был наследственным [40. Р. 613]. Тем не менее, безусловное преклонение перед именем и памятью Чингисхана продолжало бытовать среди монгольских народов.

По-своему уникальный случай — обретение около 1703 г. тибетским ханом хошутом Лхавзаном, внуком Гуши-хана, титула (имени) Чингисхан. Не углубляясь в детали его прихода к власти и начала правления, следует отметить, что для необходимости укрепления им своего положения имелись вполне веские основания и причины — враждебность со стороны регента (дипы) Сангье Гьяцо (внутренняя причина) и угроза захвата Тибета со стороны других ойратов — джунгаров (внешняя причина). Лхавзан нуждался в том числе в обладании таким титулом, который позволил бы ему укреплять свой авторитет и влияние, и он, как и веком ранее Лигдан, обратился к титулу-имени Чингисхана.

Согласно жизнеописанию Чжамьян Шадбы, известного ламы школы Гелук, он еще в 1703 г. пожаловал Лхавзану имя Чингисхан [41. С. 177]. Б. Нацагдорж приводит цинский документ, где отмечено, что это имя хошутскому правителю вручил регент (дипа) Сангье Гьяцо [31. С. 190]. Под этим именем он был известен и у подданных джунгарского правителя Цэван-Рабдана: по свидетельству русского посланника капитана И. Унковского, общавшись с ним «бухарцы», подданные Цэван-Рабдана, сообщили, что «Араптан [Цэван-Рабдан] решил женить дочь за сына Чингис-хана, который живет при Далай-ламе» [42. К. 104]. Итальянский миссионер-иезуит И. Дезидери, пребывавший в начале 18 в. в Тибете, также именует Лхавзана Чингисханом и другом императора [43. Р. 255].

Лхавзан усиливал свои позиции в Лхасе путем противостояния регенту.

Между тем ситуация в Тибете получила специфическое развитие из-за того, что новый Далай-лама Шестой Цаньян Гьяцо, перевоплощенец Великого Пятого Далай-ламы Нгаванг Гьяцо, стал проводить довольно специфическую духовную политику и практику. Это вызвало противодействие со стороны ряда видных лам, выступавших за «чистоту» учения Гелук и составивших ему мощную оппозицию. К их числу относился и упоминавшийся выше известный Чжамьян Шадба. Нововведения Далай-ламы сформировали оппозицию в составе Дрепунга и Серы, которая обратилась за помощью к Лхавзану [Dreyfus]; последний тоже был недоволен всеилием регента и отказом Цаньяна Гьяцо от обетов несколькими годами ранее.

Дипа, из-за политической власти столкнувшись с давлением со стороны Лхавзана, был вынужден уйти в отставку, поставив на свое место

¹⁷ О времени происхождения и смысле (значении) имени джунгаров и роли в этом буддизма см.: [39].

сына — Нгаванг Ринчена. Тем не менее отношения между ними обострились¹⁸. В начале нового 1705 г. на одном из собраний высших лам в Потале было решено, что они оба (хан и регент) должны покинуть Лхасу [46. Р. 10–11]¹⁹. Лхавзан согласился уйти на Кукунор, где находилось основное население ханства хошутов, однако, добравшись до своих соплеменников в Нагчукла (северо-восточный тибетский регион на пути к Кукунору), он собрал верное себе войско и с ним двинулся обратно на Лхасу [47. Р. 130–131]. Сангье Гьяцо в спешке сформировал войска из ополчения центрально-тибетских регионов Уйа, Цзана и Нгари, но был довольно скоро разбит и пленен, содержался в крепости Гонкар. Там он был под охраной Церинг Таши, тибетской жены Лхавзана, которая 6 сентября 1705 г. казнила его [48. Р. 273; 49. Р. 109].

После победы над регентом Лхавзан был объявлен *гьялпо трипа* (rgyal po k'ri pa), полный же титул мог звучать как *Тензин Джингир* (Чингис) *гьялпо* (bstan 'dzin jin gir rgyal po) [48. Р. 273]. Он отправил отчет о событиях в Пекин. Император, недовольный бывшим регентом за сокрытие правды о смерти предыдущего (Пятого) Далай-ламы и нуждавшийся в поддержке хошутов для укрепления своей позиции в Тибете, поддержал Лхавзана и выслал ему титул «ифакун-шунь-хан» (I-fa-kung-shun-han²⁰) [46. Р. 15]. Хошутский хан, ставший единоличным правителем Тибета, столкнулся с новой оппозицией в лице Далай-ламы Цаньян Гьяцо. Вероятно, Лхавзан пытался достичь с ним каких-то договоренностей, но, поскольку Далай-лама был воспитан казненным дипой, такие попытки были обречены на провал.

Между тем, несмотря на отказ от данных обетов, Цаньян Гьяцо считался истинным Далай-ламой. Тибетцы в целом воспринимали поведение Далай-ламы как «чистое видение тантры» [51. Р. 142]. Согласно «Истории Галдана»: «В то время, благодаря святости Далай-ламы [Цаньян Гьяцо], его обеты были возвращены Панчену-богдо. Он вел себя как истинный йогин, и поэтому не имел себе равных. За это время Лхавзан хан несколько раз обращался по поводу него ко Двору» [44. Р. 125].

Трения между окружением Далай-ламы и хошутами, прежде всего с Лхавзаном завершились с решением цинского двора «схватить фальшивого Далай-ламу и доставить в Пекин» [20. Р. 332; 52. Р. 33]. В 1706 г. Цаньян Гьяцо был отправлен в Пекин, однако за пределами Лхасы на охранение ламы

¹⁸ Как следует из «Биографии Галдана», регент пытался отравить Лхавзана, однако благодаря снадобьям Чжамьян Шадбы он выздоровел [44. Р. 125–126; 45. С. 124].

¹⁹ До того регент организовал беспорядки в Сера против хана.

²⁰ Н.Я. Бичурин называет титул «Фуцзяо-Гуншунь-хан» — «Покровитель веры и покорный хан» [28. С. 534]. Согласно Б.Д. Дандарону это был «Фу-куо-нунг-шунх», и он переводит его как «Покровитель учения и верноподданный хан» [50. С. 142]. Очевидно, что в титуле отмечаются усилия Лхавзана по «наведению порядка» в ситуации с религией и поощряется стремление сохранять дружеские отношения с императором. Также заметим, что ханский титул фактическому правителю Тибета был предоставлен не Далай-ламой, а цинским императором.

напали монахи монастырей Дрепунг, Сера и Ганден, которые освободили его и привели в Дрепунг [53. Р. 43]. Хошуты потребовали вернуть ламу, пригрозив разрушить монастырь. Желая избавить монахов от страданий и притеснений, Далай-лама вернулся к своему эскорту. Добравшись в его сопровождении до окрестностей Кукунора, он 14 ноября 1706 г. по неясным причинам скончался²¹ у небольшого озера Кунганор.

Лхавзан заявил, что нашел «истинную» инкарнацию — Нгаванг Еше Гьяцо²², который был полностью зависим от нового тибетского правителя. Этот новый Далай-лама был признан Панчен-ламой Пятым и императором Канси, но не принят населением Лхасы и многими ламами. По мнению В.Д. Шакабпы, «люди не признали в нем истинное перевоплощение Далай-ламы» [54. С. 146]. Хошуты Кукунора, соплеменники Лхавзана, тоже не согласились с таким выбором, осуществленным без их участия [49. Р. 110]. Таким образом, политическая и религиозная ситуация в Тибете вновь оказалась на грани войны и мира.

В 1714 г. ламы Серы, Дрепунга и Таши-лхунпо обратились к джунгарскому хунтайджи Цэван-Рабдану за помощью в свержении Лхавзана, устранении «ложного» Далай-ламы и интронизации «истинного» воплощения — юного Калсан Гьяцо [55. Р. 32]. Последний был уже обнаружен и содержался в кукунорском монастыре Кумбум под охраной хошутов.

Это обращение, а также ряд других важных причин привели к тому, что в 1717 г. джунгарская армия (6 тыс. воинов) вторглась в Тибет через его западную часть, прошла форсированным маршем к центру страны и в начале ноября захватила Лхасу.

Лхавзан перед штурмом джунгарами Лхасы отправил в Пекин послание о помощи, однако направленная маньчжурами в Тибет кукунорская (хошутско-тибетская) армия не смогла оказать ему поддержки [56. Р. 47–48]. Сам Лхавзан погиб в бою у Поталы. По словам Панчен-ламы, «джунгары убили хана, потому что они его не узнали. Его ханша, сын и монгольская знать были арестованы... Командиры джунгаров сказали, что они должны встретиться со мной... на 14-й день... около 4000 воинов собрались в большом зале приема Поталы, где я проповедовал (им)» [57. Р. 419].

После смерти Лхавзана более уже не было в монгольской истории достойных правителей, носивших гордое имя Чингисхана.

Имя Чингисхана было актуально для всех народов и их лидеров, так или иначе соотносивших себя с этим великим правителем. В частности Ш. Лемерсье-Кельеже, изучавшая письма калмыцкого хана Аюки к турецкому падишаху, писала, что, когда началось восстание башкиров в начале

²¹ Смерть Далай-ламы Цаньян Гьяцо по пути в Пекин случилась от оспы [49. Р. 110]. Согласно китайским источникам, он умер от неизвестной болезни [20. Р. 34].

²² По мнению некоторых историков, он мог быть сыном самого Лхавзана. См., напр.: [46. Р. 17–20]. Нгаванг Еше был ламой в медицинском дацане Чакпори.

1700-х гг., русская власть просила помощи у Аюки, но он отказался, заявив, что «мы все являемся потомками Чингисхана, и принадлежим к одному народу» [58. Р. 69]. Французская исследовательница отметила: «Этот любопытный призыв к солидарности чингисидов, объединяющий мусульманские кочевые племена (башкиры, казахи и каракалпаки) и буддистов (калмыки) поверх религиозных различий, показывает живую устойчивость воспоминаний о великой Монгольской империи в восемнадцатом веке» [58. Р. 70]. Следует заметить, что речь все же идет не столько об империи, сколько об имени его создателя, что позволяет считать, что имя Чингисхана, иногда воспринимавшееся и как титул, обладало огромным значением для той части мира, история которой оказалась навсегда связана с этим человеком, объявленным человеком тысячелетия.

Заключение

Таким образом, с разницей практически в 100 лет два известных лидера монгольского мира получили имя Чингисхана как часть своего титула. В обоих случаях это была не попытка присвоить себе имя великого правителя, но результат влияния конкретных факторов (условий), актуализировавших имя Чингисхана:

- борьба с сепаратизмом в условиях воздействия внешней силы («призыв к объединению, солидарности»);
- стремление «начать заново», возглавить «новую эпоху процветания» («возрождение Золотого века монголов»);
- необходимость идентифицировать себя как истинного лидера в условиях роли религии («буддийский Чингисхан = чакравартин»).

Лигдан до последнего верил, что он — глава всей Монголии, а Лхавзан — что является главой всего Тибета, и даже Далай-лама подотчетен ему.

Возможно, именно ламы из окружения Лигдана и Лхавзана предложили трансформацию имени создателя Монгольской империи в титул (второе имя) при кризисе прежних систем управления, когда главным правителям противостояли сильные соперники; однако результат был бы очевиден без использования религиозного оформления. Чингисхан еще ранее был объявлен *чакравартином*, вращающим оба колеса власти — светское и духовное. Позже возобладало мнение, что только тот лидер мог возглавить народ, кто поддерживал буддийское учение (реализация мощи светского колеса), за что освящался ламами именем Чингисхана (проявление мощи духовного колеса). И Лигдан, и Лхавзан назвались Чингисханами для обоснования своего права руководить делами государства и веры. Это были масштабно мыслявшие лидеры своего времени, а имя Чингисхана как будто давало им «высшую» протекцию. И религия также оказала им свою поддержку, и в целом это были времена определенного ренессанса общемонгольского духа.

Быть Чингисханом, т.е. обладать этим именем как титулом, означало высочайшую ответственность в достижении стабильности в сложные переходные времена, для обретения милости высших сил и верности подданных.

Библиографический список

1. *Rachewiltz I.D.* Qan, qa'an and the seal of Güyüg // *Documenta barbarorum: Festschrift für Walther Heissig zum 70. Geburtstag / hrsg. v. Klaus Sagaster, Michael Weiers.* Wiesbaden: Harrassowitz, 1983. P. 272–281.
2. *Джувейни Ала-ад-дин.* Чингисхан. История завоевателя мира / пер. текста с англ. на рус. язык Е.Е. Харитоновой. М.: Издат. дом Магистр-пресс, 2004.
3. *Vernadsky G.* The Mongols and Russia. New Haven, 1953.
4. *Бартольд В.В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Бартольд В.В. Сочинения. М.: Наука, 1963. Т. 1.
5. *Howorth H.* History of the Mongols from the IX-th to the XIX-th Century. Pt. 1. The Mongols proper and the Kalmuks. London, 1876.
6. *Киселев С.В., Евтюхова Л.А., Мерперт Н.Я. и др.* Древнемонгольские города. М.: Наука, 1965.
7. *Douglas W.O., Conger D.* Journey to Outer Mongolia // *National Geographic.* 1962. March.
8. *Charleux I.* Chinggis Khan's ancestor, Buddha or Shaman? // *Mongolian Studies.* 2009. Vol. 30–31.
9. Tshal pa kun dga rdo rje brtsams. Deb ther dmar po. Beijing, 1981. (Красная книга.)
10. *Sayang Sečen.* Erdeni-yin Tobči ('Precious Summary'). A Mongolian Chronicle of 1662. Canberra: Australian National University, 1990.
11. Желтая история (Шара туджи). пер. с монг., транслитер., введ. и комм. А.Д. Цендиной. М.: Восточная литература, 2017.
12. *Jamsran L.* Attempts to Overcome a Crisis of State: the Oirats Gain in Strength // *The History of Mongolia.* Vol. II. Part 3. Yuan and Late Medieval Period / ed. by D. Sneath and C. Kaplonski. *Global Oriental,* 2010. P. 497–507.
13. *Владимирцов Б.Я.* Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм // *Работы по истории и этнографии монгольских народов.* М.: Восточная литература, 2002. С. 295–488.
14. *Serruys H.* The Office of Tayisi in Mongolia in the fifteenth Century // *Harvard Journal of Asiatic Studies.* 1977. Vol. 37. № 2. December. P. 353—380.
15. *Златкин И.Я.* История Джунгарского ханства. 1635–1758. 2-е изд. М.: Наука, 1983.
16. *Atwood Ch.* Encyclopedia of Mongolia and the Mongol Empire. Fact on Line, Inc., 2004.
17. *Чжан-му, Хэ Цютао.* Мэн-гу-ю-му-цзи (Записки о монгольских кочевьях.) / пер. с кит. П.С. Попова. СПб.: Паровая скоропечатня П.О. Яблонского, 1895.
18. *Zimmermann M.* Only a Fool Becomes a King: Buddhist Stances on Punishment // *Buddhism and Violence / ed. by M. Zimmermann and the assistance of Chiew Hui Ho and Philip Pierce.* Lumbini: Lumbini International Research Institute, 2006. P. 213–242.
19. *Китинов Б.У.* Миграции ойратов в первой четверти XVII в. накануне возвращения в Джунгарию // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история.* 2021. Т. 13. № 4. С. 420–430. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2021-13-4-420-430>
20. *Ahmad Z.* Sino-Tibetan relations in the seventeenth century / *Serie Orientale, XL.* Roma: Istituto Italiano per il Medio ed Estremo Oriente, 1970.
21. *Bell Ch.* The Religion of Tibet. New Delhi, Madras: Asian Educational Services, 1992.
22. *Elverskog J.* The Jewel Translucent Sutra. Altan Khan and the Mongols in the Sixteenth Century. Leiden-Boston: Brill, 2003.
23. *Лубсан Данзан.* Алтан тобчи (Золотое сказание). пер. с монг., введ., комм. и приложения Н.П. Шастиной. М.: Наука, 1973.

24. *Okada H.* The Third Dalai Lama and Altan Khan of the Tümed // *Tibetan Studies. Proceedings of the V Seminar of the International Association for Tibetan Studies.* Narita, 1989. Naritasan shinshoji, 1992. Vol. 2. P. 645–652.
25. *Позднеев А.М.* Монгольская летопись Эрдэнийн эрихэ. Подлинный текст с переводом и пояснениями. Материалы для истории Халхи с 1636 по 1736 г. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1883.
26. *Бичурин Н.Я.* Записки о Монголии. Том. 2. СПб.: Типография Карла Крайя, 1828.
27. *Elverskog J.* Our Great Qing. The Mongols, Buddhism and the State in Late Imperial China. University of Hawai'i Press, 2008.
28. *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений по исторической географии Восточной и Срединной Азии / Сост. Л.Н. Гумилев, М.Ф. Хван. Чебоксары: Чувашское государственное издательство, 1960.
29. Материалы по истории русско-монгольских отношений. 1607–1636: Сборник документов / Сост. Л.М. Гатауллина, М.И. Гольман, Г.И. Слесарчук; отв. ред. И.Я. Златкин, Н.В. Устюгов. М.: ГРВЛ, 1959.
30. *Мартьянов А.С.* Статус Тибета в XVII–XVIII веках в традиционной китайской системе политических представлений. М.: Наука, 1978.
31. *Нацагдорж Б.* Монголын түүхэнд хэдэн Чингис хаан байсан бэ? // Монголын нууц товчоон судлал. Улаан-Баатар, 2015. С. 180–196.
32. *Скрынникова Т.Д.* Ламаистская церковь и государство. Внешняя Монголия. XVI — начало XX века. Новосибирск: Наука, 1988.
33. *Grupper S.M.* Manchu Patronage of Tibetan Buddhism during the First Half of the Ch'ing Dynasty // *Journal of Tibetan studies.* 1984. № 4. P. 47–76.
34. *Moses L.W.* The Political Role of Mongol Buddhism. Indiana University Uralic Altaic Series. Vol. 133. Indiana University Press, 1977.
35. *Weiers M.* Die Historische Dimension Des Jade-Siegels Zur Zeit Des Mandschuherrschers Hongtaiji // *Zentral-Asiatische Studien.* 1994. Vol. XXIV. P. 119–145.
36. *Владимирцов Б.Я.* Надписи на скалах халхаского Цокту-тайджи // Работы по истории и этнографии монгольских народов. / Б.Я. Владимирцов. М.: Восточная литература, 2002. С. 221–246.
37. *Златкин И.Я.* Зая-Пандита как политический деятель // 320 лет старокалмыцкой письменности: материалы научной сессии. Элиста: Калмыцкое книжное изд-во, 1970. С. 21–40.
38. *Miyawaki J.* The Chinggisid Principle In Russia // *Russian History.* 1992. Vol. 19. № 1/4. P. 261–277.
39. *Kitinov B.U., Lyulina A.G.* Dzungar: religion and designation // *Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность.* 2023. Вып. 3. С. 173–184.
40. *Atwood Ch.* Titles, appanages, marriages, and officials: a comparison of political forms in the Zunghar and Thirteenth Century Mongol empires // *The History of Mongolia.* Vol. II. Part 3. Yuan and Late Medieval Period / ed. by D. Sneath and C. Kaplonski. Global Oriental, 2006. P. 610–634.
41. *Гончог-Чжигмэд-Ванбо.* Повествование о жизни Всеведущего Чжамьян-Шадбий-Дорчже, могущественного ученого и сиддха, называющееся «Брод, ведущий к удивительно благому делу» / Введ., пер., комм. Н.В. Цыремпилова. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2008.
42. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Фонд 113. Описание 113/1. Дело 1. 1724 г.
43. *Desideri I.* Mission to Tibet: the extraordinary eighteenth-century account of Father Ippolito Desideri, S.J. / transl. by Michael J. Sweet; ed. by Leonard Zwilling. Wisdom Publications, 2010.
44. *Heissig W.* Ein mongolisches Textfragment über den Olötenfürsten Galdan // *Sinologische Arbeiten.* Deutschland Institut Peking, 1944. № 2. P. 92–160.

45. Джамбадорджи. Хрустальное зеркало // История в трудах ученых лам. М.: Т-во научных изданий КМК, 2005. С. 62–154.
46. *Petech L.* China and Tibet in the early XVIIIth century: history of the establishment of Chinese protectorate in Tibet. Second, revised edition. Leiden: E.J. Brill, 1972.
47. *Aris M.* Hidden Treasures and Secret Lives: A Study of Pemalingpa, 1450–1521, and the Sixth Dalai Lama, 1683–1706. Shimla: Indian Institute of Advanced Study, 2015 (reprint of 1988).
48. *Petech L.* Notes on Tibetan History of the 18th Century // T'oung Pao. Second Series. 1966. Vol. 52. Livr. 4/5. P. 261–292. URL: <http://www.jstor.org/stable/4527650> (дата обращения: 11.12.2019).
49. *Pomplun T.* Jesuit on the Roof of the World: Ippolito Desideri's Mission to Tibet. Oxford University Press, 2009.
50. История Кукунора, называемая «Прекрасные ноты из песни Брахмы». Сочинение Сумба Хамбо. Пер. с тибет., введ. и примеч. Б.Д. Дандарона. М., 1972.
51. *Kapstein M.T.* The Tibetans. Malden, Blackwell, 2006.
52. Bod mi'i khrims mthun gzhung dga' ldan pho brang dbu brnyes nas lo 360 'khor ba'i bka' drin rjes dran dang ma ongs mdun bskyod ky'i kha phyogs. Vol. 1. Dharamsala: LTWA, 2002.
53. *Kitinov B.U.* Shakur Lama: the Last Attempt to Build the Buddhist State // Buddhism in Mongolian History, Culture and Society. / ed. by Vesna Wallace. Oxford University Press, 2015. P. 37–52.
54. *Шакабна В.Д.* Тибет. Политическая история. СПб.: Нартанг, 2003.
55. *Rockhill W.W.* The Dalai Lamas of Lhasa and Their Relations with The Manchu Emperors of China 1644–1908. Dharamsala: LTWA, 1998.
56. *Китинов Б.У., Лю Цян.* Религия в ойратской политике династии Цин // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2019. Т. 11. № 1. С. 44–55.
57. *Shakabpa T.W.D.* One hundred thousand moons: an advanced political history of Tibet. Translated and annotated by Derek F. Maher. Vol. 1. Leiden, Boston: Brill, 2010.
58. *Lemercier-Quelquejay C.* Les Kalmuks de la Volga entre l'Empire russe et l'Empire ottoman sous le règne de Pierre le Grand // Cahiers du monde russe et soviétique. Janvier-Mars 1966. Vol. 7. № 1. P. 63–76.

Информация об авторе:

Китинов Баатр Учаевич — доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт востоковедения РАН, Москва, e-mail: kitinov@mail.ru.
ORCID: 0000-0003-4031-5667

DOI: 10.22363/2312-8127-2023-15-4-374-392

EDN: CIEHLZ

Научная статья / Research article

Возрождение «славного прошлого» в Республике Корея в период правления Пак Чон Хи

А.А. Курмызов

Институт востоковедения Российской Академии Наук,
Россия, 107031, Москва, ул. Рождественка, д. 12

 kurmyzov@mail.ru

Аннотация. Исследуется историческая политика Республики Корея в период правления авторитарного режима Пак Чон Хи (1961–1979 гг.). Автор отмечает, что политика Пак Чон Хи в отношении исторического наследия Кореи делилась на два этапа: 1) период с 1961 до середины 1960-х гг., когда правительство РК сумело создать правовую основу государственной политики по охране культурного наследия и Управление по делам культурного достояния; 2) период с 2-й половины 1960-х до 1979 г., когда власти РК начали масштабную и целенаправленную пропаганду корейской традиционной культуры. Рассмотрены исторические взгляды Пак Чон Хи; его подходы к сохранению культурного наследия Кореи; реставрация мест воинской славы Кореи; меры по увековечиванию памяти выдающихся исторических деятелей Кореи; возвеличивание наследия древнекорейского государства Силла; пропаганда конфуцианских ценностей. Автор приходит к выводу, что президент Пак Чон Хи стремился к укреплению национального самосознания южнокорейцев для того чтобы мобилизовать их на реализацию общенациональных задач и сплотить вокруг власти. Основной акцент делался на героических страницах военной истории Кореи и истории Силла, первого объединённого корейского государства. В 1970-е гг. государство активно пропагандировало конфуцианские ценности, что должно было обеспечить лояльность населения к авторитарному режиму Пак Чон Хи. Несмотря на демократизацию Республики Корея, начавшуюся в 1987 г., культурная политика Пак Чон Хи сыграла значительную роль в формировании исторической идентичности современных южнокорейцев. Исследование основано на работах Пак Чон Хи, официальных документах Республики Корея и материалах южнокорейских исследователей.

Ключевые слова: Южная Корея, историческое наследие, национальное самосознание, традиционная культура

История статьи: Поступила в редакцию: 18.03.2023. Принята к публикации: 27.07.2023.

© Курмызов А.А., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Курмызов А.А. Возрождение «славного прошлого» в Республике Корея в период правления Пак Чон Хи // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2023. Т. 15. № 4. С. 374–392. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-15-4-374-392>

The Revival of the “Glorious Past” In the Republic of Korea under Park Chung Hee

Aleksandr A. Kurmyzov

Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences,
107031, Moscow, ul. Rozhdestvenka, d. 12/1, Building 1

 kurmyzov@mail.ru

Abstract. The study examines the Republic of Korea’s (ROK) history politics under Park Chung Hee rule (1961–1979). The author argues that it’s possible to identify two stages of the development of policy toward Korea’s national heritage: 1) the early stage (1961 to mid 1960s), during which the government of the ROK managed to create the legal basis of the state policy on the protection of cultural heritage and the Office of Cultural Properties and 2) the late stage (the late 1960’s to 1979), when the regime carried out large-scale propaganda of Korean traditional culture. The article covers such problems as historical views of Park Chung Hee, restoration of Korean places of military glory, measures to perpetuate the memory of Korean outstanding historical figures — admiral Yi Sun-sin and king Sejong the Great, glorification of the ancient Korean kingdom Silla, promotion of Confucian values. The author concludes that President Park Chung Hee sought to strengthen the national consciousness of South Koreans in order to mobilize them to implement national tasks and unite the population around the authorities. The main emphasis was placed on the heroic pages of the military history of Korea and the history of Silla, the first unified Korean state. In the 1970s, the state actively promoted Confucian values to ensure the loyalty of the population to the authoritarian regime of Park Chung Hee. Despite the democratization of the Republic of Korea since 1987, Park Chung Hee’s cultural policy has played a significant role in shaping the historical identity of modern South Koreans. The research is based on Park Chung Hee’s works, ROK’s official documents and materials of South Korean researchers.

Keywords: South Korea, historical heritage, national identity, traditional culture

Article history: Received: 18.03.2023. Accepted: 27.07.2023.

For citation: Kurmyzov AA. The Revival of the “Glorious Past” In the Republic of Korea under Park Chung Hee. *RUDN Journal of World History*. 2023;15(4):374–392. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-15-4-374-392>

Введение

Хорошо известно, что представления о прошлом играют большую роль в развитии национальной идентичности. Для народов, испытывавших в прошлом жёсткое угнетение, вполне естественно обращение к славным

страницам своей истории, равно как и стремление найти некий Золотой век. Память о деяниях предков может служить основой самосознания нации и источником вдохновения для патриотически настроенной части населения. В то же время для государства пропаганда национальной культуры и поддержание интереса к истории страны связано с решением не только «общекультурных», но и внешне- и внутривнутриполитических задач, таких как обеспечение политической стабильности, социальной гармонии, достижение экономического прогресса, создание положительного имиджа за рубежом и т.д.

Для государств, традиционно относившихся к конфуцианскому культурному ареалу (Китай, Корея, Япония, Вьетнам), всегда было характерно особенно пристальное внимание к истории. Она рассматривалась не столько как отражение истинного прошлого, сколько как набор примеров, актуальных и для настоящего [1. С. 336]. В странах Восточной Азии история издавна воспринималась и воспринимается как инструмент воспитания правильной исторической памяти, и обращение к истории помогало не только увидеть корни тех или иных современных проблем, но и извлечь определённые уроки на будущее. Не является исключением из этого правила и Республика Корея (далее — РК).

Формирование идеологии корейского национализма началось во 2-й половине XIX в. как реакция на вмешательство иностранных государств во внутренние дела Кореи и активизировалось в годы борьбы с японским колониальным господством. Однако разработка государственной концепции истории и политика по сохранению традиционной корейской культуры в Южной Корее связаны прежде всего с периодом правления генерала Пак Чон Хи, возглавлявшего страну с 1961 по 1979 гг. Захватив власть в результате военного переворота 16 мая 1961 г., ставшего реакцией на общенациональный кризис, в котором пребывала РК в начале 1960-х гг., Пак провозгласил приоритетом своей политики ускоренную экономическую модернизацию страны. В то же время культурная политика, проводившаяся южнокорейским государством в 1960–1970-х гг., стала средством политической пропаганды и обеспечения лояльности населения к политическому курсу властей. Ставя своей целью создание новой национальной культуры, основанной на традициях и самобытных особенностях корейского народа, правительство Пак Чон Хи активно обращалось к «славному прошлому» Кореи. Характерной чертой культурной политики 1960–1970-х гг. стал акцент на поддержке традиционной корейской культуры. Именно в этот период были заложены основы политики по сохранению культурного наследия Кореи. Также стоит отметить, что почитание в качестве главных фигур корейской истории таких исторических деятелей, как адмирал Ли Сун Син, *ван* (король) Седжон Великий, существующее в современной РК, является результатом усилий Пак Чон Хи по формированию исторической памяти южнокорейцев. Таким образом изучение действий государства по восстановлению исторического наследия

Кореи в 1960–1970-х гг., помогает лучше понять отношение к своему прошлому в современной РК.

Анализ государственных мер по пропаганде корейской культуры и популяризации истории важен и интересен также тем, что они были тесно связаны с взглядами самого Пак Чон Хи на историю Кореи. Обращение к тем или иным историческим персонажам и эпохам было тесно связано с политическими и идеологическими приоритетами руководителя РК.

Цель исследования — анализ основных направлений политики режима Пак Чон Хи по поддержке исторического наследия Кореи и влияние на неё идеологических концепций южнокорейского лидера. Для этого необходимо обратиться к теоретическим трудам Пак Чон Хи, написанным в 1960–1970-х гг.

Взгляды Пак Чон Хи на историю и политика в отношении исторического наследия в первые годы правления

В своих ранних работах «Путь нашей нации» (*Ури минджокый нагаль киль*, 1962) и «Государство, революция и я» (*Кукка, хёнмён ква на*, 1963), написанных вскоре после прихода к власти, Пак Чон Хи неоднократно обращается к истории. Пак Чон Хи даёт негативную оценку исторического пути Кореи: «Наша 5-тысячелетняя история отмечена консерватизмом, грубостью и стагнацией» [2. С. 385]. Автор также полагает, что «история этой страны, проходившая без единого мирного дня, в результате непрерывного давления и вторжений внешних сил, была не жизнью, а существованием» [2, С. 386].

В работе «Путь нашей нации» Пак Чон Хи во 2 главе «Размышляя о прошлом нашей нации» и 3 главе «Хроника страданий корейского народа» даёт подробный критический анализ более чем 500-летней эпохи правления династии Ли (1392–1910 гг.) и истории страны в Новое время. Пак оценивает период существования государства Чосон во главе с вышеупомянутой династией резко критически, акцентируя внимание на негативных аспектах общественно-политической жизни Кореи того времени. Говоря о «печальном наследии» того периода, Пак Чон Хи отмечает следующие пороки: 1) отсутствие духа независимости (*чаджу*) и низкопоклонство перед сильными странами (*садэджуый*); 2) лень и стремление к получению нетрудовых доходов; 3) отсутствие духа новаторства; 4) недостаток предпринимательского сознания; 5) злостный эгоизм; 6) отсутствие понятия чести; 7) отсутствие здоровой критики. Пак Чон Хи отмечает, что «переворот Ли Сон Ге (первый ван государства Чосон — А.К.) означал всего лишь смену династий, замену правления семьи Ван правлением семьи Ли» и не привёл к существенным преобразованиям в жизни корейского общества [3. С.48, 49].

Политика *садэджуый* («низкопоклонство» перед Китаем), окончательно восторжествовавшая при династии Ли, вызывает особое осуждение Пак Чон

Хи. По его мнению, вассалитет по отношению к Китаю привёл к тому, что Корея не смогла достичь подлинной национальной независимости. Слепо копируя китайскую культуру и идеи, династия Ли повернулась спиной к национальным традициям [3. С. 64].

Чем же объясняются столь резкие высказывания Пак Чон Хи в отношении истории Кореи? Следует помнить, что как личность он сформировался в период японского колониального господства. Изучением истории государства Чосон и Кореи в целом в этот период занимались японские учёные, и их исследования соответствовали идеологической политике, проводимой Японией на Корейском полуострове. Стремясь к апологии своей «цивилизаторской миссии» в Корею, японцы внедряли представление о том, что всё корейское является помехой на пути к прогрессу и стремились «японизировать» корейцев. Образованные корейцы, учившиеся в школах или университетах в колониальный период, во многом восприняли японский взгляд на прошлое Кореи и также были склонны принижать корейские традиции.

Несмотря на подъём национального самосознания корейцев, особенно после освобождения страны в 1945 г., и стремление многих корейских интеллектуалов избавиться от пережитков японского колониализма, процесс переоценки прошлого Кореи проходил с немалыми трудностями [4. С. 87]. Получивший образование в колониальный период, Пак Чон Хи также усвоил японский взгляд на историю Кореи, в особенности на период правления династии Ли. В то же время, на наш взгляд, критическое отношение южнокорейского лидера к династии Ли отчасти могло быть связано с тем, что последняя не смогла справиться с вызовами времени, в результате чего Корея не сумела модернизироваться и потеряла независимость.

Однако было бы ошибочным считать восприятие корейской истории Пак Чон Хи нигилистическим. Критически оценивая исторический путь, пройденный Кореей, руководитель РК в то же время видит в ней и моменты, которые могут служить поводом для гордости. Так, в вышеупомянутом труде «Путь нашей нации» Пак Чон Хи упоминает о патриотической традиции «преодоления национального кризиса», проявившейся, по его мнению, в деятельности адмирала Ли Сун Сина, народного ополчения *Ыйбён* в годы Имджинской войны (1592–1598 гг.) с японцами и крестьянского восстания *Тонхак* 1894–1895 гг. [3. С. 80]. Автор также обращает внимание на расцвет художественной литературы на корейском языке, написанной на алфавите *хангыль* в эпоху Позднего Чосона [3. С. 81]. Он также даёт высокую оценку таким корейским мыслителям, как Ли Хван (псевдоним Тхвеге — 1501–1570), Ли И (псевдоним Юльгок — 1536–1584) и *сирхакисты* (сторонники изучения «практических» наук в противовес конфуцианской учёности). Пак Чон Хи даже высказывает мнение, что если бы *сирхак*, являясь реформистским идейным течением, сумело бы сокрушить конфуцианство как

господствующую доктрину государства Чосон, то отсталость Кореи могла быть преодолена быстрее [3. С.82, 83].

Сразу же после прихода к власти правительство Пак Чон Хи приняло комплекс мер, направленных на охрану культурного наследия. В 1961 г. было создано Управление по делам культурного достояния (*Мунхваджэ кваллигук*), отвечающее за сохранение культурного наследия Кореи и вошедшее в Министерство образования. С 1965 г. при Управлении стал издаваться журнал «Культурное достояние» (*Мунхваджэ*). Позднее, с 1968 г. Управление по делам культурного достояния было переподчинено Министерству культуры и информации [5. С. 186]. В 1962 г. был принят закон «Об охране культурного достояния» (*Мунхваджэ похобон*) и составлен новый список объектов культурного значения. Согласно данному закону, было выделено четыре категории культурного наследия: материальное культурное наследие (архитектурные сооружения, книги, старинные документы, произведения живописи, скульптуры), нематериальное культурное наследие (традиционные театральные представления, музыка, танцы, игры, фестивали, боевые искусства), памятники (захоронения, руины крепостей, дворцы и другие исторические места), народное культурное наследие (традиции, традиционная корейская еда, одежда и жилища, ежегодные торжества)¹. Принятие закона 1962 г. заложило правовую основу государственной политики по охране культурного наследия РК.

В то же время на данном этапе правительство Пак Чон Хи ограничивалось сохранением существующих памятников культуры и, как правило, не проводило масштабных проектов по восстановлению исторического наследия.

Новые подходы Пак Чон Хи к историческому наследию Кореи

Новый этап политики Пак Чон Хи по отношению к традиционной культуре начался с конца 1960-х гг. Именно с этого момента можно говорить о масштабной и целенаправленной пропаганде традиционной культуры и истории Кореи под эгидой Министерства культуры и информации. Как известно, придя к власти, Пак Чон Хи ввёл систему экономического планирования. Теперь данная практика стала применяться и в сфере культуры. Был принят 5-летний план развития культурного достояния (1969–1974 гг.), а его логическим продолжением стал 5-летний План возрождения культуры и искусства (1974–1978 гг.). Это свидетельствует о значительном росте интереса

¹ Закон об охране культурного наследия Республики Корея. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.law.go.kr/%EB%B2%95%EB%A0%B9/%EB%AC%B8%ED%99%94%EC%9E%AC%EB%B3%B4%ED%98%B8%EB%B2%95> (дата обращения: 25.03.2023).

к национальному историческому наследию со стороны президента Пак Чон Хи. Чем можно объяснить подобные изменения?

Во-первых, проводя курс на ускоренное экономическое развитие страны и стремясь обосновать необходимость вмешательства государства в различные сферы жизни общества, режим Пак Чон Хи положил в основу своей идеологической политики принцип этатизма (*куккаджубый*). В этих условиях президент стремился сплотить широкие народные массы вокруг власти, и пробуждение патриотического сознания населения помогало эффективно решить эту задачу.

Во-вторых, апелляция к национальным чувствам корейцев и подчёркивание преемственности с прошлыми эпохами должны были легитимизировать правление Пак Чон Хи, укрепить его авторитет среди населения.

В-третьих, после Освобождения и особенно после Корейской войны (1950–1953 гг.) Южная Корея испытала мощное влияние западной, в первую очередь американской культуры. Как указывает современный южнокорейский исследователь Ким Хэн Сон, это привело к усилению гедонизма, эгоизма, культы потребления среди молодого поколения и создало угрозу сохранения культурной самобытности Кореи [6. С. 31].

Также Пак Чон Хи, осуществляя курс на создание мощной экономики, не забывал и о «человеческом» факторе. Он полагал «модернизацию духа» (*чонсин кындэхва*) не менее важным, чем экономическое развитие. Пак Чон Хи рассматривал её как необходимое условие достижения безопасности, процветания и конечного объединения Кореи. Путь же к осуществлению «модернизации духа», по мнению южнокорейского лидера, лежал через возрождение национальной культуры [6. С. 34, 35].

К тому же к концу 1960-х гг. экономический курс, принятый на вооружение Пак Чон Хи после прихода к власти, начал давать свои плоды, и государство могло позволить выделить средства на осуществление масштабных проектов, связанных с историческим наследием.

Не стоит забывать и о политической ситуации в РК в тот период. С середины 1960-х по начало 1970-х гг. усилиями самого Пак Чон Хи и ряда корейских учёных — Ким Ун Тхэ, Хан Сын Джо, Чхве Чхан Гю, Пэк Ван Ги и др. в Южной Корее происходило формирование идеологии *чучхесон*. Идеологи режима стремились к созданию соответствующей требованиям времени «идеологии с корейской спецификой», основными элементами которой должны были стать национализм, опора на собственные силы в экономике и обороне и относительная самостоятельность во внешней политике. Идеология *чучхесон* обосновывала необходимость сильной государственной власти и оправдывала авторитаризм как явление, присущее корейской политической культуре. Практическим воплощением данных идей стало установление Пак Чон Хи принятия конституции *Юсин* в конце 1972 г., гарантировавшей ему практически неограниченную власть. Президент РК активно

пропагандировал идею «кореезированной демократии» (*хангукджок минджуджуйи*), опирающейся на корейские традиции в противовес западной либеральной демократии. К тому же, обращаясь к теме объединения Кореи, Пак Чон Хи подчёркивал, что различия в идеологии и политической системе вторичны по сравнению с «великой национальной общностью Кореи» и призывал к восстановлению и развитию национальной самобытности [7. С. 118]. Таким образом, режим Пака стал искать опору в истории и национальных традициях, а общая оценка исторического пути, пройденного Кореей, приобрела более позитивный характер.

Так, в работе «Сила нации» (*Минджокый чорёк*), вышедшей в 1971 г., президент подчёркивал, что корейцы «сталкиваясь с вторжениями сильных держав, превосходивших нас во много раз и по населению, и военной мощи, практически каждые 200 лет, смогли сохранить единое и по крови, и по культуре национальное государство. Это без преувеличения настоящее чудо в истории человечества» [8. С. 87]. Пак Чон Хи также стал оценивать культурную роль Кореи в мире весьма позитивно. В частности, в данной работе он указывает на то, что корейская духовная культура стала «резервуаром, где соединились различные потоки восточноазиатской культуры» [8. С. 88].

Политика в отношении исторического наследия Кореи в конце 1960–1970-х гг.

Особенностью культурной политики Пак Чон Хи в конце 1960-х — 1-й половине 1970-х гг. является принятие государством целого комплекса мер по пропаганде корейской культуры и истории. В этот период открывались новые музеи, реставрировались разрушенные в эпоху японского господства памятники старины, создавались мемориальные храмы, посвящённые тем или иным выдающимся историческим деятелям, а также воздвигались памятники европейского типа [1. С. 319]. Можно выделить несколько направлений деятельности государства в данной сфере: 1) реставрация или строительство памятников, связанных с сопротивлением корейского народа внешним агрессорам; 2) героизация исторических персонажей, внёсших большой вклад в развитие Кореи; 3) возрождение конфуцианских традиций; 4) увековечивание памяти мифических основателей государств, существовавших в древности на Корейском полуострове.

Реставрация памятников воинской славы Кореи

Идеология *чучхесон* в качестве важнейшего фактора, определяющего развитие корейского народа на всём протяжении его истории, рассматривало национальное самосознание. Соответственно, события прошлого стали оцениваться с точки зрения проявления в них корейского «национального

духа». В первую очередь это касалось героических страниц борьбы корейцев с иноземными завоевателями. В официальном дискурсе история корейского народа представляла как «история преодоления национальных кризисов» (*кукнан кыкпокса*). Она изображалась как череда испытаний и оборонительных войн, в ходе которых корейский народ с честью отстаивал свою свободу и независимость. Деятели, прославившиеся в этих войнах, всячески прославлялись государственной пропагандой. Так, в списке 10 главных национальных героев страны, составленном в 1973 г., 5 относились к военачальникам — Ли Сун Син (1-е место в списке), Кан Гам Чхан (5-е место), Ыльчи Мундок (6-е место), Чо Хон (Чунбон, 8-е место), Ким Ю Син (10-е место) [9. С. 111].

С конца 1960-х гг. широкое распространение получила практика реставрация исторических мест, связанных с военной историей Кореи. Государство не ограничивалось простым восстановлением данных памятников, а создавало на их основе целые историко-архитектурные и ландшафтные комплексы культуры и отдыха. В 1970-х гг. были реконструированы следующие места: Наксондэ, место рождения полководца Кан Гам Чхана; могила 700 солдат и молельня в горах Кымсан; старинные фортификационные сооружения и дворец на острове Канхвадо; крепости Чинджу, Намхансансон, Хэнджусансон; памятник Ханпхадурри на острове Чеджудо, посвящённый корейским воинам, павшим в бою с монголами, и т.д.

Ярким примером данной тенденции может служить Могила 700 солдат и молельня в горах Кымсан (*Кымсан чхильбэк ыйчхон*), посвящённая воинам-добровольцам, сражавшимся под командованием военачальника Чо Хона и монаха Ёнгю и погибшим в неравном бою с японскими войсками в битве при Кымсане в 1592 г. на раннем этапе Имджинской войны (1592–1598 гг.). Именно в период президентства Пак Чон Хи данное место впервые официально получило статус исторического памятника (1963 г., № 105). В этом же году границы могил расширили в три раза, были восстановлены молельня и памятник и построено несколько новых дополнительных зданий. В 1976 г. был создан музей, посвящённый подвигу павших воинов, а ритуалы их поминовения, ранее проводившиеся на местном уровне, впервые приобрели общенациональный статус.

Пак Чон Хи, провозгласив лозунг «модернизации родины» (*чогук кын-дэхва*), стремился внушить гражданам РК, что они унаследовали национальный дух своих предков, позволявший им переносить все тяготы. Пропаганда славного боевого прошлого должна была побудить южнокорейцев к готовности переносить тяготы ради экономического развития страны. К тому же в условиях роста военной угрозы со стороны КНДР Пак Чон Хи призывал граждан РК к самопожертвованию ради Родины и доказывал необходимость укрепления вооружённых сил. Тема преодоления «национальных трудностей» стала одной из ведущих в официальном дискурсе.

В то же время южнокорейский исследователь О Мён Сук отмечает, что в отличие от лидера КНДР Ким Ир Сена Пак Чон Хи не слишком охотно обращался к теме борьбы корейцев против японского колониализма в 1-й половине XX в. Если в Северной Корее места, связанные с историей антияпонской борьбы, стали фактически национальными святынями, то на Юге об их сохранении не слишком заботились [9. С. 112]. Представляя себя корейским националистом, Пак Чон Хи в то же время искал источники вдохновения для своих концепций в более далёком прошлом. Это было вполне объяснимо, учитывая факт учёбы Пак Чон Хи в военной академии в Японии и его службу в Маньчжурии в годы Второй мировой войны, тогда как Ким Ир Сен и его соратники активно участвовали в антияпонском партизанском движении.

Одним из наиболее героических событий в военной истории Кореи, относившихся к отдалённому прошлому, считается Имджинская война (1592–1598 гг.), представлявшая собой борьбу корейских войск и народа против японского нашествия. В официальной пропаганде времён Пак Чон Хи она рассматривалась как яркое проявление «духа защиты Родины» (*хогук чонсин*) [10. С. 264]. Главным героем этой войны по праву считается выдающийся корейский флотоводец Ли Сун Син. Ни один из персонажей корейской истории не удостоился в 1960–1970-х гг. таких почестей на государственном уровне, как Ли Сун Син.

Примеры «славных предков» в Южной Корее 1960–1970-х гг.

Известно, что Пак Чон Хи высоко ценил адмирала Ли Сун Сина и ещё в детстве проявлял интерес к его фигуре. В своих воспоминаниях о детстве, записанных уже в 1970 г., на посту президента южнокорейский лидер вспоминал, что «прочитав «Ли Сун Сина», написанного Чхунвоном (Ли Гван Су) в 5 классе, стал преклоняться перед полководцем Ли Сун Сином» [11. С. 70]. В работе «Путь нашей нации» Пак Чон Хи характеризует его деятельность как яркий пример защиты Родины [3. С. 81].

Храм Хёнчхунса в городе Асан, посвящённый Ли Сун Сину, в правление Пак Чон Хи пережил настоящую трансформацию и превратился в большой историко-архитектурный комплекс. Начиная с 1962 г. Пак Чон Хи регулярно посещал это место в дни торжеств по случаю рождения адмирала. За 18 лет правления Пак посетил эти праздничные мероприятия 14 раз [12. С. 184]. В этом же году площадь святилища была увеличена в три раза — с 1 345 до 5 359 *пхён*², а также построено несколько новых построек, включая выставочный зал, посвящённый Ли Сун Сину. В период с 1966 по 1975 гг. территория храмового комплекса снова была расширена в несколько раз и построен мемориальный музей, посвящённый флотоводцу. Ежегодный фестиваль,

²Корейская единица измерения площади. 1 пхён = 3,306 квадратных метра.

посвящённый годовщине со дня рождения Ли Сун Сина, с 1967 г. превратился из регионального в мероприятие общенационального масштаба. Также именно в период правления Пак Чон Хи был учреждён фестиваль в честь победы великого адмирала над японским флотом у острова Хансандо в 1592 г.

В период президентства Пак Чон Хи в РК также были установлены памятники Ли Сун Сину европейского образца. Самый известный из них был открыт в центре Сеула недалеко от дворца Кёнбоккун в 1968 г. Двумя годами ранее статуя великого флотоводца появилась в его родном городе Асане, а в 1970-е гг. — в Йосу, служившем военно-морской базой флота адмирала в годы Имджинской войны.

Правительство Пак Чон Хи приложило немало усилий для популяризации образа Ли Сун Сина. Стали массово издаваться «Нанджун ильги» (Военный дневник Ли Сун Сина), «Биография Чхунмугона (посмертное имя адмирала, означающее «верный военачальник» — А.К.)». Данные книги были включены в школьную программу как обязательное чтение. В 1975 г. Корейская национальная железнодорожная корпорация организовала бесплатный тур в Хёнчхунса для 300 школьников младших классов [13. С. 16]. С этого времени южнокорейские студенты и школьники стали посещать это место в рамках учебных экскурсий. По мере роста экономического благосостояния населения в 1970-е гг. мемориальный комплекс в Хёнчхунса стал популярным туристическим местом.

Безусловно, усилия властей РК по сохранению памяти о Ли Сун Сине в 1960–1970-х гг. в первую очередь отражали личные симпатии Пак Чон Хи. В то же время президент, обращаясь к образу великого корейского флотоводца, преследовал и определённые политические цели. Бывший генерал, пришедший к власти в результате свержения гражданского правительства в 1961 г., стремился представить себя спасителем страны. С этой точки зрения обращение к образу адмирала, спасшего Родину, позволяло Пак Чон Хи проводить удобные ему исторические аналогии. Современный южнокорейский исследователь Чон Джэ Хо также обращает внимание и на другую возможную причину возвеличивания Ли Сун Сина, которую предпочитают обходить стороной апологеты Пак Чон Хи. Нормализация отношений с Японией в 1965 г. и активное экономическое сотрудничество с ней неоднозначно воспринимались в южнокорейском обществе и вели к обвинению правительства Пак Чон Хи в прояпонской политике. Героизируя Ли Сун Сина и тем самым демонстрируя корейский патриотизм, президент стремился тем самым защитить себя от подобных обвинений [12. С. 186].

Наряду с адмиралом Ли Сун Сином одним из главных героев корейской истории стал ван Седжон (1418–1450), прославившийся прежде всего изобретением корейского алфавита *хангыля* в 1440-е гг. В работе «Путь нашей нации» Пак Чон Хи отмечает, что Седжон был «великим королём, который внёс наиболее блестящий вклад в культуру нашей страны за всю её историю.

Он изобрёл *хангыль*, основываясь на идее о том, что разговорный и письменный язык должны быть одинаковыми. Это было поистине мудрым шагом с точки зрения развития национального самосознания и означало национальную культурную революцию в истории средневековой Кореи» [3. С. 75, 76]. В труде «Сила нации» президент РК даже называет *хангыль* «одним из наиболее самобытных творений человечества» [8. С. 89].

Пак Чон Хи всячески пропагандировал наследие Седжона. Так, в 1970 г. был учреждён новый государственный праздник — День *хангыля* (9 октября). Центр исполнительских искусств, построенный в 1978 г. в самом центре корейской столицы, также получил имя просвещённого правителя. В 1976–1977 гг. гробница Седжона, расположенная в городе Ёджу южнее Сеула, была отремонтирована и был воздвигнут мемориальный зал в его честь. Возвеличивание Седжона объяснялось тем, что президент рассматривал создание *хангыля* как проявление национального духа корейцев, духа самостоятельности. Более того, южнокорейский лидер выступал за упразднение иероглифов в корейском письменном языке в РК, подобно тому как от них отказалась КНДР в 1948–1954 гг. Это нашло практическое отражение в том, что во 2-й половине 1960-х гг. был разработан пятилетний план 1968–1973 гг. по полному переходу на *хангыль*. Но данная идея нашла как горячих сторонников, так и противников в среде учёных, журналистов и деятелей культуры. В южнокорейских СМИ появились статьи, авторы которых выступали категорически против отмены иероглифов, справедливо указывая на то, что наравне с *хангылем* они являются частью корейской культуры, и многие слова имеют иероглифическое происхождение. В результате Министерство культуры и образования вынуждено было пойти на уступки: в 1971 г. в школах возобновилось изучение иероглифов, а в 1974 г. — в учебники для средней и старшей школ вернулась практика одновременного использования иероглифов и *хангыля* [12. С. 172].

Прославление Ли Сун Сина и Седжона Великого в период правления Пак Чон Хи оказало влияние на формирование исторической памяти последующих поколений корейцев. Так, согласно опросу, проведённому в декабре 1962 г., 26, 1 % корейцев назвали наиболее выдающейся личностью прошлого Ли Сун Сина, а 18,4 % — Седжона. В 1984 г. эти показатели возросли до 38,1 % и 35,4 % соответственно [4. С. 101]. В настоящее время они относятся к «культурным» историческим фигурам современной РК.

Тангун, Силла и хвараны

Увековечивание памяти мифических основателей государств, существовавших в древности на Корейском полуострове, также стало важной частью усилий правительства Пак Чон Хи по формированию национальной идентичности южнокорейцев. Образ Тангуна, мифического основателя первого

корейского государства, широко использовался в официальной пропаганде в период правления первого президента Республики Корея Ли Сын Мана (1948–1960 гг.). Так, в период с 1948 по 1962 г. в стране применялось летоисчисление *танги*, начинающееся с 2333 г. до н. э. — легендарной даты основания Древнего Чосона. Пак Чон Хи после прихода к власти отменил все мероприятия, связанные с первопрередком корейского народа, за исключением Дня образования Кореи (3 октября). 1 января 1962 г. календарь *танги* был упразднён, а из школьных учебников изъяли посвящённые Тангуну разделы [14. С. 148] .

Тем не менее Пак Чон Хи, как и Ли Сын Ман, тоже обращался к образу Тангуна как образцового правителя. В своей книге «Сила нации» южнокорейский лидер упомянул гуманистический принцип *хоньик инган* («принесение пользы всем людям»), приписываемый Тангуну [8. С. 267]. Несколькими годами ранее, в 1964 г., статус исторического места практически одновременно получили алтарь Чхамсодан на острове Канхвадо и крепость Самнансон («Крепость трёх сыновей»), сооружённые, по преданию, самим Тангуном (№ 136 и 130 соответственно). В реальности крепость Самнансон впервые упоминается в источниках только в 1259 г. (в период государства Корё) и не могла быть построена в эпоху Древнего Чосона, однако в данном случае историческая достоверность уступила место национальному мифу.

Другим примером возвеличивания мифического персонажа стало обращение к образу Пак Хёккесе, мифического первого правителя государства Силла. По легенде, изложенной в историческом труде буддийского монаха Ирёна *Самгук Юса* в конце XIII в., он появился на свет из яйца, обнаруженного лошадьё. Место, где произошло это «событие» — колодец Наджон в Кёнджу, было включено в перечень «исторических мест» в 1975 г. (№ 245). Несколькими годами ранее, в 1969 г., статус «исторического места» получили королевские гробницы Орын, где, по преданию захоронены останки легендарного основателя Силла и его супруги (№ 172). И хотя эти курганы были сооружены не ранее IV в., т.е. на четыре столетия позже предполагаемой смерти Пак Хёккесе, историчность имела явно второстепенное значение по сравнению с политическими задачами. Увековечивая память легендарных правителей древних государств, президент стремился продемонстрировать то, что Корея имеет древнюю многовековую историю. Важную роль играл и фактор противостояния с КНДР — Пак Чон Хи стремился представить своё правительство наследником славного прошлого Кореи.

В 1970-е гг. для сохранения артефактов прошлого и поддержания памяти о нём был основан целый ряд музеев — музей Пуё (1971), музей Конджу (1973), музей Кёнджу (1975), Пусанский городской музей (1978), музей Кванджу (1978). Стали делаться и попытки популяризации традиционного культурного наследия Кореи и за рубежом — в конце 1970-х гг. выставки корейского изобразительного искусства прошли в Японии и США.

Но особенное внимание режим Пак Чон Хи уделял наследию государства Силла, о чём говорит масштабная реконструкция её столицы Кёнджу, предпринятая в 1970-х гг. Пак Чон Хи рассматривал период Объединённого Силла (668–935 гг.) как «золотой век» в корейской истории, тогда как в Северной Корее основное внимание уделяли Когурё, занимавшему северную часть Корейского полуострова и часть Маньчжурии [9. С. 113]. Пропаганда силлаского культурного наследия и интереса к истории Силла была неслучайной, ведь именно это государство, будучи расположенным на юго-востоке современной РК, впервые объединило большую часть Корейского полуострова. К тому же сам президент был родом из провинции Кёнсандо, на территории которой и возникло Силла. Таким образом Пак Чон Хи стремился подчеркнуть легитимность РК как «наследника» первого объединённого корейского государства.

В русле тенденции государственной пропаганды по прославлению Силла стоит рассматривать и героизацию *хваранов* — членов военнотренировочной организации молодёжи из числа силлаской аристократии. В работе «Путь нашей нации» Пак Чон Хи отмечает, что «всякий раз, когда страна оказывалась в трудном положении, а правящий слой оставался пассивным, из глубин народа пробуждался национальный дух, дух *хваранов*» [3. С. 80]. Довольно развёрнутая характеристика *хваранов* даётся также в последней крупной теоретической работе президента «Путь возрождения нации» (*Минджок чунхынный киль*), изданной в 1978 г.: «Движение *хваранов* создало среду, в которой молодые люди королевства Силла возвращали в себе и индивидуальное, и государственное самосознание. Морально совершенствуясь, сочиняя стихи и наслаждаясь песнями и танцами и поддерживая гармоничные отношения между собой, *хвараны* отличались крепкой солидарностью и преданностью государству. Путешествуя по стране и посещая живописные горы и реки, они познавали гармонию и наряду с грамотностью и воинским искусством старательно возвращали в себе человечность. Их идеалом был воин, который бесстрашно отдал бы свою жизнь, защищая Родину, но, в то же самое время, с состраданием и гуманизмом относился бы к жизни во всех ее проявлениях; бесстрашный человек, готовый немедленно защитить правое дело и честь своей общины и в то же время романтик, обладающий изысканным вкусом» [15. С. 237]. Таким образом, в представлении руководителя РК *хвараны* предстают своего рода идеальными гражданами: способными на самопожертвование, преданными Родине, ощущающие себя членами коллектива и гармонично развитыми людьми. Стоит помнить, что преданность стране и государю наряду с гуманностью — важнейшие свойства идеального подданного в конфуцианстве. Неслучайно, что 1970-е гг. стали временем обращения властей РК к постулатам данного философского учения, в течение многих веков определявшего жизнь корейского общества.

Возвращение к конфуцианским ценностям

В своих работах начала 1960-х гг. Пак Чон Хи критиковал конфуцианство, видя в нём источник фракционализма, низкопоклонства перед Китаем и догматизма в общественно-политической жизни Кореи. Также Пак возлагал на данное учение ответственность за экономическую, научную и технологическую отсталость страны. Подобную критику конфуцианства нельзя назвать оригинальной для стран Восточной Азии: она была созвучна идеям Ху Ши и других китайских интеллектуалов 1920-х гг.

Однако постепенно лидер РК переосмыслил значимость конфуцианского наследия для развития Кореи, что непосредственно отразилось в его трудах. В уже упоминавшейся работе «Путь возрождения нации» президент с уважением говорит о таких безусловно конфуцианских ценностях, как преданность государству (*чхун*) и сыновняя почтительность (*хё*). Он даёт им следующую трактовку: «Понятия *чхун* и *хё* основаны на пламенной любви индивидуума к коллективу, к которому он принадлежит. Если семья — это маленькая община, то государство или нация является большой общиной. В своей основе любовь к своей семье и любовь к государству не отличаются друг от друга. Точно так же, как дом является небольшой общиной, государство является большой общиной, и любовь к своему дому должна быть такой же сильной, как и любовь к своей стране» [15. С. 239]. Таким образом Пак Чон Хи фактически ставит знак равенства между следованием семейным добродетелям и преданностью государству.

В этой работе президент ясно и недвусмысленно отказывается от противопоставления конфуцианской традиции современным реалиям: «Существует тенденция отвергать конфуцианское учение как устаревшее. Однако если мы посмотрим на его ценности, то они являются замечательными традициями, которые мы должны вернуть в современную жизнь» [15. С. 238].

В практическом плане свидетельством поворота Пак Чон Хи к конфуцианству стало создание в 1978 г. Института корейской духовной культуры (*Хангук чонсин мунхва ёнгувон*). В речи, произнесенной во время церемонии открытия, президент указывает, что основная цель его создания состоит в том, чтобы «глубоко изучив и правильно поняв нашу традиционную культуру, установить самостоятельный подход к национальной истории (*чучхеджок минджок сагван*) и возродить сияющий дух самостоятельности наших предков (*чаджу чонсин*), и внести активный вклад в создание новой культуры (*сэроун мунхва чханджо*) и возрождение нации (*минджок чунхын*)» [12. С.191, 192]. Институт корейской духовной культуры занимался не только проведением исследований по корейской истории и культуре, но и пропагандой конфуцианских ценностей. Популяризация таких «добродетелей», как повинение правителю, сыновняя почтительность, уважение к образованию, проводилась также в рамках программы «Движение за новый дух» (*Сэ маым ундон*). Её реализацией занималась Пак Кын Хе, дочь Пак Чон Хи и будущий

президент РК в 2013–2017 гг. Власти активно финансировали издание работ по данным темам и проведение мероприятий, направленных на пропаганду данных ценностей.

На наш взгляд, причина идеологического поворота властей Южной Кореи к конфуцианству и традиционализму в целом непосредственно связана с эволюцией режима Пак Чон Хи. На рубеже 1960–1970-х гг. в РК происходило усиление президентской власти. В 1969 г. была принята поправка к Конституции, позволявшая Пак Чон Хи избираться на третий срок. В конце 1972 г. президент ввёл военное положение по всей стране и принял новую конституцию, известную как *Юсин*. Идеологический поворот властей РК к конфуцианству и традиционализму начался примерно в это же время, что вряд ли может рассматриваться как случайное совпадение. Негативное отношение Пак Чон Хи к конфуцианству в 1960-е гг. было связано с тем, что лидер РК и его соратники позиционировали себя как революционеров, стремящихся к преобразованию общества. Однако с ростом экономического потенциала Республики Корея и одновременно с усилением авторитаризма в политике Пак Чон Хи стал позиционировать себя не столько как революционера, сколько как защитника корейских традиций. Созданный им режим *Юсин* представлял собой авторитарную диктатуру консервативного типа, ставящую во главу угла сохранение политической стабильности в условиях роста оппозиционных настроений среди городских слоёв (студентов, интеллектуалов, профсоюзных и религиозных активистов). Стремясь идеологически укрепить свою власть, Пак Чон Хи и проправительственные идеологи прибегли к апологии конфуцианских ценностей [16. С. 118, 119]. Для авторитарного режима консервативного типа, рассматривающего традицию как источник своей легитимации, характерна опора на духовные ценности своего народа вместо революционного желания их разрушить.

Заключение

В завершение статьи мы можем сделать вывод о том, что культурная политика Пак Чон Хи во многом определялась политическими соображениями. Лидер РК рассматривал в качестве приоритетной цели своей политики осуществление форсированной индустриализации страны, что должно было вывести Республику Корея из состояния бедности и укрепить её суверенитет. В этих условиях Пак Чон Хи стремился к укреплению национального самосознания южнокорейцев для того чтобы мобилизовать их на реализацию общенациональных задач и сплотить вокруг власти. Уделяя повышенное внимание героическим страницам корейской военной истории и периоду государства Силла, впервые объединившего большую часть Корейского полуострова, руководство РК пропагандировало патриотизм, стойкость

и готовность к самопожертвованию. Представляя себя защитником исторического наследия и корейских традиций, президент стремился укрепить свой авторитет среди населения. Данная тенденция стала проявляться особенно ярко с конца 1960-х — начала 1970-х гг., что совпало с процессом усиления президентской власти. Пропаганда конфуцианских ценностей, развернувшаяся с особенной силой в конце 1970-х гг., должна была обеспечить лояльность населения к авторитарному режиму Пак Чон Хи.

Стоит признать, что обращение к «славному прошлому» Кореи и традиционному культурному наследию способствовали росту национального самосознания южнокорейцев, что стало одним из факторов успеха экономической модернизации на юге Корейского полуострова. В то же время несмотря на все усилия со стороны власти на рубеже 1970–1980-х гг. авторитарные режимы Пак Чон Хи и его преемника Чон Ду Хвана столкнулись с кризисом легитимности, что выразилось в широком протестном движении и начале процесса демократизации Республики Корея в 1987 г.

Несмотря на масштабные политические изменения, произошедшие на юге Корейского полуострова с конца 1980-х гг., нельзя не признать, что основы современной политики РК по поддержке традиционной культуры были заложены именно в период правления Пак Чон Хи. Историческое самосознание современных южнокорейцев до сих пор во многом основано на официальных трактовках истории, сформулированных в период правления данного лидера. Примером этого может служить повышенное внимание к Силла, равно как и почитание Седжона Великого и Ли Сун Сина в качестве «главных» национальных героев. Целый ряд государственных мер по сохранению традиционного культурного наследия, впервые введённых в 1960–1970 гг., продолжают активно использоваться в Южной Корее и сейчас. Таким образом, культурная политика, проводившаяся президентом Пак Чон Хи, сыграла важную роль в формировании современной южнокорейской идентичности.

Библиографический список

1. *Асмолов К.В.* Корейская политическая культура: традиции и трансформация. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2017.
2. *Пак Чон Хи.* Кукка, хёнмён ква на (Государство, революция и я) // Хамён твенда! Ттольчхё иронаджа (Мы можем это сделать! Давайте поднимемся). Сеул: Тонсо мунхваса, 2005. С. 211–423.
3. *Пак Чон Хи.* Ури минджокый нагаль киль (Путь нашей нации) // Хамён твенда! Ттольчхё иронаджа (Мы можем это сделать! Давайте поднимемся). Сеул: Тонсо мунхваса, 2005. С. 7–210.
4. *Чон Джэ Хо.* Пандоджок кындэджужуйджа Пак Чон Хи (Реакционный модернизатор Пак Чон Хи). Сеул: Чхэк сесан, 2011.
5. *Лазарева К.В.* Корейский опыт формирования государственной политики в области охраны культурного наследия // Вестник Сургутского государственного педагогического университета: научный журнал. 2017. № 4 (49). С. 185–189.

6. *Kim Haeng Son*. 1970 нѣндэ Пак Чон Хи чонгвонный мунхва чончхэк ква мунхва тхондже (Культурная политика режима Пак Чон Хи и контроль над культурой в 1970-е гг.). Сеул: Сонин, 2012.
7. *Park Chung Hee*. *Modernization of the Fatherland. President Park Chung Hee's Political Philosophy. A Collection of Essays and Addresses*. Seoul: Ministry of Public Informations, 1966.
8. *Пак Чон Хи*. Минджокый чорѣк (Сила нации) // *Нарага вигыпхаль тэ оччи моксумыль аккири* (Как выжить, когда страна в кризисе). Сеул: Тонсо мунхваса, 2005. С. 81–222.
9. *Oh Myungseok*. *Cultural Policy and National Culture Discourse in the 1960s and 1970s* // *Korean Anthropology Review*. 2017. Vol. 1. № 1. P. 105–129.
10. *Sintionean Codruța*. *Heritage Practises during the Park Chung Hee Era* // *Key Papers on Korea: Essays Celebrating 25 Years of the Centre of Korean Studies, SOAS, University of London* // ed. by A.D. Jackson. Leiden: Global Oriental, 2014. P. 253–274.
11. *Чо Габ Дже*. Пак Чон Хи. Хан кындэхва хѣнмѣнгаый пиджанхан сэнэ (Пак Чон Хи. Трагическая жизнь революционера — модернизатора). Сеул, 2009. Т. 1. Куниный киль (Путь военного).
12. *Чон Джэ Хо*. Пак Чон Хи чхеджеый минджокджуый ѣнгу. Тамрон ква чончхэкыль чун-симирыо (Исследование о национализме режима Пак Чон Хи: дисс. Сеул: Университет Соган, 1997.
13. *Park Sayeoung*. *National Heroes and Monuments in South Korea: Patriotism, Modernization and Park Chung Hee's Remaking of Yi Sunsin's Shrine* // *The Asia-Pacific Journal: Japan Focus*. 2010. Vol. 8. Issue 24. P. 1–27.
14. *Пострелова М.Н.* Мифический основатель Кореи Тангун и его восприятие в различные исторические периоды // *Вопросы истории Кореи*. Петербургский научный семинар — 2001. СПб.: Фонд восточных культур, 2002. С. 137–158.
15. *Пак Чон Хи*. Минджок чунхыный киль (Путь возрождения нации) // *Нарага вигыпхаль тэ оччи моксумыль аккири* (Как выжить, когда страна в кризисе). Сеул:Тонсо мунхваса, 2005. С. 223–362.
16. *Курмызов А.А.* К вопросу об идейных истоках общественно-политических взглядов Пак Чон Хи (1961–1979) // *Проблемы Дальнего Востока*. 2022. № 4.

References

1. Asmolov K.V. *Korejskaya politicheskaya kul'tura: tradicii i transformaciya*. [Korean Political Culture. Traditions and Transformation]. Moscow : Universitet Dmitriya Pozharskogo; 2017. (In Russ.).
2. Park Chung Hee. *Kukka, hyonmyon kwa na*. [The Country, the Revolution and I]. Hamyon tvenda! Ttol'chkhyo ironadzha. [We can do! Let's rise!]. Seoul: Tonso munhwasa; 2005, p. 211–423. (In Kor).
3. Park Chung Hee. *Uri mindzhokyj nagal' kil'*. [Our Nation's Path: Ideology of Social Reconstruction]. Hamyon tvenda! Ttol'chkhyo ironadzha.. [We can do! Let's rise!]. Seoul: Tonso munhwasa; 2005, 7–210. (In Kor).
4. Jeong Jae Ho. *Pandodzhok kyndedzhuyjdzha Pak Chon Hi*. [Reactionary modernizer Park Chung Hee]. Seoul: Chek sesan; 2011. (In Kor).
5. Lazareva K.V. *Korejskij opyt formirovaniya gosudarstvennoj politiki v oblasti ohrany kul'turnogo naslediya*. [Korean Experience in the Formation of State Policy in the Field of Cultural Heritage Preservation]. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2017; 4 (49):185–189. (In Russ.).
6. Kim Haeng Son. *1970 nyonde Pak Chon Hi chongvonyj munhva chonchkhek kwa munhva thondzhe*. [Cultural Policy and Control of Culture under Park Chung Hee Regime in 1970's]. Seoul: Sonin; 2012. (In Kor).
7. Park Chung Hee. *Modernization of the Fatherland. President Park Chung Hee's Political Philosophy. A Collection of Essays and Addresses*. Seoul: Ministry of Public Informations, 1966.

8. Park Chung Hee. *Mindzhokyj choryok*. [To Build a Nation]. Naraga vigyphal' te ochchi moksumyl' akkiri. [How can we survive if the country is in crisis?]. Seoul: Tonso munhwasa, 2005, p. 81–222. (In Kor).
9. Oh Myungseok. Cultural Policy and National Culture Discourse in the 1960s and 1970s. *Korean Anthropology Review*. 2017; (1): 105–129.
10. Sintionean Codruța. Heritage Practises during the Park Chung Hee Era. *Key Papers on Korea: Essays Celebrating 25 Years of the Centre of Korean Studies, SOAS, University of London*. In: A.D. Jackson editor. Leiden: Global Oriental; 2014, p. 253–274.
11. Cho Gab Dzhe. *Pak Chon Hi. Han kyndehkhva hyonmyongayj pidzhanhan sehneh*. [Park Chung Hee. The Tragic Life of a Revolutionary Modernizer]. Seoul: Cho Gab Dzhe Tatkhom, 2009. Vol. 1. Kuninyj kil'. (In Kor).
12. Jeong Jae Ho. *Pak Chon Hi chkhedzheyj mindzhokdzhuuj yongu. Tamron kva chonchkhekyl' chunsimyro*. [A Study on the Nationalism of the Park Chung Hee Regime] [Dissertation]. Seoul; 1997 (In Kor).
13. Park Sayeoung. National Heroes and Monuments in South Korea: Patriotism, Modernization and Park Chung Hee's Remaking of Yi Sunsin's Shrine. *The Asia-Pacific Journal: Japan Focus*. 2010; 8 (24): 1–27.
14. Postrelova M.N. Mificheskii osnovatel' Korei Tangun i ego vospriyatie v razlichnye istoricheskie periody. [The Mythical Founder of Korea Tangun and his Perception in Various Historical Periods]. *Voprosy istorii Korei: Peterburgskii nauchnyi seminar*. 2001. 2002;137–158. (In Russ.).
15. Park Chung Hee. *Mindzhok chunhynyj kil'*. [Korea Reborn: A Model for Development]. Naraga vigyphal' te ochchi moksumyl' akkiri. [How can we survive if the country is in crisis?]. Seoul: Tonso munhwasa, 2005, p. 223–362. (In Kor).
16. Kurmyzov A.A. K voprosu ob idejnyh istokah obshchestvenno-politicheskikh vzglyadov Pak CHon Hi (1961–1979). [To the Question of the Ideological Roots of Park Chung Hee's Socio-political Views (1961–1979)]. *Problemy Dalnego Vostoka*. 2022; (1):116-127. (In Russ.).

Информация об авторе:

Курмызов Александр Александрович — лаборант-исследователь, отдел Кореи и Монголии, Институт востоковедения Российской Академии Наук, e-mail: kurmyzov@mail.ru. ORCID: 0000-0002-0432-8578.

Information about the author:

Kurmyzov Aleksander — Laboratory Researcher Department of Korea and Mongolia, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, e-mail: kurmyzov@mail.ru. ORCID: 0000-0002-0432-8578

DOI: 10.22363/2312-8127-2023-15-4-393-402

EDN: DMSUCS

Research article / Научная статья

The Causes of the Sino-Soviet Split: Russian and Western Scholarship Perspectives

A.N. Karneev , I.S. Kozylov

National Research University — Higher School of Economics,
17/1 Malaya Ordynka St, Moscow, Russia, 119017

 ikozylov@hse.ru

Abstract. The deterioration of political and ideological ties between China and the Soviet Union, known as the Sino-Soviet split, is considered a pivotal moment in Cold War history. Extensive scholarly study has been conducted over the past few decades to uncover its causes, but researchers have yet to reach a consensus. This study explores the views of Russian and Western academics regarding the origins of the communist superpowers' split, with an emphasis on the part played by ideological, geopolitical, and subjective factors. The research findings indicate that the breakdown of their relationship cannot be attributed to a singular cause; rather, a multitude of factors, such as ideological differences, geopolitical interests, and interpersonal dynamics, interacted in a complex manner. Authors from both Russia and the West offer insightful accounts of the causes of the conflict. By working in concert, their differing perspectives create a thorough, inclusive and reliable narrative of how the division came about. In light of ongoing tensions between the US, China and Russia, a comprehensive understanding of the causes of the Sino-Soviet split provides valuable insights into the current state of international politics.

Keywords: Cold War, ideology, geopolitics, Russian and Western historical research, international relations

Article history: Received: 15.02.2023. Accepted: 27.07.2023.

For citation: Karneev A.N., Kozylov I.S. The Causes of the Sino-Soviet Split: Russian and Western Scholarship Perspectives. *RUDN Journal of World History*. 2023;15(4):393–402. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-15-4-393-402>

© Karneev A.N., Kozylov I.S., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Причины китайско-советского раскола: взгляды российских и западных исследователей

А.Н. Карнеев , И.С. Козылов

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
119017, Россия, Москва, ул. Малая Ордынка, д. 17

 ikozylov@hse.ru

Аннотация. Китайско-советский раскол, под которым подразумевается ухудшение политических и идеологических отношений между Советским Союзом и Китаем, по-прежнему считается ключевым эпизодом в истории холодной войны. Причины китайско-советского раскола являются предметом обширных научных исследований в течение последних нескольких десятилетий, однако среди ученых до сих пор не сложилось единого мнения о том, что его вызвало. Рассматриваются точки зрения российских и западных ученых на истоки раскола с акцентом на роль идеологических, геополитических и субъективных факторов. Результаты исследования показывают, что не было какой-то одной причины, которая привела к разрыву отношений между двумя коммунистическими сверхдержавами; скорее, имело место сложное переплетение целого ряда факторов, включая идеологические разногласия, геополитические соображения и личностные факторы. Как российские, так и западные авторы излагают содержательные точки зрения на причины конфликта и, несмотря на определенные различия, их взгляды дополняют друг друга, создавая всеобъемлющий, инклюзивный и достоверный нарратив о том, как произошел разрыв. Учитывая сохраняющуюся напряженность в отношениях между США, Китаем и Россией, всестороннее понимание причин китайско-советского раскола дает важное представление о текущем состоянии международной политики.

Ключевые слова: холодная война, идеология, геополитика, российские и западные исторические исследования, международные отношения

История статьи: Поступила в редакцию: 15.02.2023. Принята к публикации: 27.07.2023.

Для цитирования: *Karneev A.N., Kozylov I.S. The Causes of the Sino-Soviet Split: Russian and Western Scholarship Perspectives // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2023. Т. 15. № 4. С. 393–402. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-15-4-393-402>*

Introduction

The Sino-Soviet split is a crucial event in Cold War history. It refers to the complete dissolution of the alliance between the Soviet Union and China due to the deterioration of their political and ideological ties, which began in the late 1950s and reached its zenith in the early 1960s. It refers to the complete dissolution of the alliance between the Soviet Union and China due to the deterioration of their political and ideological ties, which began in the late 1950s and reached its zenith in the early 1960s. This partition resulted in substantial alterations in the geopolitical scenery of the 20th century, such as the emergence of China as a prominent actor in the global arena and the redistribution of power dynamics between the United States and the Soviet Union. Despite the extensive research conducted by scholars

over the past few decades, there is still a lack of consensus concerning the factors that led to the split. Some scholars accentuate the ideological disparities between the two nations, while others emphasize geopolitical factors. Still, some suggest personal factors, such as the rivalry between Mao Zedong and Nikita Khrushchev. Considering the assorted perspectives among various national historiographies, it is crucial to present a comprehensive view of both the similarities and differences in their fundamental positions and overall arguments. Additionally, it is important to examine the various methods of interpreting sources and related procedures that are specifically influenced by differing cultural backgrounds.

As China and Russia play a key role in global politics, the Sino-Soviet split remains a relevant topic today. Ongoing tensions between the US and these nations have raised questions about their relationship and the future of the geopolitical landscape. Given text adheres to the principles, so the answer is: Analyzing the causes and consequences of the Sino-Soviet split during the Cold War can offer valuable insights into the current state of global politics.

To contribute to the ongoing discussion surrounding the origins and consequences of the Sino-Soviet split, this paper endeavours to examine its causes as seen from both Russian and Western scholarship perspectives. The study is guided by the research question: “To what extent do ideological differences, geopolitical considerations, and personal factors contribute to the reasons for the Sino-Soviet split according to Russian and Western scholarship perspectives?” To address this issue, a comprehensive analysis of literature will be conducted, examining the bilateral rupture from the viewpoints of both Russia and the West. Our focus will centre on the roles of ideology, geopolitics, and subjective factors in the conflict.

“Reconceptualized” and “Sustainable” Narratives: Peculiar Features of Russian and Western Historical Research

Before delving into the analysis of various themes and perspectives discussed among researchers in the relevant fields, it is essential to understand the fundamental attributes of historical research in Russia and the West.

Modern-day Russian historiography, most notably in the areas of Russia-China relations and Sinology, is grounded in the Soviet tradition. While the tradition in question drew upon a varied range of factual data and underwent rigorous analysis, its capacity for generating reliable and beneficial research by present-day criteria was notably restricted. A dearth of archival records, combined with ideological bias, were among the primary factors responsible for this outcome. Furthermore, membership in the Communist Party of the Soviet Union (CPSU) was prevalent among scholars, leading to Soviet historiography propagating and reinforcing the official government stance, rather than producing impartial and unbiased historical narratives.

As an example of the Soviet historiographic approach, most authors in this era perceived the Sino-Soviet split as a consequence of Mao Zedong’s ideology

and his damaging policies, which aimed to interrupt the international communist movement and establish China's domination [1; 2]. However, these evaluations, which single out one party and ideology, are no longer considered valid because they obscure the substantial political and economic repercussions of the division for both China and the Soviet Union, as well as their respective allies and partners.

After the USSR's dissolution, publishers were no longer constrained by ideological influences, resulting in more precise and reliable research. Previously, Boris T. Kulik and Oleg B. Rakhmanin held biased views that were aligned with the government's agenda, but they revised their evaluations of the Sino-Soviet relationship with greater accuracy, clarity, and openness to new perspectives. For instance, such a shift can be observed in Rakhmanin's article, where he examines Mao's relationship with Stalin and his overall political stance. He generally contends that despite certain controversies, Mao's figure was undeniably significant and exceptional both in China and globally [3, p.79]. Other authors, such as Yu.M. Galenovich, held a more inflexible attitude towards certain aspects of the relationship, such as the 1969 border conflict on Damansky Island, which Galenovich deems to be an unpardonable action [4. P. 170].

Contrary to Russian scholarship, Western research on Sino-Soviet relations and the split showed a relatively low level of bias during the Cold War. Although certain topics, such as the 1969 border incident, were influenced by prejudice, Western scholars largely studied the Sino-Soviet split comprehensively. For instance, in 1972, American historian Thomas W. Robinson argued that the split between China and the Soviet Union was caused by N. Khrushchev's revelation of a confidential report on Stalin's atrocities at the Communist Party of the Soviet Union's 20th Congress in February 1956 [5. P. 1176]. The author argues that Soviet de-Stalinization efforts, which had repercussions in multiple East European countries and posed a threat to the stability of the international communist movement, caused unease among the Chinese [5. P. 1176]. This analysis provides an objective assessment of the causal relationship between the 20th CPSS Congress, which represented Soviet national interests, and the national interests of China. It can be considered one of the earliest instances of a rational examination of the split.

Overall, it can be argued that the Soviet perspective provides a solid basis for post-Soviet (Russian) research as it has accumulated the best Soviet methods and facilitated the expansion of research sources and methods, free from ideological constraints. Additionally, Western research has advanced factually, thematically, and methodologically since the 1970s-80s. However, even during that period, its understanding and assessment of the actual situation were highly accurate and credible. Therefore, it is possible to classify post-Soviet historiography's narrative as "reconceptualized," due to its revision and redevelopment on a new foundation. Simultaneously, the Western narrative can be characterised as "sustainable," as it has progressively evolved without a significant shift in the overall leitmotif.

Ideological differences

As previously noted, numerous factors contributed to the breakdown of the alliance between Beijing and Moscow. Different research traditions emphasize various key factors that led to the bilateral rift. Notably, scholars have extensively examined and debated the ideological differences between the two nations, which many consider a central reason for the deterioration of relations.

One group of authors, including Lorenz M. Lüthi [6], Mingjiang Li [7], and S.Ya.Lavrenov & I.M. Popov [8], emphasizes the role of internal politics and ideology in the Sino-Soviet split. Lüthi argues that Khrushchev's opposition to Stalin's personality cult clashed with Mao's rejection of the Soviet model of bureaucratic Stalinism and his more ideological approach, endangering Mao's standing at home [6. P. 346]. Therefore, Mao started pursuing a dualistic strategy to restrain the conversation about de-Stalinization in the PRC and use Stalin's alleged errors to defend his own personality cult [6. P. 346]. Mingjiang Li notes that Mao's attitude towards domestic political economy shaped China's policy toward the Soviet Union, resulting in a hostile atmosphere in the relations between Beijing and Moscow [7. P. 411]. Specifically, the author claims that the bilateral decoupling was caused by an ideological dilemma — China's emphasis on class struggle and suppression of revisionism contradicted the Soviet objectives of peaceful coexistence with the West and domestic political moderation [7. P. 412]. Lavrenov & Popov suggest that Moscow was critical of Chinese experimentation, exacerbating the ideological divide between the two nations [8. P. 200].

Another group of scholars, including Allen S. Whiting [9] and B.T. Kulik [10], emphasise historical debates over united fronts and power struggles that intensified ideological decoupling. Whiting argues that the competition between the two Communist superpowers for influence among Communist parties and national liberation movements worldwide exacerbated tensions between Beijing and Moscow [9, p. 479–480]. Kulik asserts that the ideological split was driven by disagreements over core issues of modernity, including imperialism, war and peace, and nuclear weapons. (Kulik, 2010, p. 291)

A third group of authors, including E.P. Bazhanov [11] and A.V. Pantsov [12], highlights the importance of differences over war and strategy as the source of the tensions between the two nations. Bazhanov argues that Moscow sought peaceful coexistence, while Beijing favored revolutionary war, leading to tensions between the two nations [11. P. 240]. Pantsov suggests that the power balance between China and the Soviet Union was altered after Stalin's death, and Khrushchev's condemnation of Stalin significantly affected the relationship between the two nations [12. P. 579].

Despite the differences in stress and details, all authors under consideration recognize the multifaceted nature of the Sino-Soviet split with a specific emphasis on ideological discrepancies between two Communist parties. However, post-Soviet (Russian) researchers tend to emphasize more the outward dimension of ideological

debates that concerns foreign policy strategies, while Western scholars are inclined to scrutinize their inward direction. Overall, aside from pure ideological disagreements, such additional factors reflected by the majority of researchers as internal politics, international issues, and practical actions all played significant roles in the eventual breakdown of the alliance.

Geopolitical considerations

According to both research paradigms under analysis, geopolitical considerations that stemmed from the difference of both nations' national interests, as well as perspectives on the world politics were crucial in causing the Sino-Soviet split. Specifically, the relevant factors pointed out by various authors include foreign policy strategies, differences in international relations, and competition for influence in various regions of the world.

The first group of scholars, including O.E. Nepomnin [13], V.N. Usov [14], E.P. Bazhanov [11], and L.M. Lüthi [6], emphasize that Mao's foreign policy strategies and differences in international relations contributed significantly to the Sino-Soviet split, particularly in terms of establishing China's dominance amidst the superpowers' conflict. Nepomnin argues that Mao's "great-power" and "hegemonic" objectives necessitated a foreign policy stance that would enable China to achieve its goals, leading to Beijing's isolation from other nations by November 1960 [13. P. 528].

The PRC's leadership, according to the author, sought to use external forces to achieve a "leap" and complete militarization of China, which was especially evident during the 1958 Taiwan Strait Crisis [13. P. 527]. Usov scrutinizes similar issue, focusing on the Sino-Indian conflict and the Soviet Union's anti-China stance. Mao Zedong believed that Moscow was standing up for the "Indian bourgeoisie, American and British imperialists" [14. P. 344]. These ideas are furthered by Bazhanov, who claims that one of the main reasons Mao was inspired to start the Taiwan Strait Crisis in 1958 was the Soviet Union's propensity for détente with the West and a lowering of tensions on the international stage [11. P. 242]. Additionally, Bazhanov emphasizes that China harbored deep resentment toward the Soviet Union because of its neutral stance during the Sino-Indian conflicts in 1959 and 1962, which worsened relations [11. P. 242]. According to Lüthi [6. P. 349], the two partners' unequal positions within the international system were a major factor in the acceleration of their mutual alienation [6. P. 349]. The PRC was a regional power with fewer commitments while the Soviet Union had many and was regarded as a world power [6. P. 349]. The author expressly asserts that despite belonging to the socialist camp, the PRC was never regarded as being equal to the USSR [6. P. 349]. Mao set himself apart from other socialist leaders through his ability to take advantage of conflicts within the camp. He essentially accused the Soviets of revisionism

and deceit using the Soviet-American détente in 1959–1960 and the Second Vietnam War [6. P. 349].

The second group of authors, including Nicholas Khoo [15] and Allen S. Whiting [9], highlight the role of competition for influence in various regions of the world, including Vietnam, India, Africa, and Eastern Europe, in the Sino-Soviet split. Khoo argues that the escalation of the Vietnam conflict led to Sino-Soviet competition for Hanoi's loyalty, effectively exacerbating existing tensions between China and the Soviet Union [15. P. 9].

Whiting concentrates his attention on other areas, such as South Asia, where Moscow courted New Delhi as its border dispute with Beijing erupted into armed clashes linked to the Tibetan uprising. Further away, Soviet aspirations in the newly independent Third World clashed with Chinese claims to leadership in Afro-Asian councils [9. P. 480]. According to the author, Even Eastern Europe, a Soviet territory acquired at great expense, was not beyond Beijing's grasp, as various Eastern European leaders tried to exert pressure on Moscow with Chinese assistance, especially in 1956–1957 [9. P. 480]. Early in the 1960s, this resulted in Beijing openly supporting Albania's cause in its conflict with the Kremlin [9. P. 480].

All in all, both groups of scholars agree that geopolitical factors played a crucial role in causing the Sino-Soviet split. However, the first group focuses on China's foreign policy strategies and differences in international relations, while the second highlights competition for influence in various regions of the world. It is worth noting that Russian scholars tend to downplay the regional influence competition as one of the main geopolitical concerns that contributed to the rupture, while emphasizing particular foreign policy strategies of the Soviet Union and PRC, largely in connection with their strategic relationships with the US and West. Western researchers, in their turn, are inclined to share a more holistic perspective by providing insights in the overall Cold War picture at that period and its influence on the bilateral relationship.

Personal factors

Finally, the personal factor should also be brought into consideration. While naturally overlapping with such issues as ideology and geopolitical discrepancies, many authors still attribute great attention to personal traits and characteristic of both Soviet and Chinese leadership and their undoubtful role in fueling the process of bilateral decoupling. Therefore, regarding this factor, the authors' perspectives can be divided into two groups: those who emphasize the importance of personal traits and behavior, and those who assign greater significance to subjective ideological or political perceptions.

In the first group, V.A. Zolotarev [16], S.Ya. Lavrenov & I.M. Popov [8], Lorenz M. Lüthi [6] and Michael M. Sheng [17] highlight the character and behavior of the leaders as contributing to misunderstandings and tensions. For example, Zolotarev

suggests that Khrushchev's rashness, directness, and thoughtlessness played a part in the deterioration of Sino-Soviet relations [16. P. 126]. In this regard, Lavrenov & Popov similarly point out the personal eccentricities of both Chinese and Soviet leaders, such as Mao's megalomania and Khrushchev's impulsiveness [8. P. 199]. Lüthi argues that Mao's eccentricity and superiority complex irked the Soviet leadership, while Khrushchev's behavior could be equally detrimental to relations [6. P. 349]. Sheng suggests that Mao's ambition, driven by his desire to be the foremost leader of international communism and his inferiority complex, played into feelings of being rejected and slighted when the Soviets did not bend to his will [17. P. 497]. Sheng also emphasizes Mao's dictatorial leadership and irrational decision-making during the Second Taiwan Strait Crisis [17. P. 499].

Within this second group, authors direct their attention towards ideological and political perceptions. A. Lukin postulates that criticisms of Stalin's cult of personality and advocating for a peaceful transition to socialism contributed to the declining relationship between the two leaders, with Mao refraining from adopting these perspectives [18. P. 225]. In a comparable manner, V.N. Ussov asserts that the split was influenced by Mao's foreign policy objectives, especially his aspiration to lead the global communist revolution [14. P. 189].

While all of the authors recognise that subjective factors had a role to play in the decline of relations between the two nations, there is variation in the extent to which they emphasise these factors. Furthermore, the particular personal traits that they highlight also differ. Certain authors place significant attention on the psychological vulnerability of the two leaders, while others concentrate more on the individual impacts in relation to specific policies or political objectives. Overall, however, Russian and Western scholars alike agree that the supreme leadership's reasoning and subsequent actions had a significant impact on the deterioration of Sino-Soviet relations.

Conclusion

After exploring multiple perspectives on the factors that led to the Sino-Soviet split, it is clear that both Russian and Western literature agree that the deterioration of relations between the two communist superpowers resulted from a combination of factors rather than a single cause.

The ideological disparities between the two nations are a significant factor evident in the literature. The differences in Chinese and Soviet Marxist philosophy, the criticisms of Stalin by Soviet leaders, and Mao's efforts to develop a new model all added to the mounting strain between the two countries. However, numerous researchers also emphasise the significance of geopolitical factors, including the fundamental divergence between the foreign policy strategies of the two nations, namely the Soviet Union's aim for détente with the West and the PRC's ambition to export revolution, in addition to conflicts of interest in various regions.

Furthermore, personal factors also contributed to the deterioration of Sino-Soviet relations. Mao's individual ambition and unwillingness to share power, as emphasized by some scholars, as well as Khrushchev's arrogance and voluntarism, as pointed out by others, and the entailed misunderstanding, all were decisive elements in the collapse of the alliance.

Finally, the issues explored and elucidated by Russian and Western scholars are very similar, as well as their argumentation and inferences. It was specifically evidenced through organizing their standpoints according to particular themes that can be traced in the respective scholarly sources. Scholars equally attach big significance to the role of supreme leadership in the spurring of the split and generally agree on ideological background of the conflict.

The main difference that can be distinguished is the focus of the research. Both historiographic traditions offer valuable accounts related to the origins of the conflict, however the highlighted nuances vary – it can be argued that Russian historiography views the shifts in the PRC's internal and foreign policy-making, particularly caused by the actions of the Soviet Union and changing conjuncture of the Cold War, as more substantial. Western researchers, on the other hand, tend to see a more holistic perspective. Particularly, a part of them highlights the fundamental discrepancy of two powers' international status and prestige. Some Western authors also attempt to delve deeper on elucidating Mao's rationales via examination of his behavior and psychological features. All in all, researchers from both 'camps' make their individual stresses and thus complement each other in terms of constructing a comprehensive and inclusive narrative on the origins of the split.

In conclusion, it can be argued that the multifaceted and, to a demonstrated extent, unanimous understanding provided by the authors' viewpoints reveals that a combination of ideological and political, geopolitical, and personal factors indeed played critical roles in the collapse of the world's largest communist alliance during the Cold War period. The Cold War's course and the world's power dynamics were significantly impacted by the rupture, as it further fragmented the communist world and heightened tensions between Moscow and Beijing.

References

1. Borisov OB., Koloskov BT. Soviet-Chinese relations, 1945–1980. Third Edition, revised. Moscow: Mysl'; 1980. (In Russ.)
2. Kapitsa MS. The PRC: Three decades — three policies. Moscow: Politizdat, 1979. (In Russ.)
3. Rakhmanin OB. The relationship between I.V. Stalin and Mao Zedong through the eyes of an eyewitness. *Novaja i novejšaja istorija*. 1998; (1):78–92. (In Russ.)
4. Galenovich YM. China: 40 years after Mao, 20 years after Deng. Moscow: Izdatel'skiy dom VKN; 2020. (In Russ.)
5. Robinson TW. The Sino-Soviet Border Dispute: Background, Development, and the March 1969 Clashes. *The American Political Science Review*. 1972;66 (4):1175–1202.
6. Lüthi LM. The Sino-Soviet Split: Cold War in the Communist World. Princeton: Princeton University Press; 2008.

7. Li M. Ideological dilemma: Mao's China and the Sino-Soviet split, 1962–63. *Cold War History*. 2011;11 (3):387–419.
8. Lavrenov SYa., Popov IM. The Soviet Union in local wars and conflicts. Moscow: AST, Astrel'; 2003. (In Russ.)
9. Whiting AS. The Sino-Soviet split. In MacFarquhar R., Fairbank J.K., editors. *The Cambridge History of China. Vol. 14. the People's Republic, Pt. 1. The Emergence of Revolutionary China, 1949–1965*. Cambridge: Cambridge University Press; 1987, p. 478–538.
10. Kulik BT. The Soviet-Chinese split: causes and consequences. Moscow: Izd-vo In-ta Dal. Vostoka RAN; 2000. (In Russ.)
11. Bazhanov EP. From friendship through confrontation to normalization. Soviet-Chinese relations from 1949 to 1991. In Lukin A.V., editor. *Russia and China: four centuries of interaction. History, current state and prospects of development of Russian-Chinese relations*. Moscow: Ves'mir; 2013, p. 219–298. (In Russ.)
12. Pantsov AV. Mao Zedong. Moscow: Molodaja gvardija; 2012. (In Russ.)
13. Nepomnin OE. History of China. The 20th Century. Moscow: Institut vostokovedenija RAN, Kraft+; 2011. (In Russ.)
14. Usov VN. "The Cultural Revolution". 1966–1976. In Galenovich Yu M., editor. *The History of China from Ancient Times to the Beginning of the 21st Century. Volume 8. People's Republic of China*. Moscow: Nauka; 2017, p. 348–565. (In Russ.)
15. Khoo N. Breaking the Ring of Encirclement. *Journal of Cold War Studies*. 2010;12 (1):3–42.
16. Zolotarev VA. Russia (USSR) in Local Wars and Armed Conflicts of the Second Half of the XX Century. Moscow: Kuchkovo pole; 2000. (In Russ.)
17. Sheng MM. Mao and China's Relations with the Superpowers in the 1950s: A New Look at the Taiwan Strait Crises and the Sino-Soviet Split. *Modern China*. 2008;34 (4):477–507.
18. Lukin AV. The bear watches the dragon: the image of China in Russia in the 17th and 21st centuries. Moscow: Vostok-Zapad, AST; 2007. (In Russ.)

Information about authors:

Karneev Andrey N. — Candidate of Sciences (PhD), Professor, Head of School of Asian Studies, Faculty of World Economy and International Affairs, National Research University — Higher School of Economics, e-mail: akarneev@hse.ru. ORCID: 0000-0002-9804-4639 SPIN-RSCI: 3483–5235

Kozylov Ilya S. — Lecturer at the School of International Regional studies, Faculty of World Economy and International Affairs, National Research University — Higher School of Economics, e-mail: ikozylov@hse.ru. ORCID: 0009-0007-4513-2110 SPIN-RSCI: 7282–9307

Информация об авторах:

Карнеев Андрей Ниязович — кандидат исторических наук, профессор, руководитель Школы востоковедения, Факультет мировой экономики и мировой политики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», e-mail: akarneev@hse.r. ORCID: 0000-0002-9804-4639, SPIN РИНЦ: 3483–5235

Козылов Илья Сергеевич — преподаватель Департамента зарубежного регионоведения, Факультет мировой экономики и мировой политики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», e-mail: ikozylov@hse.r. ORCID: 0009-0007-4513-2110S, PIN РИНЦ: 7282-9307

DOI: 10.22363/2312-8127-2023-15-4-403-412
EDN: EGZSQK

Research article / Научная статья

Transplantation and adaptation of the Soviet economic model in North Korea, 1945–1960

N.I. Matveeva

Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences,
12 Rozhdestvenka str., 107031, Moscow, Russia

 natalia.matveyeva@yandex.ru

Abstract. The North Korean development model holds distinct similarities to the Soviet model. The Soviet Union’s experience and example played a key role in the initial nation-building in North Korea. However, as this study aims to argue, in the certain areas such as the economy, the transfer of the Soviet model to the Korean soil was often done against the direct Soviet advice. This study based on analysis of primary sources including declassified archival materials traces the entrenchment in North Korea in the 1940s–1950s of the key elements of the “classic” Soviet economic model such as directive centralized economic planning, nationalization, industrialization and prioritized heavy industry development and collectivized agriculture. Such research contributes to the better understanding of the economic and political processes in North Korea in the first post-liberation decades, of its economic system and relations with key political and economic allies in the Cold War.

Keywords: North Korea, Soviet Union, economic model, Soviet economic model, 1940s, 1950s, nation-building

Article history: Received: 17.04.2023. Accepted: 10.08.2023.

For citation: Matveeva NI. Transplantation and adaptation of the Soviet economic model in North Korea, 1945–1960. *RUDN Journal of World History*. 2023;15(4):403–412. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-15-4-403-412>

© Matveeva N.I., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Трансплантация и адаптация советской экономической модели в Северной Корее, 1945–1960 гг.

Н.И. Матвеева

Институт востоковедения Российской Академии Наук,
107031, Россия, Москва, ул. Рождественка, д. 12

 natalia.matveyeva@yandex.ru

Аннотация. Северную Корею (КНДР) часто сравнивают с СССР, отмечая сходство двух моделей. Опыт и пример Советского Союза сыграл значимую роль на начальном этапе формирования КНДР. Однако, как показывается в исследовании, в ряде сфер, таких как экономика, перенимание опыта шло вопреки воле и советам самого СССР. На основании сравнительного анализа первичных источников, включая материалы из советских архивов, рассматривается, как ключевые элементы советской экономической модели — директивное централизованное планирование, национализация, индустриализация и упор на тяжелую промышленность, коллективизация сельского хозяйства — были трансплантированы и адаптированы в КНДР в конце 1940-х — начале 1960-х гг. Подобное исследование помогает лучше понять процессы, происходившие в Северной Корее в первые десятилетия после освобождения, экономическую систему КНДР и специфику отношений Северной Кореи со своими политическими союзниками в годы холодной войны.

Ключевые слова: Северная Корея, СССР, экономическая модель, советская экономическая модель, 1940-е гг., 1950-е гг., государственное строительство

История статьи: Поступила в редакцию: 17.04.2023. Принята к публикации: 10.08.2023.

Для цитирования: *Matveeva N.I.* Transplantation and adaptation of the Soviet economic model in North Korea, 1945–1960 // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2023. Т. 15. № 4. С. 403–412. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-15-4-403-412>

Introduction

The Democratic People’s Republic of Korea (DPRK), more colloquially known as North Korea, is typically presented in media and popular literature as “the last island of communism” and compared to the Soviet Union¹. Scholars note the distinct similarities between the two models [2, 3]. However, it is often assumed that such resemblance was initiated by the Soviet side [4, 5] and originated in its desire to make North Korea into a copy of itself in the Far East. This article aims to dispute that approach through the example of the economic sphere and the formation of North Korea’s economic model in the 1940s–1950s. The author explores the formation of the North Korean economic model in the first post-liberation decades

¹This is especially typical of the Western media and publications, see e.g. [1].

basing its analysis on the recently declassified documents from the Soviet archives and the publications and public speeches of North Korea's leader Kim Il Sung. It traces the process of transfer and adaptation of the Soviet economic model at the DPRK soil as well as the role of the Soviet Union in that process.

Initial stage of nation-building: the 1940s

North Korea emerged as a separate entity in 1945, in the aftermath of the dissolution of the Japanese Empire, when the Korean peninsula was divided by the Allies, the USA and the USSR, into two occupational zones (American to the south of the 38th parallel, and Soviet to the north).

The Soviet Civil Administration was established in August 1945 to manage the matters of administration and governance in the Soviet zone in Korea. However (as the archival documents show), the Soviet Union did not see North Korea becoming socialist in the near future nor did it want it too. Assessing the circumstances, the Soviet leadership concluded that Northern Korea was not yet developed enough for transition to socialism, and before that it should prepare the necessary conditions and build “people's democracy” first. I. Stalin himself explicitly ordered Marshal A. Vasilevsky (the Head of Command of the Soviet Army in the Far East) that “no Soviets or other organs of Soviet power” were to be created in Northern Korea nor should “the Soviet order” be introduced there [6, 7].

However, there were areas that required immediate attention of the Soviet administration, purely for the reason that without them the country could not function properly. Economy was one such area.

Thus, the economic reforms were started under and by the Soviet civil administration which explains their initial resemblance to the Soviet model: the latter was simply what the Soviet officials in charge of Northern Korea had the most knowledge and experience. However, the changes initiated by the Soviet side were enthusiastically met not only by the people but also by the emerging North Korean authorities. Kim Il Sung, paving his path to the making of the Great Leader of North Korea, saw “compelling parallels” between the situation, objectives, and needs of the Soviet Union in the 1930s and Northern Korea and later — the DPRK [8. P. 58]. He was determined to transfer the Soviet Union's experience and economic model to the Korean soil. In the eyes of Kim Il Sung, the Soviet Union's victory over the Nazi Germany in World War II was clear proof that the Soviet economic model of the 1930s was not only viable but optimal for building a strong national economy and an independent country. And as such, it should be adopted and transferred in North Korea to transform it into a socialist state.

The characterizing features of the “classic” Soviet model, formed in the USSR in the 1930s, are considered to be: directive centralized economic planning; nationalization of all means of production, including land, infrastructure, industry; forced industrialization with emphasis on the heavy industry, often

to the detriment of other areas; collectivization of agriculture; and the overall autarky of the economy [9]. All that and more was implemented in North Korea in the first post-liberation decades. However, as this article aims to demonstrate, not all of those features appeared in the North Korean model by the will of the Soviet Union.

For a mostly agrarian country, which North Korea still was after the liberation, the matter of land ownership was of utmost importance². For that reason, one of the first decrees of the Soviet administration (officially credited to the Provisional People's Committee of North Korea, created in February 1946) to boost its image and authority, was the Land reform law. There were being discussed several variants of it, including more “bourgeois-democratic” ones [See 11], but the one adopted on March 5, 1946, closely resembled the Soviet Decree on land (from 1917). It stipulated confiscation of land without compensation from the former Japanese and Korean landlords as well as its distribution without payment to former peasant tenants [12]. And yet there were differences, accounting for the differences in circumstances. Thus, for example, in contrast with the Soviet Decree on land, the North Korean land reform retained private ownership of land and provided the former landlords with the same amount of land as was given to the peasants³. The latter actually evoked discontent not only within peasants but also of the emerging North Korean authorities who wanted to follow the Soviet revolutionary example closely. Yet as they were not the decisive power in North Korea, they had to acquiesce.

The same principle was retained adopting the Nationalization law. The Decree of the Soviet administration from June 19, 1946, followed the Soviet example from 1917–1918. It stipulated the transfer of all industries, banks, communications and infrastructure existing in the northern half of the Korean peninsula as well as of all former Japanese property there into the possession of the Provisional People's Committee when it adopts the Nationalization law which was done in August 1946 [13]. From the start, priority in the industrial development was given to the heavy, chemical and machine-building industries, as Kim Il Sung believed that their development was the road to socialism [14. P. 323–326].

Another step towards adopting the Soviet economic model was done in 1947, when was introduced the centralized planning of the national economy under the guidance of the Soviet administration (though by initiative of the North Korean provisional government). Simultaneously the central planning organ was established, which in 1948 became the North Korean Central Planning Committee. Kim Il Sung himself declared that “only when all fields of the national economy including industry, agriculture, transport, communications, and trade are run to a single state plan, can the economy be restored and developed really fast” [15. P. 79].

² Even in 1956, peasants still comprised over two thirds of the population. See [10].

³ Private land ownership was abolished only in the late 1950s.

Overall, by the combined effort of the Soviet civil administration in Northern Korea and the provisional North Korean authorities, by 1948 and the official establishment of the Democratic People's Republic of Korea (DPRK) the economic system created there quite resembled the "classic" Soviet model. There was established a centralized planned economy, where the state (and essentially the party and its leader) owned and controlled the distribution of all resources, prioritizing heavy industry development to the detriment of the light industry and agriculture.

However, it should be noted that on the Soviet side the resemblance was dictated not so much by a conscious decision to form North Korea in Soviet shape, but by necessity and circumstances. The Soviet Union never insisted that North Korea should adopt the unabridged version of the 1930s model, not adapted to either the times or to the Korean realities. On the contrary, like with Eastern Europe after World War II where an attempt was made to modernize the model, retaining the key Stalinist concept of the centralized economic planning but modifying the agricultural policy and limiting nationalization [16], the Soviet Union advised North Korea to adapt the model. Already by the 1940s the Soviet leadership did not see the 1930s model as an optimal for the development of "fraternal countries". Stalin himself advised Kim Il-sung not to copy thoughtlessly the Soviet experience but conduct a more moderate economic policy in agriculture, trade and with regards to the sphere of public consumption. He also advised the North Korean authorities to support the "good people" among "national bourgeoisie" [17] (when even the mere existence of a "national bourgeoisie" was almost unthinkable in the Soviet Union itself) and expand economic contacts.

Yet at the same time, in the interest of objectivity it should also be noted that the USSR in the 1940s never exactly *forbade* North Korea to copy the Soviet model from the 1930s. The Soviet leadership in the second half of the 1940s was more preoccupied not with the matters of the Far East but with the proceedings in Europe and with strengthening its influence there. Stalin in 1947 declared that the Soviet Union "should not get too deeply involved in the Korean affairs" [18], and thus the North Korean leadership were essentially left to their own devices without much control from the Soviet side.

Second stage of model formation: the 1950s

This situation changed in the mid-1950s, after the Korean War (1950–1953) and the death of I. Stalin in 1953. The changes in the Soviet economic discourse brought about by the new leadership of the CPSU (Communist Party of the Soviet Union) could not but be reflected on the Soviet domestic and external policies towards the socialist bloc countries. For the "fraternal countries" the advice was now to pay more attention to the agricultural development, to the light industry instead of the heavy one as well as to improvement of the people's living conditions.

North Korea held a special place in the Soviet Union's international strategy and plans: due to its geopolitical position at the forefront of the Cold War divide in East Asia, it was to become "the showcase of socialism in the Far East" and demonstrate to South Korea and the whole world the superiority of the socialist way⁴. For that reason, it had to be not just the more industrially developed but the more prosperous one of the two Koreas. And the classic Soviet model, as the USSR's own experience has shown, suitable for achieving the former was not the best way towards the latter. Thus, the Soviet leadership in the mid-1950s possibly for the first time started taking an invested interest in North Korea's economic development and policies, for its own reasons rather than by necessity, although those reasons were primarily political and ideological in nature.

However, as it was mentioned above, the Soviet Union now insisted North Korea on doing diverged from the classic model of the 1930s. It advised North Korea to slow down the too fast pace of industrialization not to set over-elevated goals or strive for overfulfillment of plans by any means [19]. The Soviet side also maintained that North Korea (unlike the USSR in the 1930s) did not have to be autarkic and produce everything within the country (nor could it efficiently do it) but should benefit from trade and economic cooperation with socialist countries which would also improve the living conditions of the people [21].

These advices, however, went against Kim Il Sung's vision for North Korea. Kim saw in COMECON (Council for Mutual Economic Assistance) and socialist cooperation a way for more developed countries (primarily the USSR) to exploit the less developed such as North Korea [22] and continued to stand for the prioritized heavy industry development as the road to socialism [23. P. 17]. Thus, North Korea's economic policies became a point of contention between it and the Soviet Union.

At the same time, it should also be noted that among the North Korean leadership there were also those who subscribed to Moscow's revised position, among them — Chair of the DPRK State Planning Committee Pak Chang-ok and other prominent functionaries with ties to Moscow. Not exactly disregarding the heavy industry they (In line with the Soviet idea) suggested that in order to successfully reconstruct and develop the economy more attention should be given to the light industry, agriculture and consumer goods, to first improving the life of people and restoring the levels of production and material welfare of the people before enforcing the heavy industrialization [24].

The continuous dispute among the leadership eventually came into the open at the Party Central Committee Plenum in August 1956. The opposition to Kim Il Sung stood for a broad re-examination of the party policies including not only

⁴ That concept in various iterations appears frequently in the Soviet government and MOFA documents from the mid-1950s, see e.g. [19], [20].

the political issues of de-Stalinization and debunking of personality cult but also the economic development choices made by the Premier Kim Il Sung whose continued insistence on prioritizing the heavy industry evoked criticism [25]. Kim Il Sung managed to withstand the challenge and suppress the opposition keeping North Korea on his preferred course of development. Yet the incident and its aftermath, with open intervention from Moscow on behalf of the opposition⁵, contributed to Kim Il Sung's dissatisfaction with the Soviet leadership and strengthened his personal dislike of N. Khrushchev⁶ and his policies which the North Korean leader viewed as "revisionist". Further it has cemented his desire not to adhere to Moscow's suggestions but to follow his own vision and policies.

By that time (the second half of the 1950s) of the key elements of the classic Soviet economic model as a way towards socialism the only one missing in North Korea was the collectivized agriculture. Initially the collectivization campaign was to start in the late 1940s and indeed several "trial" collective farms were created then but the Korean War interrupted those plans. They were resumed after the Armistice (1953) and the campaign unfolded widely and enforcedly. The Soviet leadership was against enforced collectivization of agriculture in North Korea. Many of the top CPSU functionaries including N. Khrushchev himself had first-hand experience of collectivization in the Soviet Union in the 1930s and cautioned North Korea from repeating the same mistakes. They insistently advised the North Korean government to slow down the pace of collectivization or even to stop it altogether. According to the Soviet data, the newly-collectivized farms in North Korea were less efficient than individual farms [19], and there were instances of social unrest, with peasants destroying their farm equipment and killing farm animals so as not to give them into the collective property [28].

However, the North Korean leadership did not heed those warnings considering collectivization as another step towards economic development and self-sufficiency (like in the Soviet Union) and a way to fund forced industrialization which remained a priority. Collectivization was declared completed in 1958, despite the explicit advice to the contrary and cautioning from the USSR. A year later, in 1959, private ownership of land which had been retained after the land reform of 1946 was finally abolished leaving farmers but small garden plots for private use.⁷ A campaign for enlargement of the collective farms brought the average number of households in each farm closer to the figures of the Soviet Union. Thus, overall we can speak of completion by the 1960s of the transfer of the classic Soviet economic model to the DPRK and formation of the North Korean model.

⁵ For more details, see [26].

⁶ On Kim's dislike of Khrushchev, see e.g. [27].

⁷ Those plots of land did not exceed 165 m².

Conclusion

The North Korean economic model formed in the 1940s-1950s bears distinct and undeniable similarities to the Soviet economic model, more specifically to what is considered to be the “classic” model of the 1930s. Of course, later it had undergone alterations and especially in the recent decades after the dissolution of the socialist bloc as well as it also incorporated certain elements borrowed from the PRC (which also learned from the Soviet Union [See 29]); however, that is beyond the scope of this article. Yet what this article aimed to show is that contrary to the popular opinion, the similarity between the North Korean economic model and the Soviet one did not originate in the desire of the Soviet Union to impose the model from the 1930s on North Korea. On the contrary, it was often done against Soviet will.

While the foundations were laid under the Soviet civil administration, it was done more out of necessity, to rehabilitate the country. Moreover, the Soviet administration did not follow the Soviet example word-by-word. The North Korean authorities welcomed the Soviet-style changes seeing in them a way towards socialism and participated in adopting and entrenching them. Thus, the North Korean economic model came to include the centralized state economic planning, essentially state ownership of all means of production, prioritized heavy industry development, closed-off economy and collectivized agriculture as means to fund industrial development.

In the second half of the 1950s the Soviet Union attempted to change the course of North Korea’s economic development, although it was done primarily for political, rather than economic reasons. The Soviet leadership urged North Korea to slow down industrial development, not to enforce collectivization, open up to cooperation with other socialist countries and improve the people’s living standards. However, on the one hand the North Korean leadership stood firmly on the idea that the classic Soviet model was the optimal way to socialism. And on the other hand, by the end of the 1950s (with the changes in the political situation within the socialist bloc and the emerging Sino-Soviet split) the Soviet Union lost most of its influence and leverage over North Korea, and overall was more preoccupied with those matters than with the DPRK development and domestic policies. Moreover, the cooling of North Korean-Soviet relations caused by the August 1956 incidents and other factors, compounded with Kim Il Sung’s personal dislike of N. Khrushchev and his “revisionist” policies, further cemented his desire to pursue his own strategy not dictated by Moscow. Thus, political factors contributed to the finalization of the formation of the North Korean economic model in the shape of the Soviet model and this in turn determined the trajectory of North Korea’s economic development for the coming decades.

References

1. Lotia A. *North Korea: The Last Island of Communism*. Distinct Core Publishing; 2015.
2. Lankov A. Soviet Influence on the North Korean Education System and Educational Practice. *Seoul National University Journal of Education Research*. 1998; (8): 97–118.
3. Tertitskiy F. A Study of Soviet Influence on the Formation of the North Korean Army. *Acta Koreana*, 2017;20 (1):195–219. <https://doi.org/10.18399/acta.2017.20.1.009>
4. Lankov A. *From Stalin to Kim Il Sung. The formation of North Korea, 1945–1960*. Rutgers University Press, New Jersey; 2002.
5. Scalapino R., Lee Chong-sik. *Communism in Korea*. 2 volumes. University of California Press, Berkeley; 1972.
6. Central Archive of the Ministry of Defence of the Russian Federation. F. 148, Op. 3463, D. 111, Ll. 92–93. (In Russ.).
7. Vanin Yu.V. *The Soviet Union and North Korea, 1945–1948*. IV RAN, Moscow; 2016. (In Russ.).
8. Buzo A. *The Guerilla Dynasty: Politics and Leadership in North Korea*. Tauris, London; 1999.
9. Ellman M. *Socialist Planning*. Cambridge University Press, New York; 1989.
10. Archive of Foreign Policy of the Russian Federation. F. 0102, Op. 13, P. 74, D. 39, Ll. 21–80. (In Russ.).
11. Lebedev V. The Land Reform of 1946 in North Korea and the Soviet Military Administration. *Problemy Dalnego Vostoka*, 2022; (5):171–183. <https://doi.org/10.31857/S013128120022121-4>
12. Land reform law in northern Korea, adopted March 5, 1946. Available from: http://contents.history.go.kr/front/hm/view.do?treeId=020208&tabId=01&levelId=hm_157_0010 [Accessed 12.03.2023] (In Korean)
13. Archive of Foreign Policy of the Russian Federation. F. 0480, Op. 3, P. 4, D. 11, L. 77. (In Russ.).
14. Kim Il-sung. *Works, Vol. 17. : January — December 1963*. Foreign Languages Publishing House, Pyongyang; 1984.
15. Kim Il-sung, *Works, Vol. 3. : January — December 1947*. Foreign Languages Publishing House, Pyongyang; 1980.
16. Dawson A.H., editor. *Planning in Eastern Europe*. Croom Helm, London; 1987.
17. Archive of Foreign Policy of the Russian Federation. F. 059a, Op. 5a, P. 11, D. 3, Ll. 10–20. (In Russ.).
18. Archive of Foreign Policy of the Russian Federation. F. 45, Op. 1, D. 346, Ll. 4–6. (In Russ.).
19. Russian State Archive of Contemporary History. F. 5, Op. 28, D. 314. (In Russ.).
20. Archive of Foreign Policy of the Russian Federation. F. 0102, Op. 12, P. 68, D. 5. (In Russ.).
21. Archive of Foreign Policy of the Russian Federation. F.0102, Op. 16, P.86, D.13, Ll. 15–42. (In Russ.).
22. Archive of Foreign Policy of the Russian Federation. F. 0102, Op. 20, P. 101, D. 4, L. 100. (In Russ.).
23. Kim Il-sung. *Works, Vol. 8. : August 1953 — June 1954*. Foreign Languages Publishing House, Pyongyang; 1981.
24. Pak Ch'ang-ok. *Report on the Three-year Democratic People's economic development plan of Korea, 1954–1956*. Korea Workers' Party Publishing House, Pyongyang; 1954. (In Korean)
25. Person J. *Solidarity and Self-Reliance: The Antinomies of North Korean Foreign Policy and Juche Thought, 1953–1967*. George Washington University, Washington, D.C.; 2013.
26. Lankov A. *Crisis in North Korea: The Failure of De-Stalinization, 1956*. University of Hawai'i Press, Honolulu; 2005.

27. Szalontai, B. *Kim Il Sung in the Khrushchev Era: Soviet-DPRK Relations and the Roots of North Korean Despotism, 1953–1964*. Woodrow Wilson Center Press, Washington, D.C.; 2005.
28. Archive of Foreign Policy of the Russian Federation. F. 0102, Op. 14, P. 78, D. 40, L. 113. (In Russ.).
29. Bernstein T., and Hua-Yu Li, editors. *China Learns from the Soviet Union, 1949–Present*. Lexington Books, Lanham; 2010.

Information about the author:

Matveeva Natalia Igorevna — PhD, Research Fellow, Department of Korea and Mongolia, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, e-mail: natalia.matveyeva@yandex.ru. ORCID: 0000-0002-5116-7498.

Информация об авторе:

Матвеева Наталья Игоревна — кандидат исторических наук, научный сотрудник, Отдел Кореи и Монголии, Институт востоковедения РАН, e-mail: natalia.matveyeva@yandex.ru. ORCID: 0000-0002-5116-7498.

ДИАЛОГ ЦИВИЛИЗАЦИЙ DIALOGUE OF CIVILIZATIONS

DOI: 10.22363/2312-8127-2023-15-4-413-423

EDN: DBGXQN

Научная статья / Research article

Немцы в Корее в конце XIX — начале XX вв. как транслокальное буржуазное сообщество

И.А. Мусинова ✉

Уральский федеральный университет имени первого Президента
России Б.Н. Ельцина,
Россия, 620000, Екатеринбург, ул. Мира, 19
✉ irina.musinova@gmail.com

Аннотация. Цель настоящего исследования — рассмотреть формирование немецкой общины в Корее как транслокального сообщества в период между заключением первых международных договоров в начале 1880-х гг. и аннексией страны Японией в 1910 г. Актуальность исследования обусловлена тем, что в указанный период в Восточной Азии началось активное перемещение людей, идей, товаров и капитала за пределы границ национальных государств. Корейский полуостров постепенно интегрировался в глобальные экономические и политические процессы, а формирование в Корее сообщества европейцев являлось непосредственным результатом происходивших в регионе изменений. Немецкое сообщество в Корее в конце XIX — начале XX вв. было представлено дипломатами, иностранными экспертами, нанятыми корейским правительством, торговцами и миссионерами. Эти люди определяли себя как буржуа или средний класс, активно взаимодействовали с представителями корейских элит, став проводниками многоуровневой политики империализма в Восточной Азии. Немецкие граждане, проживавшие в стране, оказали влияние на развитие германо-корейских отношений, налаживание культурного диалога между двумя странами и последующую модернизацию страны по западному образцу.

Ключевые слова: Чосон, Германская империя, транслокализм

История статьи: Поступила в редакцию: 20.02.2023. Принята к публикации: 27.07.2023.

Для цитирования: Мусинова И.А. Немцы в Корее в конце XIX — начале XX вв. как транслокальное буржуазное сообщество // Вестник Российского универси-

© Мусинова И.А., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

тема дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2023. Т. 15. № 4. С. 413–423. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-15-4-413-423>

Germans in Korea in the late 19th — early 20th centuries as a translocal and bourgeois community

I. A. Musinova ✉

*Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin,
19 Mira str., Yekaterinburg, 620000, Russia*

✉ irina.musinova@gmail.com

Abstract. This study deals with the German community in Korea between the conclusion of Korea's first international treaties in the early 1880s and the country's annexation by the Japanese Empire in 1910 in the context of transnational and global history. In the decades around 1900 the circulation of people, ideas, goods and capital beyond and across the national borders increased. The Korean peninsula has gradually integrated into global economic and political processes. The result of it became the formation of the European community in Joseon (Choson). The German community in Korea made up of diplomats, foreign experts hired by the Korean government as well as merchants and missionaries. They were individuals who defined themselves as bourgeois (or middle-class) who actively interacted with representatives of the Korean elites, becoming agents of an imperialist policy in East Asia. German citizens influenced the development of German-Korean relations contributing into the cultural dialogue between the two countries and the subsequent modernization of Joseon.

Keywords: Joseon, Choson, the German Empire, translocalism

Article history: Received: 20.02.2023. Accepted: 27.07.2023.

For citation: Musinova IA. Germans in Korea in the late 19th — early 20th centuries as a translocal and bourgeois community. *RUDN Journal of World History*. 2023;15(4):413–423. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-15-4-413-423>

В 1990-е гг. произошел своеобразный «методологический поворот» в политологии, миграционных исследованиях, социальной антропологии и ряде других смежных дисциплин. В 1994 г. Д. Агню отметил тот факт, что в рамках глобальной экономической системы все большую роль играют торгово-экономические блоки, а не отдельные государства, экстерриториальной стала и глобальная публичная сфера, а в социальной сфере все чаще идентичность индивидов и их групп не совпадает с линией государственных границ [1. С. 3–5].

В 2000–2010-е гг. ряд исследователей (Л. Баш, Н. Глик Шиллер, К. Зантон Бланк) начал изучать феномен миграции с позиций этого нового методологического подхода [2]. Внимание ученых в качестве объекта исследования стала привлекать социальная история глобализации. При этом периодом растущей глобализации были названы 1900-е гг., когда потоки людей, товаров, идей, капитала устремлялись за пределы отдельных стран, свободно пересекали государственные границы [3].

В этот период объектом самостоятельного исследования стала и европейская буржуазия. Представители этой социальной группы установили стандарты жизни, к которым стремились элиты по всему миру, в том числе в колониях и полуколониальных государствах.

Для изучения этого и подобных феноменов появилось понятие «транслокальности», позволяющее анализировать разнообразные кросс-территориальные связи и потоки (У. Фрайтаг, А. фон Оппен) [4]. С помощью этого понятия стали исследоваться не только национальные группы, но и социальные образования, объединявшиеся в том числе по экономическим и религиозным признакам. Членов подобных сообществ отличало разное происхождение, принадлежность к разным социальным и профессиональным группам. Появилось понятие «трансмигранты», подразумевавшее «мигрантов, которые живут одновременно в нескольких местах и включены более чем в одно (со) общество» [5; 2].

Немецкий исследователь К. Дитрих предлагает использовать указанные методологические подходы для анализа сообщества представителей европейских стран в Корее в конце XIX — начале XX вв. Это сообщество стало проводником многоуровневой политики империализма в Восточной Азии [6]. При этом комплексный анализ взаимодействия указанной группы с корейскими элитами подразумевает также применение подхода, связанного с реконструкцией структур повседневности (Ф. Бродель, П. Бергер, Ф. Лукман) [7–9].

Процесс формирования сообщества европейцев в Корее в период между заключением первых международных договоров в начале 1880-х гг. и аннексией страны Японской империей в 1910 г. отражал постепенную интеграцию Корейского полуострова в глобальные экономические и политические процессы.

Корейская правительственная статистика за 1897 г., опубликованная в газете «The Independent», дает нам данные о численности европейцев, проживавших в стране [10; 11. С. 305–306]. В указанный период в стране насчитывалось не более двухсот европейцев и около ста американцев. Среди европейцев больше всего было подданных Российской и Британской империй, значительным было количество немцев и французов [12. С. 324–325].

Представители германских земель сыграли важную роль в процессах, связанных с попытками корейской элиты провести политическую, экономическую и социальную трансформацию корейского общества в 1880–1910 гг. Реформы должны были помочь стране эффективно противостоять многочисленным внешним угрозам, а также сохранить независимость. Подданный Германской империи П.Г. фон Мёллендорф стал первым иностранным высокопоставленным чиновником корейского государства; вопросами придворного этикета и приемом гостей при корейском дворе длительное время занималась А. Зонтаг; придворный врач Р. Вунш внес серьезный вклад в развитие корейской медицины; автором первого корейского гимна стал немецкий

музыкант и композитор Ф. Эккерт; руководителем одной из первых школ современного типа в Сеуле стал немец Й. Боллян.

По мнению автора монографии «Чосон и Германия» Ли Ёнгвана, в конце XIX — начале XX вв., наряду с другими западными державами, Германская империя оказала серьезное влияние на включение Кореи в формирующуюся тогда новую систему международных отношений. В начале XX в. корейский правитель Коджон и Вильгельм II вели регулярную переписку, особенно в сложный для корейского государства период 1897–1905 гг., так как корейский монарх рассчитывал на помощь немецкой стороны в деле сохранения корейской независимости. Принцы Вильгельм и Адальберт Гогенцоллерны стали первыми и единственными представителями европейской правящей династии, которые совершили официальные визиты на Корейский полуостров в указанный период [13].

В 1902 г. немецкая община в Сеуле не превышала десятка человек. Она состояла из консула Фердинанда Крина и его секретаря Роберта Бринкмейера, преподавателя Й. Болльяна, музыканта Франца Эккерта и его семьи, торговца А.Ф. Горшалки, А. Зонтаг и доктора Р. Вунша [15. С. 503].

Немцев, как и всех европейцев, проживавших в Корее в указанный период, можно условно разделить на пять групп.

К первой относились дипломаты. Германскую империю в Корее представлял консул Фердинанд Крин, который находился в Корее с 1889 по 1898 гг. У консула также были помощники и переводчики [15. С. 116–119].

Вторую группу составляли иностранные эксперты, работавшие на корейское правительство. Первым иностранным советником был немец П.Г. фон Мёллендорф [15; 16]. Во многих областях, включая дипломатию, военное, инженерное дело и юриспруденцию, сферу образования, использовались иностранные консультанты, большинство из которых прибыли из США, Германии и Франции [11. С. 185–188]. При корейском дворе работал немецкий врач Рихард Вунш (Вu-eon-sa, 富彦士), который с ноября 1901 г. по апрель 1905 г. занимал должность личного врача императора Коджона в Сеуле. Благодаря ему достижения европейской медицины нашли применение в Восточной Азии. Еще один немец, Йоханнес Боллян, сыграл значительную роль в создании первых школ западного типа, в частности, первой немецкой школы в Корее, в подготовке переводчиков с немецкого языка для дипломатических и экономических нужд.

Третью группу представляли торговцы и бизнесмены. В открытых портах Кореи действовали две немецкие и две американские торговые компании, а также один британский и один французский торговый дом [15. С. 96]. Крупнейшая немецкая иностранная торговая компания «Meyer & Company», офис которой располагался в Чемульпхо, была тесно связана с базирующейся в Шанхае британской фирмой Jardine Matheson & Company [15. С. 116–135]. Оба торговых дома выступали в качестве агентов крупных европейских

и американских компаний, включая страховые и судоходные. Иностранцы лавочники, такие как немец Ф. Калитски, продавали в Корею иностранные товары.

Четвертую группу составляли миссионеры. В 1909 г. в Корею прибыли немецкие миссионеры-бенедиктинцы [14. С. 180–189].

Наконец, пятой группой были европейцы, принадлежащие к менее привилегированным слоям общества. В эту группу входили охранники консульств, моряки, шахтеры и техники, которые работали в компаниях на концессионной основе, таких как Seoul Electric Company.

Подавляющее большинство представителей западных стран размещалось в корейской столице в центральном районе Чундон (рядом располагались главные корейские дворцы, большинство посольств и миссионерских центров), а также в порту Чемульпхо. Иностранцы в открытых портах жили в соответствии с режимом экстерриториальности и не были обязаны подчиняться корейскому законодательству [17. С. 97–98]. Значительная часть из них демонстрировала приверженность к буржуазной культуре, которая на тот момент активно формировалась у них на родине и в значительной степени отличалась от культуры местного корейского населения. Представители стран Запада выполняли «цивилизаторскую миссию», а газеты современного типа, такие как *The Independen* и *Asiatishen Lloid* стали рупором буржуазного образа жизни. Европейцы, жившие в Корею в указанный период, ценили свой жизненный уклад выше, чем уклад принимающего корейского общества, и даже не рассматривали возможность интеграции, но при этом ожидали, что корейцы охотно примут европейский образ жизни [19].

Некоторые ключевые материальные предметы ассоциировались у представителей западных стран с понятием «современности» и противопоставлялись «отсталости». Начиная с середины 1890-х гг., благодаря политическим изменениям в корейском обществе и стремлению корейской элиты преобразовать страну по европейскому образцу, немцы, как и другие европейцы, получили возможность воссоздать привычную среду в районе Чундон в Сеуле и в иностранных районах Чемульпхо. Были построены новые дома по европейскому образцу, корейские дома превращены в резиденции в западном стиле, оснащены мебелью, коврами, занавесками, современными приборами и посудой. Дома нередко располагались в живописных местах, перед ними располагался сад с цветочными и овощными грядками, кустарниками и деревьями. Наличие целого штата слуг у европейцев в Корею также было символом высокого социального статуса, это подчеркивало буржуазное положение работодателя [18]. Так, например, в 1890 г. К. Вольтер пригласил опытного китайского мастера и возвел на холме в Чемульпхо здание в качестве жилья для трех европейских сотрудников компании *Meuer&Co*: К. Вольтера, К. Люрса и П. Раутенкранца [6. С. 7–8]. Это здание стало первым домом в европейском стиле в Чемульпхо, напоминая по размеру дворец с большим парком. Многие

европейцы и корейцы видели дом компании издали еще до прибытия в порт Чемульпо, поэтому нередко считали его генеральным консульством Германской империи, летним дворцом корейского короля или резиденцией местного губернатора [17].

Железная дорога, световой проектор, велосипед, кирпичные здания — все эти объекты стали «символами благоустройства» и «фетишами современности» [20. С. 51–53]. Важным аспектом повседневной жизни являлась европейская музыка, символом которой стало пианино [6. С. 9–10]. Торговая компания *Robinson Piano Company*, имевшая филиалы в Гонконге, Шанхае, Сингапуре и других крупных азиатских городах, регулярно отправляла в Корею представителя для настройки и ремонта инструментов [21]. В феврале 1901 г. известный немецкий музыкант Франц Эккерт был приглашен в страну в качестве придворного капельмейстера. Он сочинил первый национальный гимн Кореи, которая с 1897 г. называла себя «Тэханчжегук» (Великая корейская империя), и дирижировал им на торжественном мероприятии, посвященном 50-летию юбилею вана Коджона [23. С. 422, 549–550].

В газетной статье об открытии первой железной дороги между Чемульпо и Сеулом отмечалось, что «железная дорога станет для корейцев наглядным доказательством преимуществ общественных и политических институтов стран Запада» [24]. Путешествие на пароходе позволяло с комфортом перемещаться по всему миру. Рекламные объявления в *Korea Daily News* за 1904 г. предлагали комбинированные маршруты «Тихоокеанской почтовой паровой компании», «Западной и Восточной паровой компании» и японской *Tōyō Kisen Kaisha*. Миссионеры, дипломаты и европейские чиновники на службе правительств Восточной Азии имели право на «ощутимые скидки» на билеты первого класса, которые можно было приобрести в крупных западных и японских торговых домах в Чемульпо [25].

В 1890–1900-е гг. создавались различные формальные и неформальные ассоциации, которые способствовали сплочению западного сообщества в Корею, а также вестернизации корейских элит. Немецкие, французские, российские и японские дипломаты собирались в *Cercle diplomatique et consulaire*. «Сеульский союз» (*the Seoul Union*) объединял миссионеров, дипломатов и советников корейского правительства из США и Англии [6. С. 11–12].

Буржуазная жизнь иностранцев в Корею характеризовалась наличием определенных гендерных ролей. Хотя женщины и не занимали лидирующих позиций в обществе, они играли важную роль в создании и поддержании неформальных связей и организации общественных мероприятий, таких как обеды и званые ужины. Совместные ужины, чай, пикники, «домашние» праздники в указанный период стали неременными атрибутами жизни европейцев [27]. По таким случаям готовили еду в европейском стиле, продукты покупали у западных, японских или китайских поставщиков, избегая корейских магазинов. Репортажи о таких встречах публиковались в корейских

«газетах нового типа», устанавливая в буржуазные стандарты организации развлечений для корейской элиты. Так уроженка германских земель Мария-Антуанетта Зонтаг выдвинулась на первый план в критический для Кореи период (1896–1909 гг.) сначала в качестве хозяйки и организатора церемоний при корейском дворе, но впоследствии ее влияние перестало ограничиваться лишь административными вопросами [28. С. 138]. Она стала одной из важных фигур в борьбе великих держав за власть, за сферы влияния в преддверии колонизации Корейского полуострова Японией. Современники называли «некоронованной императрицей Кореи» [30. С. 134–135]. Резиденцию А. Зонтаг Haus von Madame Sontag и Residenz von Fräulein Sontag (Imperial Household, privat Hotel, Sontag Hotel (кор. 손탁 호텔), Hanseong Hotel, Hanseong bingwan 한성빈관 (漢城賓館), Sontakbingwan 손탁빈관 (孫澤賓館), можно считать одной из первых гостиниц западного типа в Сеуле. Она стала местом проживания молодых состоятельных мужчин из стран Запада, которые еще не успели обзавестись в Корее собственным жильем, а также комфортабельной гостиницей для путешественников в западном стиле [26. С. 92–93]. Верхний этаж помещения был предназначен для знатных высокопоставленных гостей, на первом этаже располагались комнаты обычных посетителей, ресторан и конференц-зал. Частыми гостями отеля были дипломаты, высокопоставленные корейские политики, офицеры, ученые, миссионеры, специалисты, путешественники и журналисты [26. С. 75].

Резиденция Антуанетты Зонтаг являлась также местом встреч политического клуба Чондон (정동구락부 (貞洞俱樂部), членами которого были такие известные корейские политики того времени, как Мин Ёнхван и Юн Чжихо. Клуб стал настолько влиятельным, что даже представители корейской королевской семьи и министры обращались к его участникам за советами [13. С. 110]. Корейские сторонники модернизации страны по европейскому образцу, такие как Со Джэпхиль, регулярно встречались именно в этом районе, чтобы обсудить политические вопросы с членами клуба Чондон.

Приемы и встречи, которые проводились в резиденции госпожи Зонтаг, оказали серьезное влияние на модернизацию корейской элиты нового времени. Западные отели были местами, где корейцы знакомились с западной культурой (употребление кофе, фотографии, бильярд, свадьбы нового типа, велосипеды, западная музыка и оркестры и т.д.). Многие западные привычки становились модными и заимствовались, постепенно входя в корейскую повседневную жизнь.

Национальные праздники, имперские торжества были главными событиями для всего иностранного сообщества и отмечались с размахом. Еще одним поводом для масштабных торжеств становилось прибытие иностранных военных кораблей в Чемульпхо. Когда немецкий флот посетил Корею в июле 1897 г., К. Вольтер, представитель немецкой фирмы Meyer & Co., взял на себя инициативу по организации масштабных торжеств. Вольтер также использовал

временное присутствие корабельного священника для крещения своих новорожденных детей-близнецов в соответствии с немецким обычаем [13].

Европейские мигранты пытались воспроизвести культурные и экономические модели, характерные для родной страны, но в результате взаимодействия различных европейских и местной восточноазиатской культур формировалось нечто совершенно новое. Между собой конкурировали разные европейские социальные и политические модели, но при этом существовал не только национальный, но и религиозный раскол [26]. Несмотря на то, что у прибывших в Корею европейцев и американцев было много общих черт, религиозная и национальная конкуренция разделяли малочисленную группу людей, которые знали друг друга лично. Сравнительно небольшое и хрупкое сообщество, состоящее исключительно из мигрантов первого поколения, обладало новыми характеристиками.

Термин «транслокальность» наиболее полно подходит для описания данного явления. Транслокальность проявлялась в трёх основных аспектах. Первый — решение мигрировать в Корею для большинства европейцев было добровольным, не было спровоцировано ни экономическими, ни политическими, ни иными причинами [4. С. 373–401]. Такая миграция не влекла за собой полного разрыва с предыдущей жизнью, многие мигранты поддерживали контакты с людьми на родине, регулярно проводили отпуск в Европе или возвращались туда по делам, возвращались в Европу после нескольких лет или десятилетий [6. С. 15]. Миграция чаще всего позволяла повысить социальный статус, эти люди так или иначе принадлежали к новой формирующейся глобальной элите.

Второе измерение транслокальности можно обнаружить в интенсивных связях европейских мигрантов, проживавших в Корее, с европейскими сообществами, проживавшими в других странах Восточной Азии. Многие из них не переезжали в Корею непосредственно из своей родной страны, а жили определенное время в Китае или Японии, поддерживали контакты с этими странами. Было обычным делом ездить в Японию или Китай, чтобы получить медицинскую помощь или образование [22]. Примеры семьи Эккерт, П.Г. фон Мёллендорфа, немецкого врача Р. Вунша демонстрируют этот факт. Взаимодействия представителей западных стран в Корее с представителями Цинского Китая и Японии были зачастую даже более интенсивными, чем с корейцами. Нередко в Корею европейцы приезжали с японскими и китайскими нянями, горничными и слугами [6. С. 15]. Тесные связи европейцев с японской элитой существовали и на более высоком социальном уровне, особенно это проявлялось в начале 1880-х гг., когда количество европейцев в Корее было все еще незначительным. Связи европейских и американских жителей Кореи с соседними странами создают впечатление, что иногда они были лучше интегрированы в сообщество Восточной Азии в целом, чем в культуру и социальную жизнь корейского государства.

Смешанные браки — еще один показательный пример. Смешанных браков между корейцами и европейцами практически не было. Однако европейские и американские мужчины с начала 1880-х гг. заводили китайских и японских любовниц [17]. Вскоре некоторые уважаемые члены европейской общины начали жениться на японках, хотя миссионеры критиковали эту практику [6. С. 18–19]. Примеры, когда европейские женщины выходили замуж за восточноазиатских мужчин, были крайне редки.

Взаимодействия между представителями различных европейских стран представляют собой третье измерение транслокальности. Представители разных европейских национальностей жили в Корее вместе в одних и тех же поселениях, количество торговых компаний со смешанным капиталом и количество смешанных браков свидетельствуют об активных взаимодействиях между людьми разных европейских национальностей. Такой процесс представляется вполне естественным в рамках небольшого иностранного сообщества, где большинство людей лично знали и ежедневно встречались друг с другом.

При этом в европейском сообществе в Корее присутствовала постоянная напряженность между различными группами. Крупные европейские государства и США вели в Восточной Азии империалистическую политику, пытались экспортировать свои социальные и политические модели [30]. Такая конкуренция проявлялась не только в военных столкновениях, она нашла выражение и в различных формах социализации, образе мышления и повседневных практиках. Более того, иногда социальные и политические формы конкуренции принимали в Восточной Азии иные формы, чем в Европе. В то время как в Европе Францию считали страной республиканизма, в Восточной Азии она воспринималась как оплот католицизма, этот образ был создан благодаря деятельности французских миссионеров. В отличие от европейских держав, США заявляли о гуманных формах империализма, тесно связанных с протестантизмом, об американской «моральной империи». В этом плане американцы считали себя отличными от европейцев и превосходящими их.

Несмотря на то, что у прибывших в Корею европейцев и американцев было много общих черт, религиозная и национальная конкуренция разделяли малочисленную группу мигрантов первого поколения, при этом благодаря различным формам взаимодействия небольшое и хрупкое сообщество получило новые уникальные характеристики, отличавшие представителей стран Запада в Корее от соотечественников на родине. Термин «транслокальность» наиболее полно подходит для характеристики данного явления [4]. Представители немецких земель были представлены, в основном, католиками, по этой причине они стремились к общению, установлению деловых и родственных отношений с представителями одной веры, активно взаимодействуя с французами и бельгийцами.

Таким образом, европейцы и, в частности, представители Германской империи в Корею в 1880–1910 гг., ведя буржуазный образ жизни, считали себя проводниками прогресса и перемен, физически, социально и ментально они вели жизнь, отдельную от корейского общества. За некоторыми исключениями, касающимися корейской элиты, правительственных чиновников или представителей интеллигенции, отношения с корейцами нередко строились «свысока».

Значительное количество немецких граждан, проживавших в Корею в конце XIX — начале XX вв., оказало влияние на развитие германо-корейских отношений, налаживание культурного диалога между двумя странами и последующую модернизацию страны по западному образцу. В число наиболее известных людей — уроженцев германских земель можно включить придворного церемонимейстера при дворе корейского правителя, создательницу первой гостиницы и первого кафе западного типа в Корею А. Зонтаг, создателя придворного корейского оркестра и автора первого корейского гимна Ф. Эккерта, врача Р. Вунша, директора немецкой школы в Сеуле Й. Болляна. Большую роль в этом диалоге играли и корейские переводчики с немецкого языка. При этом следует отметить, что указанные лица одновременно входили в немногочисленную прослойку иностранного «буржуазного» среднего класса в Корею, стремящегося к жизни в комфорте и роскоши, нередко недоступной в стране происхождения, и являлись проводниками многоуровневой политики империализма. Нередко они подчеркивали свое превосходство над корейцами в политическом, экономическом и культурном аспектах.

Библиографический список

1. *Cooper F., Stoler A.* Tensions of Empire: Colonial cultures in a Bourgeois World. Berkeley: University of California Press, 1997. 470 p.
2. *Glick Schiller N., Basch L., Blanc-Szanton C.* Towards a Transnational Perspective on Migration: Race, Class, Ethnicity, and Nationalism Reconsidered // *Annals of the New York Academy of Sciences* No. 645, 1992. P. 1–24.
3. *New Frontiers: Imperialism's New Communities in East Asia, 1842–1953*, ed. By R. Bickers, C. Henriot. Manchester: Manchester University Press, 2000. 282 p.
4. *Translocality: The Study of Globalising Process from a Southern Perspective* / Ed. U. Freitag, A. von Oppen. Leiden: Brill, 2010. 472 p.
5. *Шебанова М.А.* Роль транснациональных сообществ в современном развитии государства и общества // *Гуманитарные и социальные науки*. 2010. № 5. С. 218–225.
6. *Dittrich K.* Europeans and Americans in Korea, 1882–1910: A Bourgeois and Translocal Community // *Itinerario — European Journal of Overseas History*. 2016. Т. 40. № 1, P. 3–28.
7. *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности: Трактат по философии знания. М.: Моск. филос. фонд, 1995. 323 с.
8. *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. : в 3 т. Т. 1. Структуры повседневности: возможное и невозможное. М.: Прогресс, 1986. 622 с.
9. *Розенберг Н.В.* Культура повседневности: методология исследования. — Тамбов: Изд. Дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2010. 200 с.

10. *The Independent* 2:29, 11 March 1897.
11. *Koh Byung-ik*. The Role of the Westerners Employed by the Korean Government in the Late Yi Dynasty. *Essays on East Asian History and Cultural Traditions*. Seoul: Sowha, 2004. 188 p.
12. *Duus P.* The Abacus and the Sword: The Japanese Penetration of Korea, 1895–1910. Berkeley: University of California Press, 1995. 480 с.
13. *Ли Ёнгван*. Корея и Германия. Сеул, 2002. 218 с. (на корейском яз.)
14. Claussen-Wunsch G. (Ed.): Dr. med. Richard Wunsch — Arzt in Ostasien, Buesingen/Hochrhein 1976. 381 p.
15. *Kneider H.A.* Globetrotter, Abenteurer, Goldgräber. Auf den deutschen Spuren im alten Korea, Munich 2009. 463 p.
16. *Симбирцева Т.М.* «Загадочный» барон П.Г. фон Мёллендорф и его «прусская» деятельность в Корею (1882–1885) // Вопросы истории Кореи. Петербургский научный семинар — 2001. — СПб., 2002. С. 26–44.
17. *Kim Jang-Soo*. Korea und der “Westen” von 1860 bis 1900: die Beziehungen Koreas zu den europäischen Grossmächten, mit besonderer Berücksichtigung der Beziehungen zum Deutschen Reich. Frankfurt am Main: Lang, 1986. 216 p.
18. *The Independent* 2:144, 4 December 1897.
19. *Larsen K.* Trade, Dependency, and Colonialism: Foreign Trade and Korea’s Regional Integration. Armonk: M.E. Sharpe, 2006. P. 51–69.
20. *The Independent* 3:76, 2 July 1898.
21. *Ли Кёнхун, Готчевски Х.* Франц Эккерт — автор «Национального гимна Корейской империи» // Историческая критика, № 101 (2012). С. 373–401. (на корейском языке)
22. *The Independent* 2:98, 19 August 1897.
23. *The Korea Daily News* 1:20, 9 August 1904.
24. *The Independent* 3:105, 8 September 1898.
25. *The Independent* 2:11, 28 January 1897.
26. *Ли Суну*. Историческое и культурное пространство в Сеуле нового времени: отель «Sontag». Сеул: Ханэульчжэ, 2012. 288 с. (на корейском языке).
27. *Kroeber Emma*. Wie ich an den Koreanischen Kaiserhof kam, Berlin 1909.
28. *The Independent* 2:88, 27 July 1897.
29. *The Independent* 3:26, 3 March 1898.
30. *Пак Б.Б.* Российский дипломат К.И. Вебер и Корея. М: Институт востоковедения РАН, 2013. 400 с.

Информация об авторе:

Мунинова Ирина Александровна — старший преподаватель кафедры востоковедения, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, e-mail: irina.musinova@gmail.com

DOI: 10.22363/2312-8127-2023-15-4-424-433

EDN: DJHMDI

Научная статья / Research article

Предпосылки и начало развития торговых отношений на пространстве Шелкового Пути

А.Г. Люлина , Е.А. Маликова

Российский университет дружбы народов,
117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

 alyulina88@gmail.com

Аннотация. Актуальность темы исследования обусловлена возрастающим интересом к «возрождению» Шелкового пути. Китай стремится развивать концепцию «Один пояс — один путь», а именно «Экономический пояс Шелкового пути», целью которой является разработка новой транспортной системы, позволяющей улучшить торговые отношения между странами и ускорить поставки товаров через Среднюю Азию. Данную инициативу поддерживают многие государства СНГ и страны, история которых непосредственно связана с историей Шелкового пути. Изучение предпосылок формирования и начального этапа становления торговых отношений вдоль «Пути» позволит оценить опыт и потенциал связанных с этим вопросом регионов для построения новых эффективных моделей сотрудничества.

Ключевые слова: Китай, Средняя Азия, история, торговые отношения

История статьи: Поступила в редакцию: 19.05.2023. Принята к публикации: 07.08.2023.

Для цитирования: Люлина А.Г., Маликова Е.А. Предпосылки и начало развития торговых отношений на пространстве Шелкового Пути // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2023. Т. 15. № 4. С. 424–433. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-15-4-424-433>

Background and the beginning of trade relations on the Silk Road

Liulina A.G. , Malikova E.A.

RUDN University,
6, Miklukho-Maklay str., Moscow, Russian Federation, 117198

 alyulina88@gmail.com

Abstract. The relevance to research the beginning of trade relations on the ancient Silk Road was determined by the growing interest in the “revival” of the Silk Road. China is striving to develop the concept of “One Belt, One Road”, namely the “Silk Road Economic Belt”,

© Люлина А.Г., Маликова Е.А., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

which aims is a new transport system, that will improve trade relations between the countries and accelerate the supply of goods through Central Asia along the historical trade routes. This initiative is supported by many CIS states and countries whose history is directly related to the history of the Silk Road. The study of the prerequisites for the formation and initial stage of trade relations along the “Route” will allow us to assess the experience and potential of the regions related to this issue for building new effective models of cooperation.

Keywords: Silk Road, China, Central Asia, history, trade relations

Article history: Received: 19.05.2023. Accepted: 07.08.2023.

For citation: Liulina AG., Malikova EA. Background and the beginning of trade relations on the Silk Road. *RUDN Journal of World History*. 2023;15(4):424–433. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-15-4-424-433>

Шелковый путь оказал колоссальное влияние на все сферы жизни государств древнего мира. Результаты культурного, экономического обмена можно наблюдать и сейчас. Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ), университет Альянс нового Шелкового пути являются крупнейшими межрегиональным объединениями, созданными в ответ на фундаментальные геополитические изменения и являющимися своего рода продолжением контактов и сотрудничества стран на пространстве Шелкового Пути.

История Великого шелкового пути (далее — ВШП, ШП, «Путь») и его значение для экономического развития стран в целом изучены, историографический материал позволяет дифференцированно подойти к изучению предпосылок и начального этапа становления и развития торговых отношений, а также конкретизировать некоторые проблемы, связанные с характером и направлением этих отношений. Основные сведения о начале формирования ШП содержатся в таких источниках, как «Исторические записки» Сыма Цяня и «Хань шу» Бань Гу [1–3]. Теоретическую базу исследования составляют работы зарубежных и российских авторов. Дж. Кей и Рахимов Н.Т. в своих книгах подробно описали китайскую сторону развития и зарождения межгосударственных отношений на пространстве Пути [4; 5]. Отношения китайцев и народов Западного края затронули Роланд Флетчер и Эмма Хэферингтон [6]. Археологические исследования показывают древнейшие свидетельства зарождения торговых отношений, здесь нужно выделить таких авторов, как Валери Хансен [7], Мамлеева Л.А. [8], Дэвид Кристиан [9], Ф. Худоёрова и Ф. Юлдошова [10]. Более детально описали древние торговые пути китайские исследователи, уделив особое внимание распространению шелка [11–13]. Новизна данной статьи обусловлена не только привлечением нового материала, в том числе на китайском языке, но и систематизацией имеющихся сведений, выделением предпосылок и отдельных этапов зарождения торговли на Шелковом Пути.

Прежде всего стоит отметить, что Шелковый путь — это не одна крупная магистраль, которая существовала в определенный период времени,

а широкомасштабная сеть караванных и морских торговых путей, то бурно развивавшихся, то периодически угасавших из-за различных факторов, таких как войны, природные катаклизмы, многочисленные набеги на торговые караваны и т.д. «Путь» не был изолированным историко-культурным элементом, он стал фундаментом экономических и культурных отношений того времени [14. С. 28]. Данный термин охватывает не только большую географическую территорию с центрами в Бухаре, Самарканде, Кашгаре, Хотане, рядом с нынешними китайскими провинциями Ганьсу и Синьцзян, но и долгую историю развития культуры и религии древних народов (согдийцы, тангуты) [15. С. 10]. Сам же термин «Шелковый путь» был введен в 1877 году немецким географом Фердинандом фон Рихтгофеном для обозначения одного из маршрутов Рим — Китай. В настоящее время данное определение используется для описания всех направлений «Пути» [10. С. 188].

Древние торговые маршруты

Археологические находки могут предоставить сведения о происхождении торговых маршрутов. Подвижный скотоводческий образ жизни народов среднеазиатского региона создал благоприятные условия для контактов между народами и распространения товаров. Самые ранние свидетельства верховой езды были обнаружены в Северном Казахстане и на юге России и датируются IV тыс. до н.э., именно тогда лошади стали использоваться как «транспортное средство». Народы с раннего времени обменивались такими продуктами, как скот, кожа животных, мясо, шерсть и т.д. [9. Р. 5–6]. С III тыс. до н.э. известны маршруты бадахшанского лазурита (Памир, долина Инда, Месопотамия, Ближний Восток) [8. С. 53]. В Китай камень поступал через Прибайкальский и Монгольский регионы. Примерно в то же время развивался и Нефритовый путь. Хотя нефрит согласно археологическим раскопкам был известен в Китае еще в неолите, первые упоминания о маршрутах из Западного края 西域 (нынешней территории Синьцзяна) относятся к 1200 гг. до н.э. Нефрит был необычайно важным камнем для китайского высшего сословия, так как из него изготавливали погребальные урны, им украшали захоронения, его использовали в различных церемониях [10. С. 187]. Согласно китайским историкам, Нефритовый путь 玉石之路, проходивший с Запада на Восток 西玉东输, послужил основой для формирования ШП [16]. Существовал также «Бронзовый» торговый путь 青铜之路, соединявший Восточную Азию с Европой. Он, соответственно, предназначался для перевозки бронзы с западных районов на восток, активно использовался во время правления династии Шан и Чжоу (2070 до. н.э. — 256 н.э.) [17. С. 75]. Примерно с 1800 гг. до н.э. появились «металлургические провинции» в регионах Средней Азии (большая часть Казахстана) и Монголии. Сама технология литья бронзы возникла и в северном Китае, есть свидетельства, что

она развивалась независимо от других стран [9. С. 12]. Указанные маршруты условно называют «Протошелковый путь» и относят к первому этапу зарождения и раннего развития торговых отношений. С течением времени кочевники начали перевозить такие товары, как медь, олово, бирюза (Иран), золото из Монголии, лазурит, рубины с Афганистана, сибирские меха, индийский хлопок и арабский ладан [9. С. 14]. В середине I тыс. до н. э. зародился «Степной путь», по которому распространялись меха и шкуры, иранские ковры, изделия из драгоценных металлов [18. С. 24]. Среднеазиатские торговцы по этому пути отправляли товары в Персию, а оттуда уже в европейские страны [19. С. 10]. Считается, что этот путь был самым протяженным. Сухопутный маршрут «Пути» брал начало в городе Чанъань (современном Сиане) — в провинции Шэньси. Далее шел в Ганьсу через Дуньхуан, через перевалы Юймэнь и Янгуань, оказываясь в нынешнем Синьцзян-Уйгурском автономном районе. В пустыне Такла-Макан было два наиболее известных маршрута — северный и южный, рядом с Памиром. Проходя через Среднюю Азию, дороги выходили к Средиземному морю. Через перевал Юймэнь шли северные пути, далее через Хами, уезд Джимсара (ранее известный как княжество Юйлиши), проходя через Аральское и Каспийское моря, доходили до Константинополя. Средний и Южный пути появились при династии Хань, когда существовала необходимость избежать притеснений от кочевников хунну. Торговым караванам было намного удобнее пересечь Памир и через него следовать на запад [20. С. 2].

Таким образом, в китайской историографии выделяют две главные магистрали — «северный» путь 北方陆上丝路 и «южный» 南方陆上丝路. Северный (лесо-степной и пустынный маршруты, периоды Чуньцю-Чжаньго и Хань-Тан соответственно) был наиболее протяженным — более 7 тысяч километров и делился на три отрезка (восточный, средний и западный), каждый из которых еще имел ответвления. Южный (горный) путь из Сычуани в Индию начал формироваться с IV в. до н.э. и также состоял из отрезков [12].

Зарождение материальных потоков было тесно связано с географическими особенностями и ресурсной спецификой стран и народов на пространстве ШП. Чем больше народов вовлекалось в международный обмен, тем активнее развивались культурные, экономические отношения. Далее по ШП распространялись великие изобретения народов, предметы искусства, происходило знакомство с основными философскими и религиозными трудами.

Предпосылки и этапы развития

Зарождение и развитие торгово-обменных процессов на пространстве будущего ШП происходило в двух основных направлениях — с Запада и с Востока. К предпосылкам развития Шелкового пути с западной (европейской) стороны относят походы Александра Македонского, но, по мнению

А.М. Петрова, попытки начать продвижение в Азию были и раньше. В 401 г. до н.э. тринадцать тысяч греков отправились за троном персидского царя, но потерпели неудачу. В этом сражении участвовал Ксенофонт (430–354 до н.э.) — греческий историк — он оставил описание похода, в котором высказал свои впечатления от Персии [21. С. 10]. Исократ (пр. 436 — 338 гг. до н.э.) также активно выдвигал идеи о продвижении в восточные земли, объясняя это тем, что у Греции недостаточно пахотных земель. Обращаясь к Филиппу II, он говорил о большой угрозе Персии. Эти идеи дошли до его сына, Александра Македонского, и в 334 г. до н.э. он объявил о намерении завоевать весь Восток [Там же. С. 11]. Западные страны не казались ему интересными, так как там, в отличие от Персии, не было великих городов и развитой культуры. Географические познания людей того времени о восточных землях были весьма ограничены: были известны Средняя Азия, Северо-Западная и Западная Индия, крайней точкой на востоке Азии считалась гора Парнас. Далее, как предполагал Аристотель, суша заканчивалась и начинался бескрайний океан [22. С. 25]. Вероятно, этот факт, а также то, что армия Македонского была истощена, привело к прекращению походов. В целом нужно отметить, что эти походы открыли Западу Восток. В ходе многочисленных завоеваний Александру Македонскому удалось значительно расширить границы своих владений, а контролировать такие обширные территории ему помогали местные чиновники. Появились новые для того времени перевалочные пункты и укрепления к северу до Ферганы. Они являлись защитой для местного населения от степных племен. В то же время с аналогичной проблемой набегов столкнулась и китайская цивилизация.

Одними из первых, кто наладил связи с древним Китаем, стали согдийцы. Хотя они находились под влиянием кушан, тюрков и т.д., но при этом обладали собственной развитой культурой. Именно согдийский язык использовался в то время при ведении торговли на востоке рядом с Китаем. С помощью этих купцов в Поднебесную попали такие новые религии, как буддизм из Индии, персидский манихейзм [19. С. 10]. Археологические исследования доказывают, что их торговые взаимоотношения с китайцами начались со II века до н.э. Из-за грандиозных завоеваний Александра Македонского многие согдийцы покинули свои прежние места обитания и образовали поселения рядом с границами Китая.

Само возникновение китайского пути обычно связывают с именем императора У-ди. Во время династии Хань (206 г. до н.э. — 220 г. н.э.) китайцы часто подвергались нападениям кочевых племен, одними из них были «хунну», или «сюнну», которые, несмотря на набеги, также являлись важными поставщиками скота, особенно лошадей — основой армии и залогом мобильности. Сами китайцы считали это племя варварским и описывали его как «склонное к употреблению сырого мяса и крови» и, чтобы обезопасить

границы, считали более выгодным «откупиться» (рис, вино, ткани и шелк), чем вести с ними войну [1].

В середине II века до н.э., китайский правитель получил известие о кочевых племенах, воюющих с хунну. Они назвались «юэчжи» (кушаны), и «изначально проживали между Цилянью, горами Тяньшань и Дуньхуаном». В 138 году до н.э. было принято решение отправить отряд из 100 человек во главе с чиновником Чжан Цянем (张骞) на северо-запад с целью сформировать военную коалицию против сюнну [2; 3]. Перед дипломатом стояла цель вступить в контакты с вождями юэчжи, находившихся в частых военных конфликтах. Он должен был отыскать племя, убедить их вернуться на восток, чтобы совместными усилиями бороться против сюнну. Во время путешествия Чжан Цянь попал в плен к сюнну, где оставался на протяжении десяти лет, далее он совершил побег, прошел через Синьцзян и достиг поселений юэчжи. Но, выяснилось, что другие кочевые племена вытеснили потенциальных союзников, и Чжан Цянь принял решение идти дальше на запад. В конце концов он достиг Ферганы, расположенной на окраине Парфяны (север современного Афганистана). Здесь дипломат собрал подробные свидетельства о торговле, ресурсах, культуре узнал о существовании Индии (Шэньду) и Аршакидской Парфии (Анси) [18. С. 15].

Уже в Бактрии, где обитали юэчжи, он предложил заключить союз, на что получил отказ. Далее он снова попал в хуннский плен, уже в 126 году до н. э. ему удалось бежать и вернуться в Чанъань, где его повысили в должности [2].

В докладе, который Чжан Цянь предоставил императору, были описаны места, ранее не известные Китаю, как пример, земли Парфии, Месопотамии, Аральское море. Доклад заставил У-ди задуматься над необходимостью установления торговых отношений с западными странами, но это осложнялось набегами кочевых племен. Чжан Цянь считал, что западные государства высоко ценили китайские товары и могли бы стать подданными императора. Ферганское царство могло бы объединиться с Хань в противостоянии сюнну, тогда как Бактрия, Парфия и Шэньду (Индия) были больше нацелены на торговлю и согласны платить дань. Поэтому одним из следующих задач Чжан Цяня (122 г. до н.э.) было разведать путь из Сычуани в Индию 蜀—身毒道 [12. С. 186]. Однако в тот момент развитие торговли не было приоритетным направлением для Китая. Император ставил перед собой цель стабилизировать ситуацию на границах, поэтому движение китайских товаров в эти регионы имело политико-дипломатическое значение. В 121 г. до н.э. генерал Хо Цюй-бин изгнал «варваров» из провинции Ганьсу. На отвоеванных территориях — от Цзиньчэна до Дуньхуана — были построены военные поселения и линия оборонительных сооружений. Благодаря военным походам к 115–114 годам до н.э. были установлены отношения с среднеазиатскими странами [4. С. 197]. Во время следующего путешествия Чжан Цянь в 106 году до н.э. захватил с собой много шелка, золота, но это уже не был

дипломатический визит, а скорее торговая миссия, целью которой было обменять шелк на лошадей. С этого момента считается, что Китай начинает торговлю на Шелковом пути [23. С. 3]. Миссия Чжан Цяня в китайской историографии получила название 张骞凿空, что означает “Чжан Цянь проложил путь” (на Запад).

Для превосходства на международной арене Китай применял не только военную мощь. Заселяя промежуточные зоны своими союзниками, в основном кочевниками, династия учреждала свои поселения под управлением «духуфу» 都护府, военных наместничеств, с целью сохранить более-менее стабильную обстановку на границе [5. С. 23].

Здесь нужно упомянуть о понятии «граница» для Поднебесной. Как пишет Е.Н. Грачиков в своей книге «Геополитика Китая», для китайцев в древние времена отсутствовало понятие границы как определенной и точно отмеченной на картах. Это скорее относилось к понятию пространства между территорией собственного государства и промежуточной зоны между всем остальным и отражало стремление к подчинению племен [24. С. 109]. В 108 году до н.э. Западной Хань удалось завоевать земли Турфана и Черчен (на тот период времени они были стратегически важными остановками торговых путей), а в 101 г. до н.э. — Фергану. В 59 году до н.э. династия фактически установила протекторат и контролировала эти земли долгие годы [6. С. 308]. Таким образом, Китай начал контролировать значительный промежуток Великого шелкового пути. Примерно с этого времени можно говорить о более-менее цельном маршруте китайского Шелкового пути. Он проходил через Синьцзян (тремя путями), захватывал среднеазиатские страны, далее проходил в Афганистан, в Кашмир и попадал в северную часть Индии, или в Средиземное море. Далее товары попадали в Иран (Персию) [9. С. 72].

Роль шелка в торговых отношениях на Великом Шелковом Пути

Главным товаром, который Китай экспортировал на запад, был шелк, с ним и ассоциировалась Поднебесная. Этот материал обладал такой ценностью, что его ставили наряду с золотом и даже использовали как международную валюту. «Страна шелка» — именно по такому названию Китай был известен в Римской империи. Китайские исследователи выделяют два основных этапа появления шелка на Западе. Первый берет начало со времен Чуньцю (770–476 до н.э.) и Чжаньго (475–221 до н.э.), второй относится к периоду Западной Хань (206 до н. э. — 24 н. э.). Сначала шелк появился у кочевых народов на окраинах Китая в виде даров и наград. Затем началась меновая торговля шелком и лошадьми. В Синьцзяне и Дуньхуане сохранились записи периода Западной Цзинь (265–316 гг.) о существовании развитой “согдийской торговой артели” 粟特商团, которая вела торговлю не только в Синьцзяне,

но и в Чанъане, Лояне, используя серебряные монеты, изделия из шерсти и джута [11; 13].

Существует предание о шелковых знаменах парфян в битве при Каррах 53 г. до н.э., которые впечатлили и напугали римских солдат [25]. По другой легенде, Цезарь однажды появился в римском театре в шелковом одеянии, это привлекло такое внимание, что цены на данный товар сразу возросли. В Риме говорили так: «Жители шелковой страны производят изысканные шелка, тончайшие как паутинка с цветочными узорами в буйстве красок» [20. С. 10]. Во время правления Хань он использовался как выплата в армии, так как в некоторых отдаленных землях Китая не были введены деньги [22. С. 33]. Кроме шелка, китайские купцы вывозили на продажу железо, никель, лаковые изделия, драгоценные камни. Импортировала же Поднебесная золото, рабов, стекло, пряности, косметику. По Шелковому пути в Китай попали такие растительные культуры, как гранатовые и ореховые деревья, люцерна, фасоль, шафран. Но стоит отметить, что на ранних маршрутах торговля между Китаем и остальным миром развивалась крайне медленно. Это было связано с географическим фактором, труднодоступностью и низкой проходимостью дорог из-за гор (Гималаи, Тянь-Шань и Памир) и пустынь (Такла-Макан). В равной степени представление китайцев о других народах как «варварских» осложняло процесс сближения и развития контактов.

Заключение

На основе проведенного исследования раннего периода истории Шелкового Пути можно выделить следующие этапы. К наиболее ранним т.н. «протошелковым» маршрутам относят Нефритовый и «Лазуритовый» пути, начало зарождения которых восходит к V–IV тыс. л. до н.э. Позже формировались «Бронзовый» и «Степной» пути. Они представляли собой разрозненные отрезки, на основе которых впоследствии развивались торговые маршруты ВШП. После путешествия Чжан Цяня в Западный край 西域 начал формироваться Шелковый путь, соединивший Европу и Азию. К предпосылкам становления и начала развития Шелкового пути относятся походы Александра Македонского в IV в. до н.э. и путешествия Чжан Цяня в период династии Хань во II в. до н.э.

Значимость функционирования маршрутов подчеркивается торговыми процессами на данных участках и культурным обменом. Благодаря Шелковому пути начали контактировать азиатские и европейские государства, экономика получила новый толчок к развитию. Шелковый путь на протяжении многих веков способствовал сближению народов, обмену культур, распространению религии, взаимному обогащению языков. Несмотря на многие военные столкновения, экономические или политические трудности, «Путь» продолжал

существовать. Необходимость развития торговли понимали многие государства, что способствовало улучшению качества дорог. Экономический подъем, культурное обогащение, переход от Древней эпохи к Средним векам — все это произошло благодаря функционированию этой масштабной ветви путей, соединившей не одно государство.

Библиографический список

1. *Сыма Цянь*. Исторические записки. Том IX. Гл. 123. М.: Восточная литература. 2010. Режим доступа: https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/I/Syuma_Tsjan/Tom_IX/frametext123.htm Дата обращения 18.03.2023
2. *Сыма Цянь*. Исторические записки. Том VIII. Гл. 110. М.: Восточная литература. 2002. Режим доступа: https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/I/Syuma_Tsjan/Tom_IX/frametext123.htm Дата обращения 18.03.2023
3. *Бань Гу*. Цянь Хань шу. Гл. 61, 69. М.: Восточная литература, 1978. Режим доступа: https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/I/Ban_Gu/text.htm Дата обращения 20.03.2023
4. *Кей Дж.* Китай. От Конфуция до Мао Цзэдуна / пер. с англ. В.В. Степановой. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2020.
5. *Рахимов Н.Т.* Феномен шелкового пути. Ученые записки Худжандского государственного университета им. академика Б. Гафурова // Гуманитарные науки. 2016. № 1 (46). 226–236.
6. *Fletcher R., Hetherington E.* The China TimeMap project: China and the Silk Roads / Realms of the Silk Roads: Ancient and Modern (issue 4). Macquarie University; 1998, p. 307–320.
7. *Хансен В.* Великий Шелковый путь. Портовые маршруты через Среднюю Азию. Китай-Согдиана-Персия-Левант / пер. с англ. С.А. Белоусова. М.: ЗАО Издательство Центрполиграф, 2014.
8. *Мамлеева Л.А.* Становление Великого шелкового пути в системе трансквиализационного взаимодействия народов Евразии // *Vita Antiqua*, 1999. № 2. С. 53–61. Режим доступа: <http://archaeology.kiev.ua/pub/mamleyeva.htm> Дата обращения 12.03.2023
9. *Christian D.* Silk Roads or Steppe Roads? The Silk Roads in World history // *Journal of World history*. 2000. Vol. 11. Is. 1. P. 1–26.
10. *Худоёрова Ф., Юлдошова Ф.* Образование, культура, язык и история стран Великого Шелкового Пути // *Scientific progress*. 2021. № 7. С. 187–195. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/obrazovanie-kultura-yazyk-i-istoriya-stran-velikogo-shelkovogo-puti> Дата обращения 16.02.2023
11. *Sun Zhan'ao.* Sichou zhi lu de lishi yanbian (История развития Шелкового пути) // *Longyuan chunqiu*, 2017. Is. 4. P. 39–43.
12. *Li Mengwei.* Sichou zhi lu maoyishi (История торговли на Шелковом пути). Lanzhou: Gansu renmin chubanshe, 1997.
13. *Meng Fanren.* Sichou zhi lu yu silu kaoguxue (Великий шелковый путь и археология) // *Zhongguo zhongyang dianshitai*. 2016-12-24. Режим доступа: <http://www.cctv.com/lm/131/61/82900.html> Дата обращения 03.02.2023
14. *Beckwith Ch.I.* Empires of the Silk Road: A History of Central Eurasia from the Bronze Age to the Present. Princeton University Press, 2011.
15. *Wood F.* The Silk Road: Two Thousand Years in the Heart of Asia. University of California Press, 2002.
16. *Xu Ruizhe.* Gu sichou zhi lu. Xiyu dongshu (Древний шелковый путь. Путь нефрита на Восток) // *Wujiangtong*. 25.01.2023 Режим доступа: <http://www.wujiangtong.com/webPages/DetailNews.aspx?id=16408> Дата обращения 20.02.2023

17. Хань Ф., Ван Ц. Ритуал и церемониальная музыка в Китае: бронзовые изделия эпох Шан и Чжоу из провинции Хубэй и уникальность китайской культуры // Общество и государство в Китае. 2014. № 44–1. С. 74–95.
18. Радкевич В.А. Великий Шелковый путь. М.: Агропромиздат, 1990.
19. Reid S. The Silk and Spice Routes. Culture and civilizations. Belitha Press UNESCO Publishing, 1994.
20. Che Muqi. The Silk Road. Past and Present. Beijing: Foreign Languages Press, 1989.
21. Петров А.М. Великий шелковый путь (о самом простом, но малоизвестном). М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995.
22. Франкопан П. Шелковый путь. Дорога тканей, рабов, идей и религий [пер. с англ. В.Ю. Шаршуковой]. М.: Эксмо, 2019.
23. Elisseeff V. The Silk Roads. Highways of Culture and Commerce. New York : Berghahn books; London: UNESCO, 2000.
24. Грачиков Е.Н. Геополитика Китая: эгоцентризм и пространство сетей. М.: Издательство «Русайнс», 2015.
25. Хенниг Р. Неизвестные земли. Москва: издательство иностранной литературы. Том 1. Гл. 30. 1961. С. 264–270.

Информация об авторах:

Люлина Анастасия Геннадьевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры иностранных языков факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы; научный сотрудник отдела истории и культуры Древнего Востока, Институт востоковедения РАН, Москва, Россия, e-mail: alyulina88@gmail.com. ORCID: 0000-0003-0634-8844

Маликова Екатерина Александровна — студент бакалавриата, специальность «зарубежное регионоведение», факультет гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Москва, Россия, e-mail: eamalik@yandex.ru

DOI: 10.22363/2312-8127-2023-15-4-434-442

EDN: FHDZTK

Научная статья / Research article

Сведения Андалузского географа XI в. о народах Кавказа: Китаб ал-масалик ва-л-мамалик ал-Бакри

М.А. Гизбулаев

независимый исследователь,

Кудали, Гунибский район, Дагестан, Россия

 awariyav@gmail.com

Аннотация. Впервые в российской историографии приводятся сведения по истории Дагестана в VI–X вв. на основе перевода, комментирования и сравнительного анализа выдержек из сочинения Абу ‘Убайды ал-Бакри (ум. 1094) *كتاب المسالك والممالك* *Китаб ал-масалик ва-л-мамалик* («Книга маршрутов и стран»), относящихся к истории народов Кавказа. Сочинение на арабском языке представляет собой краткое описание стран с указанием областей, дорог, торговых путей и расстояний между населенными пунктами. *Китаб ал-масалик ва-л-мамалик* считается одним из важных источников того периода по юго-западной и северо-западной Африке времён правления Альморавидов (1040–1147). Что касается сведений о Кавказе, приведенные ал-Бакри, то они в большей степени неоригинальны. В ней обсуждаются основные аспекты жизни и творчества ал-Бакри, знатка мусульманской истории и географии, который, в частности, перечисляет политические образования Восточного Кавказа (Дагестана), и маршруты с указанием расстояний между ними, кроме того он дает краткое описание, Дербента, Каспийского моря и т.п. Выполнено сопоставление сведений о Дагестане произведения ал-Бакри и сочинений ал-Мас’уди (ум. 956) *مروج الذهب ومعادن الجواهر* *Мурудж аз-захаб ва ма’адин ал-джавахир* («Промывальни золота и рудники самоцветов») и *كتاب التنبيه والأشرف* *Китаб ат-танбих ва-л-шраф* («Книга предупреждения»), чтобы выяснить, едино ли происхождение материала у обоих авторов.

Ключевые слова: средневековый Дагестан, арабская историко-географическая литература, историография, Ал-Бакри, ал-Мас’уди, сравнительный анализ

История статьи: Поступила в редакцию: 24.02.2021. Принята к публикации: 26.04.2023.

Для цитирования: Гизбулаев М.А. Сведения Андалузского географа XI в. о народах Кавказа: Китаб ал-масалик ва-л-мамалик ал-Бакри // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2023. Т. 15. № 4. С. 434–442. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-15-4-434-442>

© Гизбулаев М.А., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Reports of the 11th century Andalusian Geographer on the Peoples of Caucasus

Magomed A. Gizbulaev

Independent Researcher,
Russian Federation, Dagestan, Gunib district, Kudali

 awariyav@gmail.com

Abstract. This paper, for the first time in Russian historiography, provides information on the 6th-10th centuries history of Dagestan on the basis of translation, commentary and comparative analysis of excerpts in relation to the history of Caucasian peoples from Abū 'Ubayd al-Bakrī's (d.1094) *Kitāb al-masālik wa-al-mamālik* (A Book of Routes and Countries). This work presents a brief description of different polities: indicating trade routes, distances between towns etc. sort of the administrative directory. *Kitāb al-masālik wa-al-mamālik* is considered as one of the important sources on south-western and north-western Africa history, particularly, during the period of the Almoravids' reign (1040–1147). As for the information about the Caucasus given by al-Bakri so it's largely not original. The paper discusses the main aspects of al-Bakrī's life and scholarly activities who was an expert in Islamic history and Arabic geography. He particularly outlines the history of different Caucasian polities like Derbent; describes the Caspian sea; gives detailed list of routes and distance between polities etc. Moreover, I compared some reports on Dagestan from *Muruj az-zahab* and *Kitab at-tanbih* by al-Mas'udi and al-Bakrī's work in order to find out whether the origin of the material is the same.

Keywords: Medieval history of Dagestan, early Arabic historical and geographical sources, Muslim historiography, Abū 'Ubayd Al-Bakri, Abū Hasan al-Mas'udi, *Kitāb al-masālik wa-al-mamālik*, *Muruj az-zahab*, comparative analysis

Article history: Received: 24.02.2021. Accepted: 26.04.2023.

For citation: Gizbulaev MA. Reports of the 11th century Andalusian Geographer on the Peoples of Caucasus. *RUDN Journal of World History*. 2023;15(4):434–442. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-15-4-434-442>

Введение

Одиннадцатый век — период дальнейшего подъема мусульманской культуры — богат отдельными фундаментальными сочинениями в области арабской географии, литературы, медицины и др. Этот период времени выдвигает ряд специалистов в области географии, в частности, как ал-Бакри. Для народов Кавказа, и России в целом, сочинения на арабском языке являются источниками знаний в области социально-культурной и политико-экономической истории. Фрагментарность извлечений из арабских источников и скудность источниковой базы не дают возможности исследователям обстоятельно изучить средневековую историю региона.

Цель статьи — освещение сведений по истории Дагестана в VI–X вв. на основе перевода, комментирования и сравнительного анализа выдержек из сочинения *كتاب المسالك والممالك* *Китаб ал-масалик ва-л-мамалик* («Книга маршрутов

и стран») ал-Бакри, относящиеся к истории народов Кавказа. Кроме того, в статье впервые выполнено сопоставление сведений о Дагестане сочинения ал-Бакри и сочинений ал-Мас'уди *Мурудж аз-захаб ва ма'дин ал-джавахир* («Промывальни золота и рудники самоцветов») и *Китаб ат-танбих ва-л-шираф* («Книга предупреждения и пересмотра»), чтобы выяснить, едино ли происхождение материала у обоих авторов.

Биографические сведения об андалузском географе ал-Бакри и историография

‘Абдаллах б. ‘Абдулазиз б. Мухаммад б. Аййуб б. ‘Амр, мусульманский географ и знаток арабской литературы пятого века *хиджры*, живший в Кордове. Он происходил из знатного арабского рода Бакр ибн Ваил, поэтому известен по *нисбе* ал-Бакри ал-Куртуби ал-Андалуси, а по прозвищу Абу ‘Убайда. Биографические сведения о нем незначительны. Источники приводят две разные даты его рождения: по одним данным, он родился в 401 г.х./1010, а по другим — в 432 г.х./1040. Родился он на юге-западе Испании в г. Уэльве, правителем которого и небольшого острова Сальтеса был его отец ‘Абдулазиз, который позже вместе со своей семьей должен был переехать в Кордову, где и получил первоначальные знания и дальнейшее образование наш автор [1].

В пятом веке по *хиджре* Кордова — центр исламской культуры, науки и образования в мусульманской Испании. Здесь ал-Бакри учился у известных ученых того времени. Среди них были: Абу Хайян, Абу ‘Аббас Ахмад б. ‘Амр ал-‘Узри, Абу Бакар ал-Мустафа, хафиз Абу б. ‘Абд ал-Бирр. В 478 г.х./1085 ал-Бакри, как доверенное лицо Мухаммада б. Ма’на, эмира Алмеры, был приставлен в севильском дворе у Ал-Му’тамида б. ‘Уббада. После этого в 483 г.х./1090 ал-Бакри возвращается в Кордову, где проведет всю свою жизнь, занимаясь научно-преподавательской деятельностью [2. Т. 1. С. 1–2]. В своем биографическом сочинении *Му’джем ад-диба иршад ал-арийб ила ма’рифат ал-адийб* Йакут ал-Хамави отмечает, что «...он своим красноречием и знанием арабской литературы превосходил всех тех, кто присутствовал на литературном кружке у Ибн Манзура» [3. Т. 4. С. 1534]. Похоронили ал-Бакри в Кордове, на кладбище *Умм Салама* в 487г.х./1094.

Ал-Бакри являлся автором нескольких сочинений по арабской литературе, филологии, географии, медицине. На сегодняшний день сохранились два его сочинения — *Му’джем ма иста’джам* («Словарь того, что от неарабов») и *Китаб ал-масалик ва-л-мамалик* («Книга маршрутов и стран»). Работы ал-Бакри были использованы более поздними авторами. В своем последнем сочинении он приводит подробные сведения о начале распространения ислама в таких западноафриканских странах, как Мали, и в других странах бассейна р. Нигер в конце X в.

Следует отметить, что сочинение *Китаб ал-масалик ва-л-мамалик* в полном объеме до нас не дошло, существует в разных редакциях [4. С. 476], которые хранятся в зарубежных библиотечных фондах, таких как Библиотека Нурусмания в Стамбуле [5], Национальная Библиотека Франции в Париже [6], Библиотека Карвийин в Фесе [7]. Кроме того, критический текст данного сочинения был издан в 1968 иракским историком 'Абдурахманом 'Али Алхаджом [8].

В настоящее время нет еще полного перевода арабского географического труда ал-Бакри, осуществлены только переводы отдельных отрывков на европейские языки. В частности, на русский язык фрагменты о славянах и их соседях были переведены А.А. Куником и Р.В. Розеном в 1878 [9], а также Т.М. Калининой в 1992 [10].

В нашем исследовании для анализа сведений о Восточном Кавказе, встречающихся в сочинении ал-Бакри *Китаб ал-масалик ва-л-мамалик* («Книга маршрутов и стран»), использовалось Бейрутское издание, опубликованное в 1992 [2].

Целью составления географического сочинения *Китаб ал-масалик ва-л-мамалик* была не только в описании торговых путей, соединяющих известные современникам города и страны, но и в повествовании истории отдельных регионов, охватывающей события определенного хронологического периода. Например, подробные описания государственных образований и городов Северной Африки, а также ценные сведения о долинах р. Сенегал и р. Нигер.

Сочинение состоит из двух томов. В частности, первый том посвящен вопросам о начале творения, появлении первого человека, жизнеописаний пророков. После всего этого следует географическая часть: последовательно излагается описание климатов, земель, морей и рек... Там же содержатся сведения о печенегах, булгарах, хазарах, славянах, русах, сарирах и т.д.

Рассматривая вопрос об источниках *Китаб ал-масалик ва-л-мамалик*, необходимо отметить, что ал-Бакри использовал для своего повествования: *Т'арих ат-Табари*, *Мурудж аз-захаб ва ма'адин ал-джавахир* ал-Мас'уди, *Китаб ал-масалик ва-л-мамалик* Мухаммада ал-Варрака, *Ал-'Алак ал-нафиса* Ибн Руста, *Китаб ал-масалик ва-л-мамалик* Ибн Хордадбеха и др.

Ал-Бакри о Дагестане

Сведения о Дагестане у ал-Бакри начинаются с главы «*Бахр Баб ал-Аб-ваб*», в которой дается описание Каспийского моря. Там говорится о том, что: «море Баб ал-Абваба [Каспийское], оно же Хазарское, Джиляльское, Дейлемское, Джурджанское, Табаристанское, [где вдоль побережья этого моря проживает население] из разных тюркских племен. Часть этого [моря] омывает берег страны Хорезм в Хорасане, поэтому оно также именуется как море Хорасанское. Его длина равна 800 миль, а ширина 600 миль. Его

внешний вид напоминает форму круга в длину» [2. С.206-207]. Указанная информация о Каспийском море у ал-Бакри совпадает с сообщением, приведенном ал-Мас'уди [11. С. 42; 12].

В данном случае нас интересует вопрос, чему соответствовала миля в Восточном Кавказе. Следует отметить, что один *фарсах* состоит из 3 миль, т.е. равен круглым счетом 6 км. Например, длина Каспийского моря, по ал-Бакри 800 миль, а это примерно 1596 км, что не соответствует реальному расстоянию на местности, которое составляет примерно 1200 км. Ширина Каспийского моря составляет также 600 миль, что равняется 1200 км, тогда как реальное расстояние на местности составляет в среднем примерно 324 км.

Ал-Бакри продолжает: «Часто на этом море бывают шторма, такие как на *Бахр аш-шам* [Средиземном море]. На [берегу] этого моря, за Баб ал-Абвабом (Дербентом), [по соседству] есть местность, которая называется Баку (в тексте Бага *باغة*), откуда вывозят белую нефть. Там находятся огненные источники, бьющие из земли, видимые ночью на очень дальнем расстоянии, которые [достигают по своим размерам] башен...» [2. С. 207], а у ал-Мас'уди этих данных нет.

Интересны сведения о горной системе, расположенной в промежутке между морями Каспийским и Черным — *Кабк* (в тексте Кабх *جبل الكبخ*). Ал-Бакри описывает эту горную область очень сжато, указывая на то, что в нем есть множество лесов, скал, рек, долин, народностей. В частности: «что касается горной системы Джабаль ал-кабк [прилагающие горы от Дербента в сторону Главного Кавказского хребта], то в ней насчитывается 72 народностей, и каждая со своим правителем и [непохожим с другим] языком. Чтобы преодолеть расстояние этой сложной горной системы *джабаль*, то занимает около двух месяцев и более. А что касается народностей, проживающих там, то они [практически] незнакомы друг с другом из-за ее сурового [географического рельефа], а также наличием множества лесов, больших перевалов, горных рек, ущелий и скал» [2. С. 207], у ал-Мас'уди также [11. С. 62].

Далее наш автор описывает Дербентскую оборонительную стену, которая была построена Хосров I Ануширваном (ум. 579), в качестве преграды между кочевыми племенами, горцами и землей персов. «А что касается города Баб ал-Абваб, то он расположен на одном из горных проходов *Кабк* [Кавказского хребта]. [Дербентская оборонительная] стена была построена Хосров Ануширваном, служившей преградой между его страной [Сасанидской] и этими народностями [как гунны, хазары, сариры, аланы и др.], которые причиняли вред. А сама стена [строительством которой руководил он] состоит из обтесанного камня, где использовались железные [стержни], залитые свинцом. Один край этой стены проходит вглубь моря на одну милю [около 2000 м], а другой простирается по вершинам горного хребта примерно на 40 *фарсахов* [около 240 км] до крепости, именуемой Табасаран (в тексте Табаристан). Вдоль этой стены, примерно через каждые три мили [6. км], им были сооружены железные ворота [сторожевые посты], в каждой из которых он поселил представителей

отдельного народа, призванных охранять эту стену. И назначил он для каждой из этих [дагестанских] народностей правителя. Никому не счесть число народностей, населяющих [территорию] вдоль этой стены кроме их Создателя [Бога]» [2. С. 262]. Указанные сведения об истории строительства Дербентской оборонительной стены, и о ее характеристике у нашего автора совпадает с сообщением, приведенным ал-Мас'уди [11. С. 62].

Рассказывая о городе Дербент, ал-Бакри упоминает имя и титул его правителя: «В настоящее время [скорее всего в 332 г.х./944] правителем Баб ал-Аббаба является мусульманин по имени Мухаммад б. Йазид потомок Бахрам Гура (в тексте Чубина *بهرام جوبين*). Он [Мухаммад], и тот, кто правил на его месте [до него], носит титул *Ширван-шах*. Чтобы преодолеть территорию его государства, то это займет расстояние около одного месяца... Население Баба ал-Аббаба [и Ширвана] принимает ислам в период правления Масламы б. 'Абдулмалика¹» [2. С. 262]. Сообщения нашего автора о том, что правитель Ширвана и Дербента Мухаммад б. Йазид, и о роли Масламы в установлении ислама в качестве официальной религии в этих двух политических образованиях изложено аналогично ал-Мас'уди [11. С. 62].

Рассказывая о правителе Дербента, ал-Бакри сообщает, что «многие правители *Кабка* находились в вассальной зависимости от Мухаммада [ибн Йазид], в частности, мусульманский правитель Табасарана [в тексте Табаристана], который происходил из числа *ансаров*» [2. С. 263], у ал-Мас'уди также. Скорее всего, речь идет об Абу Тахир Йазиде б. Мухаммада б. Йазид — шестой *Ширван-шах* (917–948). В 944 году жители Дербента восстали и прогнали своего эмира Ахмада б. 'Абдулмалика ал-Хашими. Жители Дербента захотели принять власть от *Ширван-шаха* [13].

Сведения о соседнем с Дербентом политическом образовании у ал-Бакри начинаются с описания хазарского города. Самандар (сов. Махачкала) была ранней столицей Хазарии приблизительно до ее окончательного завоевания мусульманами в 723 году, вследствие чего управление хазарами было перенесено в город Итиль (около сов. Астрахани). Он говорит, что «Самандар — многонациональный город, расположенный на расстоянии восьми дней пути [около 304 км] от города Баб. Когда город [Самандар] был освобожден в период раннего распространения ислама, то после этого хазарский правитель был вынужден переехать в город Итиль. Расстояние между ними [Итилем и Самандаром] составляет семь дней пути [около 266 км]» [2. С. 263], у ал-Мас'уди также [11. С. 63].

Также, как и у предшественников, у ал-Бакри приводятся данные о расстояниях с упоминанием некоторых городов исследуемого нами региона, но в отличие

¹ Маслама б. 'Абдулмалик (ум. 738) — известный мусульманский вонгачальник, сын Омейядского халифа 'Абдулмалика б. Марвана (685–705) — был правителем Ирака. Он достиг большой известности во время осады Константинополя и в походах на Кавказ.

от них у него расстояния обозначены не *фарсахами*, а дневными переходами. Следует отметить, что обычно один день пути по суше равнялся 38–40 км.

Ал-Бакри указывает, что из всех народностей, находящихся по соседству с Дербентом и его округом: «самым худшим являются жители страны Хайдак (в тексте Хайзан خيزان). В настоящее время их правитель мусульманин, его знают по имени Салифан. Во всем его государстве нет мусульманина кроме него, и его семьи» [2. С. 263], у ал-Мас'уди также [11. С. 68]. Приведенный выше отрывок указывает на тесную зависимость кайтагов от хазар в период их военно-политического могущества в прошлом, от которых они, по-видимому, и получали титулы. В частности, «салифан» – древнетюркский титул, транскрибируемый по-китайски *се-ли-фа* [13. С. 127].

Кроме того, ал-Бакри пишет о дагестанцах арабского происхождения, занимавших довольно обширную территорию между землями Кайтага и Дербента: «Они живут [в селах], расположенных в густых лесах, ущельях, через которых текут большие реки, и находятся приблизительно в трех днях пути [очевидно в трех милях] от [города] Баб. Они поселились в этих краях с того времени, когда еще арабы бедуины завоевали эти места в прошлом. Они сохранили свою национальную идентичность» [2. С. 264], у ал-Мас'уди также [11. С. 68].

Далее — продолжает ал-Бакри — за [страной] Хайдак следует территория Зерехгеран زريكران [Кубачи], которую называют страной «кольчужных мастеров». Так как они занимаются производством кольчуг, мечей и других предметов. Местность их /проживания/ сурова, и, поэтому, они недоступны для [покорения] соседним [правителям]» [2. С. 264], у ал-Мас'уди также [11. С. 68].

Также как и у других мусульманских историков, у ал-Бакри имеются сведения о Сарире. Так: «за ним [Зерехгераном] следуют [земли] правителя Сарир, который носит титул *Филан-шах*. Он исповедует христианство, и происходит из рода Бахрам Гур [Бахрам V Гура (421–438)]. Когда Йездегерд, последний правитель из династии Сасанидов [632–651], обратился в бегство [после завоевания Ктесифона мусульманами], то он послал перед собою свой золотой трон, богатства и имущество с представителем из рода Бахрам Гура с тем, чтобы тот отвез [перечисленное имущество] в эту страну [Сарир] для хранения в безопасности до его [Йездегерда] прибытия. Но, [по пути в Сарир] Йездегерд прибыл в Хорасан, где его убили. Произошло это событие в период правления халифа 'Усмана (644–656), да будет им доволен Аллах. А что касается того человека [доверенный Йездегерда], то он остался там [в должности правителя Сарир]» [2. С. 265], у ал-Мас'уди также [11. С. 68].

Ал-Бакри дает подробное описание Сарира в виде главы, и переходит к повествованию о населении данного государства, их верований, указывая на то, что там есть крепость, а также золотой трон их правителя. Пишет о расстоянии между Сариром и Хазарским городом (возможно Итиль), которое составляет приблизительно пятнадцать дней пути. Так: «от страны [возможно города Итиль] Хазар до высокой горы [скорее всего речь идет о Сулакском каньоне] двенадцать дней

пути по пустынной местности, оттуда до цитадели *кал'а* правителя Сарир еще идти три дня [пути по высоким горам и лощинам]. Цитадель, которую окружает [оборонительная] стена, расположена на вершине горы [Хунзахского плато]. [Там] у правителя есть золотой трон, полученный [по наследству] еще от персидских [Сасанидских] правителей. На всей территории правителя [Сарир] имеются 20 тыс. горных проходов [населенных пунктов], где [проживают] люди разных [этнических групп], которые поклоняются сухой голове» [2. С. 449–450]. У ал-Мас'уди эти данные отсутствуют, хотя он приводит другую цифру относительно населенных пунктов, согласно автору: «У него [правителя Сарира] имеется 12 тыс. населенных пунктов» [11. С. 69]. Сообщения ал-Бакри о расстоянии от Итиля до столицы Сарира, которая расположена на вершине горы, о том, что правитель Сарира имеет золотой трон и 20 тыс. населенных пунктов, жители которых являются язычниками, изложено также как у Ибн Руста [14. С. 148].

Далее в этой главе наш автор пишет, что: «выйдя с левой стороны цитадели правителя Сарир, ты идешь в течение трех дней по горам и лугам и, наконец, приходишь в страну правителя Алан. Они христиане. В общей массе жители его владения поклоняются крестам» [2. С. 450], у Ибн Руста также, кроме «жители его владения поклоняются идолам» [14. С. 148]. У ал-Мас'уди эти данные отсутствуют.

И, наконец, последние сведения, которые относятся к 846 г., об интересующем нас регионе ал-Бакри сообщает об экспедиции во главе мусульманского путешественника и полиглота Саллама Гарджумана, который по поручению Аббасидского халифа Абу Джа'фара Харуна ал-Васика б. Му'тасима (842–847) направлялся через Дагестан в страну, где находилась стена, воздвигнутая Зулькарнайном.

«Из Самарры отправились мы [экспедиция во главе Саллама в путь] с письмом ал-Васика к Исхаку б. Исмаилу,² правителю Арминии находящемуся в Тифлисе, чтобы он оказал нам необходимую помощь [для дальнейшего маршрута]. И написал о нас Исхак [письмо] к правителю Сарир, а правитель Сарира написал о нас правителю Алан, а он написал о нас *Филан-шаху*, а тот написал о нас правителю Хазар...» [2. С. 456]. У ал-Мас'уди эти данные отсутствуют. Очень легко уловить происхождение этих сведений ал-Бакри, который использовал сообщения от Ибн Хордадбега [15. С. 163; 16].

Заключение

Таким образом, для изучения средневековой истории Кавказа сведения арабских авторов представляют особую ценность, в частности, сочинение *Китаб ал-масалик ва-л-мамалик* заслуживают дальнейшего углубленного

² Исхак ибн Исмаил ибн Шу'айб был женат на дочери царя Сарира. Исхак был разбит войсками халифатского полководца Буги и казнен в 853 г.

изучения. Сведения о Дагестане, приведенные андалузским географом ал-Бакри, в большей степени схожи со сведениями ал-Мас'уди. Труд ал-Бакри, написанной в значительной мере на основе сообщений очевидцев и документов из архивов библиотек Кордовы и других городов мусульманской Испании, начинает ряд подобных же географических хрестоматий ученых из этого региона, таких как ал-Идриси и ал-Гарнати. Изложение историко-географических данных о Дагестане VI–X вв. у ал-Бакри сжато и компилятивно, с явным интересом к описательной географии.

Библиографический список

1. *Reza Gholami Rahim, Negahban Farzin*, “Abū ‘Ubayd al-Bakrī”, in: *Encyclopaedia Islamica: Volume 2*, Ed. Wilferd Madelung and Farhad Daftary. Brill, 2008.
2. *Kitab al-masalik wa l-mamalik*, 2 vols. Ed. *Andre Ferre’ and Adrian van Leeuwen*. Beirut: Dar al-Gharb al-islami, 1992.
3. *Йакут ал-Хамави*. Му’джам ад-диба иршад ал-арийб ила марифат ал-адийб. Бейрут: Дар ал-гарб ал-ислами, 1993. Т. 1–7. 3560 с.
4. *Brockelmann C.* *Geschichte der arabischen Litteratur*. Leipzig: Amelongs Verlag, 1909. 265 p.
5. *Abū ‘Ubayd ‘Abd Allāh ibn ‘Abd al-‘Azīz Bakrī, Kitāb al-masālik wa-al-mamālik*. Istanbul, Nur Osmaniye, MS 3 3034.
6. *Abū ‘Ubayd ‘Abd Allāh ibn ‘Abd al-‘Azīz Bakrī, Kitāb al-Masālik wa-al-Mamālik*. Paris, Bibliothèque nationale de France. MS 4 5905.
7. *Abū‘Ubayd ‘Abd Allāh ibn ‘Abd al-‘Azīz Bakrī, Kitāb al-Masālik wa-al-Mamālik*. Fez, Al-Qarawiyyin Library. MS L 6 390./80.
8. *The Geography of Al-Andalus and Europe*. From the book “al-Masalik wal-Mamalik”. Critical edition by *Abdurrahman Ali El-Hajji*. Beirut: Dar al-Irshad, 1968. 258 p.
9. *Куник А.А., Розен В.Р.* Известия Ал-Бекри и других авторов о Руси и славянах. Ч 1. СПб., Издательство: Типография Императорской Академии Наук, 1878. 191 с.
10. *Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия / под ред. Джаксон Т.Н., Коноваловой И.Г. и Подосинова А.В.* Том III: Восточные источники; сост. части I — Калинина Т.М., Коновалова И.Г.; части II — Петрухин В.Я. Москва: Изд-во Университета Дмитрия Пожарского, 2009. 264 с.
11. *Ал-Мас'уди*. Мурудж аз-захаб ва ма'адин ал-джавахир. Каир: Дар ал-фикр ал-илмийи ал-хадийс, 2000. 1720 с.
12. *Гизбулаев М.А.* Сведения арабского географа Ал-Мас'уди о Кабке в X веке // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». 2020.Т. 39 №3. С.64–75. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2020-12-4-399-411>
13. *Минорский В.Ф.* *История Ширвана и Дербента X–XI вв.* Москва: Издательство восточной литературы, 1963. 266 с.
14. *Kitab al-a'lak an-nafisa*, auctore Abu ‘Ali Ahmed ibn ‘Omar ibn Rosteh etc. 2nd ed. / ed. by M.J. de Goeje. Leiden: Lugduni Batavorum, 1892. 229 p.
15. *Ibn Khordadbeh*. *Kitab al-masalik wa-l-mamalik [A Book of Routes and Countries]*. Leiden, BGA, VI, 1889. 265 p.
16. *Гизбулаев М.А.* «Китаб ал-масалик ва-л-мамалик» Ибн Хордадбеха и «Китаб ал-булдан» ал-Йа'куби: арабские географические источники о средневековой истории Дагестана // *Проблемы Востоковедения*. 2017. Т. 78. №4. С.63-70.

Информация об авторе:

Гизбулаев Магомед Андалавагомедович — кандидат исторических наук, независимый исследователь, e-mail: awariyav@gmail.com. ORCID: 0000-0001-5829-613X

СОВРЕМЕННЫЙ МИР CONTEMPORARY WORLD

DOI: 10.22363/2312-8127-2023-15-4-443-462

EDN: FCTBUX

Научная статья / Research article

Российско-китайское сотрудничество в военной области по материалам газеты «Жэньминь жибао» в 2014–2022 гг.

А.С. Арчугова , Л.В. Пономаренко

*Российский университет дружбы народов,
117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6*

 ponomarenko-lv@rudn.ru

Аннотация. Значимость темы исследования обусловлена углублением и расширением российско-китайского сотрудничества в военно-технической сфере на фоне украинского кризиса 2014 г. и ухудшения отношений России со странами Запада. После распада Советского Союза взаимодействие и сотрудничество между Китаем и Россией в военной сфере значительно расширились. Российско-китайская военная дипломатия постепенно заняла важное место в стратегическом партнерстве и координации деятельности на международной арене. Начало украинского кризиса в 2014 году побудило Россию перенести свой стратегический центр в Азию. В этом контексте военное сотрудничество между Китаем и Россией становится все теснее. Цель исследования — изучить состояние и перспективы отношений России и Китая в сфере военной дипломатии в период с 2014 по 2022 гг., и их отражение на страницах газеты «Жэньминь жибао». Общий анализ статей позволил выделить основные направления сотрудничества и особенности взаимодействия в данной области.

Ключевые слова: российско-китайские отношения, пресса Китая, военная дипломатия, военное сотрудничество, стратегическое партнерство

История статьи: Поступила в редакцию: 24.04.2023. Принята к публикации: 31.07.2023.

Для цитирования: Арчугова А.С., Пономаренко Л.В. Российско-китайское сотрудничество в военной области по материалам газеты «Жэньминь жибао» в 2014–2022 гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2023. Т. 15. № 4. С. 443–462. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-15-4-443-462>

© Арчугова А.С., Пономаренко Л.В., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Sino-Russian military relations in People's Daily in 2014–2022

A.S. Archugova , L.V. Ponomarenko

*RUDN University,
6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation*

 ponomarenko-lv@rudn.ru

Abstract. The significance of the topic under study is due to substantial advancements in Sino-Russian military cooperation amid the 2014 Ukrainian crisis and Russia's deteriorating relations with the West. After the USSR collapse, Sino-Russian military relations and cooperation have significantly expanded through further development of form and content. Sino-Russian military diplomacy is playing an important part in comprehensive strategic partnership and coordination in the international arena. Since the onset of crisis in Ukraine in 2014, a confrontation have escalated between Russia and many Western countries, which indirectly prompted Russia's pivot to Asia. In this context, military cooperation between China and Russia is getting increasingly closer. The purpose of this study is to clarify the state and prospects of Sino-Russian relations in the sphere of military diplomacy in the period between 2014 to 2022, as reflected on the pages the People's Daily newspaper. A general analysis of the articles made it possible to identify major areas of cooperation and principal features of interaction in this sphere.

Keywords: Sino-Russian relations, People's Daily, military diplomacy, military cooperation, strategic partnership of coordination

Article history: Received: 24.04.2023. Accepted: 31.07.2023.

For citation: Archugova AS., Ponomarenko LV. Sino-Russian military relations in People's Daily in 2014–2022. *RUDN Journal of World History*. 2023;15(4):443–462. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-15-4-443-462>

Введение

Военное сотрудничество — стратегически важная область государственных отношений. С момента установления дипломатических отношений в 1949 г., военное сотрудничество между двумя странами прошло сложный путь от союза в 1950-х гг. через конфронтацию в 1960–1970-х гг. к нормализации в 1990-х гг. и, наконец, к «всестороннему сотрудничеству» и «стратегическому партнерству» последних десятилетий.

В 1998 г. КНР выпустили первый официальный правительственный документ по национальной безопасности Китая «Национальная оборона Китая» (*чжунго дэ гофан*, 中国的国防) (1998 г.), в котором впервые предлагалось «развивать всестороннюю и многоуровневую военную дипломатию» [1]. В 2019 г. Информационным бюро Госсовета КНР был опубликован официальный документ «Национальная оборона Китая в новую эпоху» (*синь шидай дэ чжунго гофан*, 新时代的中国国防), в котором еще раз подчеркивается: «Китай активно

развивает конструктивные военные отношения с зарубежными странами и формирует новую модель всесторонней, широкомасштабной и многоуровневой военной дипломатии» [2]. Таким образом, военная дипломатия фактически является частью общей дипломатии Китая, все ее формы и содержание выстраиваются в соответствии с национальными интересами Китая.

Исследований, посвященных современным российско-китайским военным отношениям, относительно мало и в основном они сосредоточены на российско-китайском военно-техническом сотрудничестве, что затрудняет объективную оценку российско-китайской военной дипломатии. Среди китайских исследователей выделяются работы Ван Хайюня, бывшего военного атташе КНР в РФ, генерал-майора народно-освободительной армии Китая (НОАК), старшего советника Китайского института международных стратегических исследований. В своих научных трудах Ван Хайюнь называет военные отношения «главной движущей силой международных связей» и предлагает РФ и КНР «превратить свои армии в особо дружественные войска» [3].

Ли Чэнхун, приводя большое количество фактов и данных, сопоставляя мнения экспертов и ученых из Китая, России и США, указывает, что в начале XX века «слепое стремление Соединенных Штатов к однополярной гегемонии серьезно угрожало основным национальным интересам России и Китая». Россия и Китай, чтобы гарантировать защиту своих основных интересов, укрепляют взаимное военное доверие и стимулируют военное сотрудничество, однако в связи с негативным опытом советско-китайских военных отношений 1960-х — 1970-х гг. в научных кругах все еще существуют сомнения в дальнейшем углублении военного сотрудничества РФ и КНР [4. С. 19–25; 5. С. 87–116].

В работах Чан Латана «Обзор и размышления о истории китайско-российского военного сотрудничества за 40 лет реформ и открытости» [6. С. 24–29] и Чжан Синсина «Китайско-российское военное сотрудничество в рамках неприсоединения» [7. С. 85–88] подробно описаны история, условия, роль, значение и перспективы китайской и российской военной дипломатии. Исследователи изложили собственные взгляды на направление развития, показали позитивные стороны российско-китайских отношений, однако не указали на проблемы. Подробный анализ проблем, возникших в процессе российско-китайского военного сотрудничества, и пути их решения описаны в статьях Чжан Цяньжэня «О содержании, значении и видении будущего развития китайско-российского военного сотрудничества после распада Советского Союза» [8. С. 129–134] и Лин Шэнли «Китайско-российские военные отношения: проблемы и перспективы» [9. С. 40–43].

Взгляды китайских исследователей российско-китайской военной дипломатии в основном сводятся к следующим пунктам: 1) Стремление к сотрудничеству, а не к союзу. 2) Необходимость углубления стратегического

взаимного доверия. Исследователи подчеркивают, Россия и Китай имеют схожие национальные интересы, необходимо и дальше углублять взаимное доверие между двумя странами, работать над устранением взаимных сомнений, продолжать углублять сотрудничество в области международной безопасности. 3) Стабильное развитие российско-китайских отношений не только соответствует интересам двух стран, но и является важной гарантией поддержания стабильности международного порядка и стратегического баланса.

В настоящее время в России нет системных исследований российско-китайской военной дипломатии, однако термин «военная дипломатия» широко встречается в российских официальных документах и связанных с ними научных трудах. К.В. Макиенко, военный эксперт, специалист в области военно-технического сотрудничества и оборонно-промышленного комплекса, основатель Центра анализа стратегий и технологий (ЦАСТ), сумел обобщить доступную в России информацию по проблеме, и сделать важные выводы о перспективах развития российско-китайского военного сотрудничества с точки зрения закупки Китаем российского вооружения, о впечатляющем технологическом прогрессе вооруженных сил КНР, а также о роли поставок российского вооружения в тайваньском вопросе и вопросе баланса сил в Юго-Восточной Азии [10].

Кандидат политических наук, старший научный сотрудник отдела военно-экономических исследований безопасности М.Г. Евтодьева, разделила развитие российско-китайского военно-технического сотрудничества на два этапа: с 1992 по 2013 г. и с 2014 г. по настоящее время. Автор подчеркнула заинтересованность Китая в закупках новейших российских систем вооружения, а также проанализировала влияние политических факторов на военно-техническое сотрудничество между двумя странами [11. С. 68–78].

Заведующий Базовой кафедрой Института Китая и современной Азии РАН, НИУ ВШЭ, С.Г. Лузянин выделяет три основных направления в военно-стратегическом сотрудничестве России и Китая: коммерческие связи, военно-стратегическое и геополитическое партнерство [12. С. 21–28].

Западные и американские исследователи российско-китайского военного сотрудничества в основном фокусируются на военной мощи, которую Россия и Китай продемонстрировали миру. Среди англоязычных исследований необходимо отметить труды Эйлин Бавьера [13. С. 15–39], Кучинс А. [14. С. 129–137], Пола Дж. Болта [15] и др. По поводу развития российско-китайских военных отношений и их влияния на третьи страны существуют следующие точки зрения: 1) российско-китайское военное сотрудничество постепенно продвигается вперед, но все еще существуют проблемы. В работе польского политолога Михал Лубина «Россия и Китай» российско-китайские отношения сравниваются со стабильным и успешным «браком по расчету». Михал Лубина считает, что два вопроса в военной области имеют важное значение для России и Китая: превосходит ли Китай Россию в области военных

технологий? Будет ли усиление военной мощи Китая угрожать интересам безопасности России? [16].

Степень военного сотрудничества между Россией и Китаем недостаточна для того, чтобы представлять угрозу для третьих стран. Ричард Вайц в работе «Анализ китайско-российских военных учений» проанализировал важные военные операции между Китаем и Россией, серию совместных военных учений «Мирная миссия» и «Морское взаимодействие» и отметил, что хотя количество совместных учений увеличивается из года в год, они по-прежнему остаются на уровне учений, и не представляют угрозы для третьих стран, однако имеют определенное влияние на соседние страны [17].

Необходимо отметить, что многие научные труды западных исследователей в основном сосредоточены на практической составляющей российско-китайского военного сотрудничества, его роли на региональном и международном уровне.

В стратегическом партнерстве военные обмены и сотрудничество являются важными аспектами, отражающими военно-стратегическое мышление обеих сторон. Особый интерес в рамках данной работы представляет обзор развития российско-китайских военных отношений на страницах «Жэньминь жибао». В контексте быстро развивающихся российско-китайских отношений задача китайских партийных СМИ — объективно отражать текущую ситуацию, в то же время выражая волю государства. «Жэньминь жибао» не только выполняет функцию рупора партии и объективного обозревателя международных событий, но также несет ответственность за формирование международного и национального общественного мнения.

С начала XXI века развитие российско-китайских военных отношений осуществляется одновременно во многих направлениях. Важную роль в этом сыграло основание Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) в 2001 году, организация заметно расширила площадь и форматы взаимодействия России и Китая в области военного сотрудничества. Начиная с 2014 года в условиях внутреннего экономического спада и эскалации отношений с США и странами ЕС на фоне украинского кризиса оборонная политика и военная стратегия России становятся более активными и гибкими. Китай приветствовал инициативу российской стороны по углублению военного сотрудничества. Заинтересованность Китая прежде всего обусловлена запретом со стороны США и стран ЕС на торговлю оружием в связи с событиями на площади Тяньаньмэнь в июне 1989 г. В сложившейся геополитической обстановке Россия и Китай продолжили расширять и углублять свое взаимодействие по вопросам региональной и международной безопасности.

Общий анализ статей «Жэньминь жибао» показал, что от стадии дружественных отношений между Россией и Китаем до стадии всеобъемлющего стратегического партнерства, военные вопросы всегда были в ряду сообщений о российско-китайских отношениях в «Жэньминь жибао». Как показано

на рис. 1, количество докладов на тему российско-китайского военного сотрудничества значительно возросло в период с 2014 по 2022 гг. Так, в период с 1991 по 2000 годы среди материалов, посвященных российско-китайским отношениям, 15 статей было на тему военного сотрудничества, с 2001 по 2013 г. — 58 статей, с 2014 по 2022 г. — 115 статей.

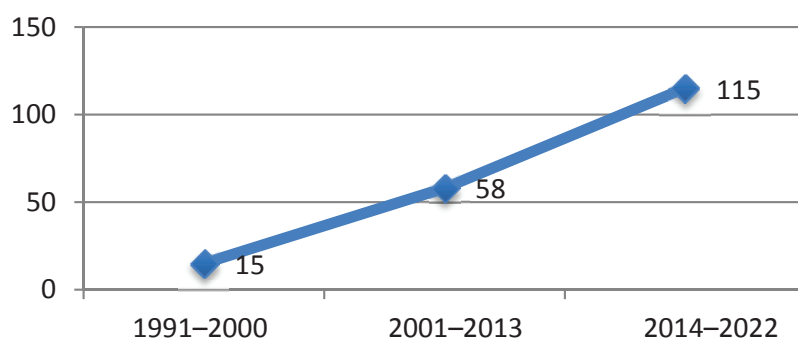

Рис. 1. Данные о количестве статей «Жэньминь жибао» на тему военного сотрудничества между Россией и Китаем в период с 1991 по 2022 гг.

Статьи «Жэньминь жибао» о российско-китайском военном сотрудничестве в изучаемый период можно разделить на три основных направления: встречи на высшем уровне и обмен визитами, военные учения и военно-техническое сотрудничество (табл. 1).

Таблица 1

**Разбивка тем статей «Жэньминь жибао»
о военном сотрудничестве России и Китая в период 2014–2022 гг.**

Мероприятия	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Встречи на высшем уровне Summits	6	6	6	1	3	8	6	5	6
Военные учения Military drills	11	3	9	7	5	2	2	8	4
Военно-техническое сотрудничество Military-technical cooperation	2	1	1	2	1	0	0	2	3
Другое	0	2	0	0	1	0	0	1	1

Механизмы реализации военно-технического сотрудничества

С момента установления дипломатических отношений в 1991 г. Россия и Китай постепенно расширяют существующие механизмы сотрудничества в военной области. В 1992 г. министр обороны Китая (1988–1993 гг.) Цинь Цзивэй посетил Россию, это был первый визит китайской стороны в Россию для проведения переговоров по военному сотрудничеству. В результате встречи в целях координации военно-технического сотрудничества была создана российско-китайская смешанная межправительственная комиссия по ВТС. В 1993 г. ответный визит совершил министр обороны России (1992–1996 гг.) П.С. Грачев. Обе стороны подписали Соглашение между Министерством обороны РФ и Министерством обороны КНР о военном сотрудничестве, в том же году начались регулярные встречи министров обороны РФ и КНР. В 1997 г. был создан механизм стратегических консультаций между начальниками генеральных штабов. Однако, по мнению А.Н. Королева, старшего научного сотрудника Центра политических исследований и прогнозов Института Китая и современной Азии РАН, подобные консультации «нельзя отнести к инструментам высокого уровня взаимодействия» в силу широкого спектра обсуждаемых на подобных мероприятиях тем, а также наличия аналогичных механизмов и у России, и у Китая с другими странами [18. С. 138–160].

Еще одной движущей силой военного сотрудничества двух стран стали начатые в 2004 г. консультации по вопросам стратегической безопасности, которые представляют собой новый механизм для обсуждения текущих национальных интересов и вопросов безопасности России и Китая. Это был первый межгосударственный механизм, созданный Россией и Китаем с другими странами.

В настоящее время постоянное развитие российско-китайских военных отношений является закономерным результатом углубления политических и экономических отношений между двумя странами, стратегическое партнерство Китая и России все больше реализуется в практические действия. На данном этапе российско-китайский механизм совещаний по военной безопасности отличается высоким уровнем участия и большим количеством встреч на высшем уровне.

Подробное описание встреч высокопоставленных лиц России и Китая всегда занимало особое место среди статей Жэньминь жибао, такие сообщения всегда отражают теплые дружеские отношения между странами на всех уровнях сотрудничества, сфера стратегической безопасности не стала исключением. Статьи о сотрудничестве в военной области России и Китая в основном сосредоточены на встречах на высшем уровне. Подобные встречи проводятся несколько раз в год, результаты встреч отражают единство взглядов двух стран по основным вопросам сферы военного, военно-технического сотрудничества и безопасности.

Тесное сотрудничество между китайскими и российскими военными неотделимо от сотрудничества высшего руководства и вооруженных сил двух стран. В период 2013–2023 гг. состоялось более 100 важных визитов, включая обмены на высоком уровне между министрами обороны, командующими вооруженными силами и другими важными делегациями, совместные выступления и тренировки, совместное сопровождение и другие формы.

Министр обороны РФ генерал армии С.К. Шойгу неоднократно посещал Китай и в ходе визитов встречался с председателем КНР Си Цзиньпином¹, премьером Госсовета КНР Ли Кэцяном², председателем Всекитайского комитета Народного политического консультативного совета Китая Юй Чжэншэном³, министром обороны КНР (2013–2018 гг.) Чан Ваньцюанем⁴, министром обороны КНР (2018 — н. вр.) Вэй Фэнхэ⁵, заместителем председателя Центрального военного совета КНР Чжан Юся⁶ и другими.

На встречах министр обороны РФ С.К. Шойгу и первый заместитель министра обороны РФ В.В. Герасимов, который участвовал во встречах в Москве, неоднократно подчеркивали, что военное сотрудничество между Россией и Китаем «стало важной составляющей стратегического сотрудничества двух стран», Китай является «приоритетным» направлением международного военного сотрудничества, и российская сторона готова продолжать «осуществлять практические обмены и сотрудничество в области совместных военных учений»⁷.

В свою очередь, представители китайской стороны также заявляли, что Китай «придает большое значение и поддерживает углубленное дружественное и прагматичное сотрудничество между двумя вооруженными силами»⁸, что визиты на высшем уровне, обмены и совместные военные учения «еще больше укрепили стратегическое взаимное доверие и традиционную дружбу между двумя вооруженными силами»⁹. Председатель КНР Си Цзиньпин на встрече с министром обороны РФ отметил: «Военные отношения между Китаем и Россией являются важным символом высокого уровня и специфики отношений между двумя странами, а также важной поддержкой стратегического сотрудничества»¹⁰.

¹ Renmin Ribao (Жэньминь жибао). 2018. 19 октября. С. 1.

² Renmin Ribao (Жэньминь жибао). 2014. 19 ноября. С. 1.

³ Renmin Ribao (Жэньминь жибао). 2016. 24 ноября. С. 3.

⁴ Renmin Ribao (Жэньминь жибао). 2016. 24 ноября. С. 2.

⁵ Renmin Ribao (Жэньминь жибао). 2020. 7 сентября. С. 3.

⁶ Renmin Ribao (Жэньминь жибао). 2019. 23 октября. С. 3.

⁷ Renmin Ribao (Жэньминь жибао). 2015. 17 апреля. С. 3; 2014. 5 ноября. С. 18; 2018. 19 октября. С. 3; 2019. 5 сентября. С. 3; 2016. 24 ноября. С. 3.

⁸ Renmin Ribao (Жэньминь жибао). 2015. 18 апреля. С. 3.

⁹ Renmin Ribao (Жэньминь жибао). 2016. 24 ноября. С. 2; 2014. 28 августа. С. 2.

¹⁰ Renmin Ribao (Жэньминь жибао). 2018. 19 октября. С. 2.

Во многих статьях подчеркивается позитивная роль российско-китайского военного сотрудничества для укрепления доверия между двумя странами и дальнейшего развития стратегических взаимоотношений, дается высокая оценка совместным действиям в области военного сотрудничества. Начиная с 2013 г. китайская сторона, говоря о военных отношениях России и Китая, использует термин «плодотворные» и подчеркивает, что за последние годы были достигнуты «значительные результаты»¹¹.

С 2016 г. статьи Жэньминь жибао о российско-китайских встречах в рамках военного сотрудничества становятся более содержательными. Регулярно стали появляться сообщения о совпадении мнений двух сторон по основным проблемам международных отношений.

Например, в 2016 г., после размещения США системы ПРО ТНААД на территории Южной Кореи под предлогом опасности со стороны КНДР, Россия и Китай обменялись мнениями о ситуации на Корейском полуострове в рамках механизма консультаций по вопросам стратегической безопасности. На страницах Жэньминь жибао сообщается, что обе страны подчеркнули необходимость «предотвращения эскалации ситуации на полуострове», однако выступили против размещения противоракетной системы ТНААД в Южной Корее¹². В 2019 г. в Китае прошел симпозиум в рамках Пекинского Сяншаньского форума. В статье, посвященной симпозиуму, отмечается общее стремление России и Китая предотвратить милитаризацию космоса и гонку вооружений¹³. Этой же теме посвящена статья «Совместное заявление Китайской Народной Республики и Российской Федерации об укреплении современной глобальной стратегической стабильности», в которой осуждается «безответственный» выход США в 2019 г. из Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности. Прекращение действия договора, по мнению китайской стороны, «спровоцирует гонку вооружений и увеличит риск возникновения конфликтов во многих регионах мира» — отмечается в статье. Также в статье подчеркивается негативное влияние действий США, связанных с разработкой и размещением противоракетных систем в различных регионах и космическом пространстве, на международную и региональную безопасность¹⁴. Кроме того, на страницах газеты США и «некоторые западные страны» открыто обвиняются в усилении вмешательства во внутренние дела России и Китая¹⁵. В связи со сложившейся мировой обстановкой Россия и Китай считают

¹¹ Renmin Ribao (Жэньминь жибао). 2016. 13 сентября. С. 2; 5 ноября. С. 2; 2019. 23 октября С. 2.

¹² Renmin Ribao (Жэньминь жибао). 2015. 18 апреля. С. 3.

¹³ Renmin Ribao (Жэньминь жибао). 2019. 23 октября. С. 3.

¹⁴ Renmin Ribao (Жэньминь жибао). 2019. 6 июня. С. 3; 2019. 5 декабря. С. 3.

¹⁵ Renmin Ribao (Жэньминь жибао). 2019. 2 декабря. С. 3.

необходимым «продолжать укреплять координацию и сотрудничество по основным международным и региональным вопросам, совместно реагировать на вызовы, создаваемые односторонностью и протекционизмом, а также поддерживать мир и стабильность во всем мире»¹⁶.

В различных статьях также отмечается совпадение взглядов России и Китая и стремление содействовать урегулированию по таким международным проблемам, как ядерная ситуация в Иране, Афганистане, Венесуэле, на Корейском полуострове и др.

По сообщениям «Жэньминь жибао», в 2020 г. С.К. Шойгу и Вэй Фэнхэ провели переговоры по видеосвязи, в ходе которых договорились продлить срок действия «Соглашения о взаимном уведомлении о пусках баллистических ракет и космических ракет-носителей» на 10 лет¹⁷.

В 2017 и в 2021 гг. Россия и Китай подписали «дорожную карту развития сотрудничества в военной области между РФ и КНР». С момента установления первого соглашения о военном сотрудничестве между Россией и Китаем ежегодно стороны согласовывали план сотрудничества на следующий год, в 2017 г. по инициативе министра обороны РФ С.К. Шойгу «дорожная карта» была подписана сроком до 2020 г.¹⁸, а в 2021 г. сроком до 2025 г.¹⁹. В 2021 г. министр обороны России С.К. Шойгу и министр обороны Китая Вэй Фэнхэ провели переговоры по видеосвязи и подписали соглашение об укреплении военных отношений между двумя странами, сформулировав дорожную карту развития сотрудничества между двумя армиями на ближайшие пять лет.

Формы реализации сотрудничества постепенно расширяются, на данный момент одной из совершенно новых форм сотрудничества стало совместное патрулирование в Азиатско-тихоокеанском регионе, которое произвело эффект на мировое сообщество. С.К. Шойгу и Вэй Фэнхэ заявили, что обе стороны «имеют общую заинтересованность в усилении российско-китайских стратегических военных учений и совместного патрулирования»²⁰.

Все это не только свидетельствует о готовности двух стран укреплять практическое сотрудничество, но и о высокой степени доверия между двумя странами.

Китайские СМИ во главе с Жэньминь жибао также уделили пристальное внимание участию НОАК в Параде Победы на Красной площади и участию российской армии в парадах в Пекине в 2015 и 2020 г.

В военном параде в честь 70-летия Победы в Великой Отечественной войне также приняли участие председатель КНР Си Цзиньпин и его супруга

¹⁶ Renmin Ribao (Жэньминь жибао). 2019. 5 сентября. С. 3.

¹⁷ Renmin Ribao (Жэньминь жибао). 2020. 16 декабря. С. 3.

¹⁸ Renmin Ribao (Жэньминь жибао). 2017. 30 июня. С. 2.

¹⁹ Renmin Ribao (Жэньминь жибао). 2021. 25 ноября. С. 3.

²⁰ Renmin Ribao (Жэньминь жибао). 2021. 24 ноября. С. 3.

Пэн Лиюань. Газета Жэньминь жибао в статье, посвященной параду, подчеркнула личную дружбу между лидерами двух стран и выразила мнение, что на фоне украинского кризиса и ухудшения отношений России со странами Запада присутствие китайского лидера на параде «стало большой политической поддержкой для президента России»²¹.

В том же году президент России В.В. Путин и министр обороны РФ С.К. Шойгу нанесли ответный визит и присутствовали на параде в Пекине. В параде также принимало участие подразделение Вооруженных сил РФ. За месяц до парада в Жэньминь жибао вышла статья о подготовке к параду. В статье особо подчеркивается, что президент России и подразделение Вооруженных сил РФ официально подтвердили свое участие в параде²².

Взаимное присутствие лидеров двух стран и армий двух стран на памятных мероприятиях имели огромное значение в двусторонних отношениях и получили большой резонанс в мировом сообществе, как отмечала Жэньминь жибао в различных статьях, посвященных указанным событиям. Во-первых, это первый случай, когда армии России и Китая приняли участие в военных парадах друг друга, что в полной мере «воплощает богатую коннотацию китайско-российского стратегического сотрудничества» и уникальность российско-китайских отношений. Во-вторых, это также демонстрирует, и на этом в каждой статье акцентируется внимание, что Россия и Китай решительно выступают против «любых попыток вмешаться в историю Второй мировой войны и бросить вызов послевоенному международному порядку»²³. В-третьих, отсутствие лидеров западных стран и присутствие Си Цзиньпина является косвенным свидетельством идентичности китайской позиции с позицией России.

В 2020 г. по приглашению российской стороны делегация во главе с министром обороны Вэй Фэнхэ и почетный караул НОАК вновь стали почетными гостями Парада на Красной площади. Данное событие высоко оценено репортерами Жэньминь жибао: «В этот критический момент, когда мир соображает борется с эпидемией, китайская делегация и почетный караул приняли участие в военном параде, продемонстрировав высокий уровень всеобъемлющего стратегического сотрудничества между Китаем и Россией, углубляя доверие и сотрудничество между армиями двух стран, демонстрируя решимость Китая и России твердо придерживаться итогов Второй мировой войны, выступать против пересмотра результатов войны»²⁴.

²¹ Renmin Ribao (Жэньминь жибао). 2015. 10 мая. С. 1.

²² Renmin Ribao (Жэньминь жибао). 2015. 4 августа. С. 1.

²³ Renmin Ribao (Жэньминь жибао). 2015. 4 декабря. С. 1; 2015. 9 марта. С. 1.

²⁴ Renmin Ribao (Жэньминь жибао). 2020. 25 июня. С. 3.

Российско-китайские совместные военные учения

В 2005 г. официально стартовали российско-китайские совместные антитеррористические военные учения «Мирная миссия». Из воспоминаний Ван Хайюня, генерал-майора НОАК, известно, что Россия еще до 2005 г. неоднократно выражала готовность провести совместные учения с НОАК, и сам генерал-майор высказывался исключительно за проведение подобных мероприятий, однако, по разным причинам, учения откладывались. В 2004 г. инициатива провести совместные учения поступила уже от китайской стороны. «На следующий день, на встрече с главнокомандующим нашей (прим. автора — НОАК) армией, министр обороны РФ (2001–2007 гг.) С.Б. Иванов, заявил о желании российской стороны совместно провести крупномасштабные стратегические военные учения, и даже о возможности отправить стратегические атомные подводные лодки и авианосцы для участия в учениях» [19. С. 37–48]. С тех пор механизм российско-китайских военных учений был урегулирован, а область учений расширилась с суши до моря, воздуха, сетевой безопасности и других областей.

Масштабы сотрудничества между российскими и китайскими военными силами постепенно увеличиваются, с углублением отношений и доверия между двумя странами совместные учения и другие модели сотрудничества, связанные с военными операциями, стали мейнстримом. Отчеты и материалы о совместных российско-китайских военных учениях все эти годы были в рядах новостей, о которых сообщает Жэньминь жибао. Статьи Жэньминь жибао о военных учениях «Мирная миссия» и «Морское взаимодействие» включают подробное описание стран-участниц, стран-наблюдателей, количество войск и военной техники, а также сценарии учений. Примером могут служить статьи о «Мирной миссии» 2014, 2016, 2018, 2021 гг.: «„Мирная миссия-2014“: Все „в первый раз“»²⁵, «Китайская сторона выполняла функции главного руководителя учений миротворческой миссии, а военные атташе из 60 стран наблюдали за ходом учений на месте»²⁶, «Церемония открытия совместных военных учений „Мирная миссия—2018“»²⁷, «В район учений прибыли войска из 8 стран, участвующих в совместных военных учениях ШОС „Мирная миссия—2021“»²⁸, «Совместные антитеррористические военные учения „Мирная миссия-2021“. Вывод китайских войск»²⁹.

Статьи о военно-морских учениях «Морское взаимодействие», которые впервые были проведены в 2012 г., превалируют над статьями об учениях на суше. Кроме того, если в статьях о «Мирных миссиях» акцент смещен на подробное описание китайской армии и вооружения, а Россия, хотя и идет

²⁵ Renmin Ribao (Жэньминь жибао). 2014. 19 августа. С. 3.

²⁶ Там же.

²⁷ Renmin Ribao (Жэньминь жибао). 2018. 26 августа. С. 3.

²⁸ Renmin Ribao (Жэньминь жибао). 2021. 12 сентября. С. 3.

²⁹ Renmin Ribao (Жэньминь жибао). 2021. 26 сентября. С. 2.

всегда второй после КНР при перечислении стран, остается без должного внимания, то в статьях о «Морских взаимодействиях» акцент смещается именно на российско-китайское сотрудничество. Так в статье о «Морском взаимодействии-2014» отмечается, что «Тесное сотрудничество двух сторон в совместных учениях не только способствует укреплению дружбы между офицерами и солдатами двух стран и воспитанию духа взаимопомощи, но и повышает профессиональный уровень офицерского и солдатского состава обеих сторон»³⁰. Отдельное внимание уделяется встречам на высшем уровне, приуроченным к учениям. В 2014 г. президент России Владимир Путин и председатель КНР Си Цзиньпин приняли участие в церемонии открытия совместных российско-китайских морских учений — сообщает Жэньминь жибао: «Во второй половине дня Путин прибыл в военный порт, где его встретил Си Цзиньпин. Главы двух государств вместе поднялись на трибуну. Военный оркестр исполнил государственные гимны Китая и России, а главы двух государств совместно провели смотр военно-морского почетного караула» — репортеры Жэньминь жибао как всегда подчеркивают теплые отношения между главами двух стран. Си Цзиньпин отметил особую роль военно-морских учений в российско-китайском военном сотрудничестве: «Эти учения являются важной частью сотрудничества двух вооруженных сил двух стран, и в этом году еще раз продемонстрируют твердую решимость и волю Китая и России совместно реагировать на новые угрозы и вызовы, поддерживать региональную безопасность и стабильность, а также демонстрировать миру новый уровень китайско-российского взаимного доверия и стратегического взаимодействия»³¹. К статьям об учениях «Морское взаимодействие» также относятся статьи: «В рамках китайско-российских военных учений «Морское взаимодействие — 2016» были проведены совместные учения»³², «Министерство обороны провело очередную пресс-конференцию»³³.

Особое значение для российско-китайских отношений имели учения 2021 г., которые совпали с 20-летием подписания договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве. На пресс-конференции пресс-секретарь Министерства обороны Китая старший полковник Тань Кэфэй, отвечая на вопросы журналистов, подчеркнул: «Китайская сторона готова работать с российской стороной, чтобы энергично продвигать концепцию дружбы из поколения в поколение, полностью реализовать консенсус, достигнутый главами государств, продолжать углублять отношения между двумя вооруженными силами, активизировать стратегическую координацию, укрепить практическое сотрудничество на всех уровнях и во всех областях»³⁴.

³⁰ Renmin Ribao (Жэньминь жибао). 2014. 19 мая. С. 9.

³¹ Renmin Ribao (Жэньминь жибао). 2014. 21 мая. С. 1.

³² Renmin Ribao (Жэньминь жибао). 2016. 17 сентября. С. 4.

³³ Renmin Ribao (Жэньминь жибао). 2018. 27 апреля. С. 4.

³⁴ Renmin Ribao (Жэньминь жибао). 2021. 28 октября. С. 8.

Очередные совместные стратегические учения «Запад-2021» прошли с 10 по 15 сентября 2021 г. Это первые крупномасштабные китайско-иностранные совместные военные учения, в рамках которых Китай пригласил российские войска войти во внутренние районы Китая для участия в учениях.

Министр обороны России С.К. Шойгу вылетел в Китай для наблюдения за учениями и провел переговоры с министром обороны КНР Вэй Фэнхэ. Это первый визит С.К. Шойгу в Китай для участия в военных учениях после вступления в должность. Министр обороны КНР подчеркнул, что был рад возможности встретиться «со своим старым другом». В ходе переговоров, как сообщает Жэньминь жибао, Вэй Фэнхэ отметил: «На фоне серьезных перемен и пандемии военные будут тщательно реализовывать консенсус, достигнутый главами государств, укреплять стратегическую координацию и всестороннее сотрудничество». В статье также подчеркивается стремление России «укреплять стратегические связи с Китаем»³⁵.

Согласно сообщениям Жэньминь жибао, 24 ноября 2019 г. на пресс-конференции официальный представитель министерства обороны Китая У Цянь подтвердил, что китайские и российские военные организовали первое совместное воздушное стратегическое патрулирование в Северо-Восточной Азии, а также подчеркнул, что во время полета самолеты ВВС двух стран строго соблюдали соответствующие положения международного права и не заходили на территорию других стран³⁶ [53. С. 3].

Таким образом, с 2019 г., помимо совместных учений, Россия и Китай осуществляют совместные воздушные патрулирования, а в 2021 г. было организовано первое совместное морское патрулирование.

В статьях отмечается, что патрулирования совершаются «в соответствии с ежегодным планом и не направлены против третьих лиц», целью совместных патрулирований является «развитие партнерства между Россией и Китаем и повышение уровня взаимодействия армий двух стран»³⁷ [54. С. 10].

Как неоднократно подчеркивается во многих статьях, посвященных российско-китайским военным учениям, эти учения должны продемонстрировать решимость и способность обеих сторон бороться с террористическими силами и совместно поддерживать региональный мир и безопасность. Однако сейчас, когда ситуация с безопасностью в Азиатско-Тихоокеанском регионе претерпевает глубокие изменения, а российско-американские и китайско-американские отношения находятся в постоянном напряжении, все

³⁵ Renmin Ribao (Жэньминь жибао). 2021. 14 августа. С. 3.

³⁶ Renmin Ribao (Жэньминь жибао). 2019. 29 августа. С. 3.

³⁷ Renmin Ribao (Жэньминь жибао). 2021. 25 октября. С. 10.

стороны анализируют и оценивают значение этих военных учений с разных точек зрения.

Некоторые зарубежные эксперты называют российско-китайские военные учения и совместные патрулирования «провокационными» и видят в них угрозу создания военного блока между Китаем и Россией, в качестве доказательств используются параллели между военными учениями и мировыми событиями, в контексте которых проводились учения. Так, например, учения «Морское взаимодействие-2016», включающее в себя среди прочих миссию по «захвату островов», проходили в контексте претензии КНР на территории в Южно-китайском море [20].

Другие ученые считают, что говорить о союзе пока рано, а «такая комбинация все равно не представляла бы экзистенциальной угрозы для Америки» [21].

Тем не менее, как неоднократно подчеркивается во многих статьях по российско-китайским военным учениям, «учения не нацелены на третьих лиц и не имеют никакого отношения к ситуации в регионе»³⁸, «носят сугубо оборонительный характер и не несут никакой угрозы ни для европейского сообщества, ни для соседних стран»³⁹.

Совместные военные учения «Мирная миссия», «Морское взаимодействие», «Восток-2018», «Центр-2019» и другие свидетельствуют об углублении российско-китайских отношений в области военного сотрудничества и о постоянно растущем взаимном доверии России и Китая. Как указано в статье от 27 января 2022 г. «Китай и Россия будут рука об руку защищать мир» — совместные военные учения «отражают высокий уровень военного сотрудничества двух стран», а Россия и Китай, действуя, по определению репортера Чжэн Фанфан, «спиной к спине», выстраивают прочную основу для обеспечения региональной и мировой стабильности⁴⁰.

Военно-техническое сотрудничество

Сотрудничество России и Китая в военно-технической отрасли имеет давнюю историю. В 1920-е гг. Советский Союз, чтобы поддержать китайскую революцию, отправил в Китай военных специалистов, советское вооружение и военную технику. После основания Нового Китая, в 1950-х годах, Советский Союз не только предоставил полный комплект вооружения и техники Народно-освободительной армии, но и помог Новому Китаю наладить 156 крупных проектов, 44 из которых были военными. В 1960–1980-х гг. из-за разрыва советско-китайских отношений

³⁸ Renmin Ribao (Жэньминь жибао). 2021. 28 октября. С. 8.

³⁹ Renmin Ribao (Жэньминь жибао). 2018. 12 сентября. С. 13.

⁴⁰ Renmin Ribao (Жэньминь жибао). 2022. 27 января. С. 3; 2021. 25 октября. С. 13.

военно-техническое сотрудничество между двумя сторонами пришло в упадок.

После окончания холодной войны и распада СССР началось широкомасштабное военно-техническое сотрудничество между Россией и Китаем. С целью преодоления отсталости вооружения китайской стороной было принято решение о массовом внедрении российской военной техники нового поколения [4. С. 20]. Следует также отметить, что США и некоторыми западными странами на тот момент было введено эмбарго на продажу вооружения Китаю, что делало Россию практически единственным источником приобретения передового вооружения и техники для КНР. В то же время российская оборонная промышленность испытывала огромные сложности после распада СССР, а сотрудничество с Китаем помогло этой отрасли не только «выжить», но и «сохранить конкурентоспособность» [22].

В 1992 г. Россия впервые продала Китаю истребители Су-27, далее к списку проданного вооружения добавились танки Т-72, БТР, реактивные системы залпового огня, зенитные ракеты С-300, современные эсминцы, подводные лодки, истребители Су-30 и так далее. Стороны создали смешанную межправительственную комиссию по военно-техническому сотрудничеству. Это значительно ускорило процесс военной модернизации Китая, предоставило возможности для развития российских военных предприятий, а также сыграло значительную роль в стимулировании политических отношений между двумя странами.

Китай на протяжении многих лет остается одним из главных импортеров российского оружия. В 2000-е гг. масштабы российско-китайских сделок с оружием и техникой сократились, причиной стало насыщение китайского рынка и опасения России относительно копирования и конкуренции в третьих странах. Однако после украинского кризиса 2014 года и «поворота России на восток» импорт российского оружия вновь стал набирать обороты, кроме того, было принято решение постепенно переходить от стадии торговли оружием к стадии совместных исследований и разработок.

В период с 2013 по конец 2022 г. Китай и Россия добились значительного прогресса в развитии военного сотрудничества. Это выражается в сохранении динамики обмена между военными ведомствами двух стран, увеличении количества и разнообразия совместных учений. В то же время стоит отметить, что общедоступной информации о военно-техническом сотрудничестве становится все меньше, и на страницах официальной газеты КПК не обнаружено конкретных цифр и информации по экспорту российского вооружения и военно-техническому сотрудничеству, а лишь дается общая информация и несколько комментариев высокопоставленных лиц. Так, 30 августа 2014 г. в рубрике «Очерки послов» газеты «Жэньминь жибао» была опубликована статья посла Китая в России (2009–2019 гг.) Ли Хуэя, в которой отмечается, что президент России В. Путин и председатель КНР Си Цзиньпин при

личной встрече обсудили подписание 30-летнего контракта купли-продажи природного газа на сумму 400 миллиардов долларов США, а также выразили надежду на развитие военно-технического сотрудничества между Россией и Китаем⁴¹.

По сравнению с информацией о закупке российского вооружения Китаем, сообщений о других совместных проектах в рамках ВТС на страницах Жэньминь жибао достаточно много. Среди крупных проектов стратегического сотрудничества двух стран, освещенных на страницах газеты, разработка тяжелых вертолетов в рамках соглашения китайской государственной компании AVIC Helicopter Co. и российского холдинга «Вертолеты России»⁴², разработки российско-китайской «космической программы», к которым относятся строительство совместной научно-исследовательской базы на Луне⁴³, создание спутниковой навигационной системы, дистанционного зондирования Земли, производство российских ракетных двигателей на территории КНР. В статье от 17 апреля 2018 г. подчеркивается, что возможности России и Китая успешно дополняют друг друга, так, Россия всегда была «лидером в области ракетных двигателей и пилотируемых космических полетов», а Китай «имеет преимущества в микроэлектронике и разработке спутников»⁴⁴.

С момента распада СССР и нормализации отношений между Россией и Китаем, Китай был и продолжает оставаться ключевым партнером России в сфере военно-технического сотрудничества. Украинский кризис 2014 года, санкции в отношении российских производителей и ухудшение отношений со странами ЕС привели не только к увеличению поставок российского вооружения в Китай, но и к разработке крупных совместных проектов. Статьи Жэньминь жибао о ВТС России и Китая в полной мере отражают беспрецедентно высокий уровень взаимного доверия между двумя странами.

Заключение

Анализ статей «Жэньминь жибао», посвященных сотрудничеству России и Китая в военной области, позволяет выделить следующие особенности взаимодействия.

- Разветвленные механизмы контактов на высшем и высоком уровнях по вопросам военного сотрудничества двух стран расширяются и обогащаются новым содержанием.
- Военно-техническое сотрудничество перешло из отношений «купи-продажи» в отношения «партнерства».

⁴¹ Renmin Ribao (Жэньминь жибао). 2014. 30 августа. С. 5.

⁴² Renmin Ribao (Жэньминь жибао). 2016. 9 марта. С. 5.

⁴³ Renmin Ribao (Жэньминь жибао). 2021. 28 апреля. С. 3.

⁴⁴ Renmin Ribao (Жэньминь жибао). 2018. 17 апреля. С. 22.

- Китай и Россия провели целый спектр военных учений на суше, на море и в воздухе, а также совместные парады. Цель учений не только в том, чтобы обмениваться боевым опытом и укреплять безопасность в азиатско-тихоокеанском регионе, но и в том, чтобы повысить доверие между армиями двух стран, и «заявить миру, что совместную силу Китая и России нельзя игнорировать» [23. С. 1–5].
- Российско-китайское военное сотрудничество оказывает важное влияние на стратегическую обстановку в области региональной безопасности.
- Руководство России и Китая выступает за многополярность мира, открыто обвиняют США в провокациях и ведении политики «холодной войны». Укрепление сотрудничества России и Китая в военной сфере создает единый фронт сдерживания США.
- Российско-китайское военное сотрудничество оказывает значительное влияние на модернизацию двух армий. Учитывая, что Запад по-прежнему настаивает на эмбарго военных технологий в отношении Китая, и вводит все новые санкции в отношении России, совместные исследования и разработки становятся ключевым моментом военного сотрудничества двух стран.

Российско-китайские отношения в области военного сотрудничества — это редкий случай тесного военного сотрудничества между странами в истории мировых двусторонних отношений. Взаимное расширение прозрачности в вопросах военной стратегии, обеспечение стратегического военного взаимодействия, создание механизмов взаимодействия в военной области, обучение и содействие двух армий создает беспрецедентную платформу для обеспечения региональной и мировой безопасности, а совместные исследования и разработки ведут к ускорению технологического развития обеих сторон. Российско-китайское военное сотрудничество всесторонне поддерживается высшим руководством двух стран и оказывает важное влияние на российско-китайские отношения в целом.

Библиографический список

1. «Zhongguo de guofang» Baipishu (Белая книга «Национальная оборона Китая») // Zhonghua renmin gongheguo guowuyuan xinwen bangongshi (1998 nian 7 yue 24 ri) (Информационное бюро Госсовета КНР (24 июля 1998 г.).
2. «Xinshidai de Zhongguo guofang» Baipishu (Белая книга «Национальная оборона Китая в новую эпоху») // Zhonghua renmin gongheguo guowuyuan xinwen bangongshi (2019 nian 7 yue 24 ri) (Информационное бюро Госсовета КНР (24 июля 2019 г.) / Официальный сайт правительства КНР. URL: <http://www.mod.gov.cn/gfbw/fgwx/bps/4846424.html>. (дата обращения: 12.03.2023).
3. Wang Haiyun (Ван Хайюнь) Junshi guanxi yingzhao Zhong E jianjiao 70 nian (Военное сотрудничество отражает семидесятилетнюю историю российско-китайских отношений) // Huanqiu shibao. 2019. № 14. 3 июня

4. *Li Chenghong (Ли Чэнхун) Zhong E junshi jishu hezuo: huigu yu zhanwang* (Китайско-российское военно-техническое сотрудничество: обзор и перспективы) // *Eluosi yanjiu*. 2004. № 4. С. 19–25.
5. *Li Chenghong (Ли Чэнхун) Zhong E junshi jishu hezuo: xianzhuang, wenti yu duice* (Китайско-российское военно-техническое сотрудничество: текущее состояние, проблемы и меры противодействия) // *Eluosi yanjiu*. 2009. № 1. С. 87–116.
6. *Chang Latang (Чан Латан) Gaige kaifang 40 nian Zhong E junshi hezuo lishi huigu yu sikao* (Обзор и размышления об истории китайско-российского военного сотрудничества за 40 лет реформ и открытости) // *Junshi lishi*. 2019. № 1. С. 24–29.
7. *Zhang Xingxing (Чжан Синсин) Fei tongmeng kuangjiaxia de Zhong E junshi hezuo* (Китайско-российское военное сотрудничество в рамках неприсоединения) // *Dangdai Zhongguoshi yanjiu*. 2012. № 5. С. 85–88.
8. *Zhang Qianren (Чжан Цяньжэнь) Lun Sulian jietihou Zhong E junshi hezuo de neirong, yiyi ji dui weilai fazhan de gouxiang* (О содержании, значении и видении будущего развития китайско-российского военного сотрудничества после распада Советского Союза) // *Sheke zongheng*. 2012. № 1. С. 129–134.
9. *Lin Shenli, Dai Fen (Лин Шэнли, Дай Фэнь) Zhong E junshi guanxi: wenti yu qianjing* (Китайско-российские военные отношения: проблемы и перспективы) // *Xiboliya yanjiu*. 2009. Т. 36, № 5. С. 40–43.
10. *Макиенко К.В.* Военно-техническое сотрудничество России и КНР в 1992–2002 годах: достижения, тенденция, перспективы // М. : Гендальф, 2002. — 69 с.
11. *Евтодьева М.Г.* Новый этап военно-технического сотрудничества России и Китая // *Проблемы Дальнего Востока*. 2018. № 4. С. 68–78.
12. *Лузянин С.Г., Каушин В.Б.* Новые измерения стратегического и военно-политического партнерства России и Китая (региональные аспекты) // *Китай в мировой и региональной политике. История и современность*. 2018. № 23. С. 21–28.
13. *Baviera Aileen S.P.* Bilateral Confidence Building with China in Relation to the South China Seas Dispute: A Philippine Perspective // *International Security Research and Outreach Programme, International Security Bureau*. 2001. № 1. P. 15–39.
14. *Kuchins A.* Russia and the CIS in 2013: Russia's Pivot to Asia // *Asian Survey*. 2014. V. 8, no. 4— № 1. P. 129–137.
15. *Bolt Paul J.* Sino-Russian Relations in a Changing World Order // *Strategic Studies Quarterly*, vol. 8, no. 4, 2014, pp. 47–69. JSTOR: сайт. URL: <http://www.jstor.org/stable/26270816>. Accessed 13 Mar. 2023.
16. *Lubina Michał.* Russia and China: A Political Marriage of Convenience—Stable and Successful. 1st ed., Verlag Barbara Budrich, 2017 // JSTOR : сайт. URL: <https://doi.org/10.2307/j.ctvdf0314> (дата обращения: 12.03.2023)
17. *Weitz Richard.* Parsing Chinese-Russian Military Exercises. Strategic Studies Institute, US Army War College, 2015 // JSTOR : сайт. URL: <http://www.jstor.org/stable/resrep11289> (дата обращения: 12.03.2023)
18. *Королёв А.Н.* Насколько близки Россия и Китай? Военно-стратегическое сотрудничество в международных отношениях // *Россия и АТР*. 2019. Т. 105, № 3. С. 138–160.
19. *Wang Haiyun (Ван Хайюнь) Zhong E junshi guanxi qishi nian: huigu yu sikao* (Семьдесят лет китайско-российских военных отношений: обзор и размышления) // *Eluosi dong'ou zhongyua yanjiu*. 2019. Т. 9, № 4. С. 37–48.
20. *Panda A.* Chinese, Russian Navies to Hold 8 Days of Naval Exercises in the South China Sea // *The Diplomat* : сайт. — URL: <https://thediplomat.com/2016/09/chinese-russian-navies-to-hold-8-days-of-naval-exercises-in-the-south-china-sea/> (дата обращения: 24.03.2023).
21. *Bandow D.* US Arrogance Encourages Sino-Russian Military Alliance // *CATO Institute* : сайт. — URL: <https://www.cato.org/commentary/us-arrogance-encourages-sino-russian-military-alliance> (дата обращения: 24.03.2023).

22. *Габуев А., Кашин В.* Вооруженная дружба: как Россия и Китай торгуют оружием // Московский Центр «Карнеги». 2017. ноябрь. URL: https://carnegieendowment.org/files/CP_Gabuev_Kashin_web.pdf (дата обращения: 24.03.2023).
23. *Guo Wuping (Го Вупин)* Zhong E jinqi junshi hudong guan cha (Наблюдение за недавним военным взаимодействием Китая и России) // *Dalu yu liang'an qingshi jianbao*. 2019. № 10. С. 1–5.

Информация об авторах:

Арчугова Анна Сергеевна — соискатель кафедры истории России, старший преподаватель кафедры иностранных языков факультета гуманитарных и социальных наук, Российский университет дружбы народов, г. Москва, e-mail: archugova-as@rudn.ru. ORCID: 0000-0001-7034-3912

Пономаренко Людмила Васильевна — доктор исторических наук, профессор кафедры иностранных языков факультета гуманитарных и социальных наук, Российский университет дружбы народов, г. Москва, e-mail: ponomarenko-lv@rudn.ru. ORCID: 0000-0002-9994-3097

DOI: 10.22363/2312-8127-2023-15-4-463-477
EDN: JMQTDD

Научная статья / Research article

Франция — государства Африки: о некоторых аспектах децентрализованного сотрудничества

К.И. Пахорук

Санкт-Петербургский государственный университет,
199034, Санкт-Петербург, Россия, Университетская наб., д. 7–9

 k.pakhorukov@mail.ru

Аннотация. Рассматривается новое явление в истории взаимоотношений между Францией и ее бывшими колониями — осуществление в последние годы программ децентрализованного сотрудничества с государствами Африки, в частности, взаимодействие французских регионов, как административно-территориальных единиц, с африканскими партнерами. Дается краткий обзор истории Французской колониальной империи, позволяющий выделить несколько этапов в ее управлении и функционировании. Изучен процесс принятия решений в реализации внешнеполитических приоритетов с целью поддержания влияния Франции на африканском континенте. В фокусе исследования — изучение программ сотрудничества в различных сферах, инициированных по линии МИД Франции, государственных агентств, региональных советов, международных ассоциаций территориальных образований, а также были рассмотрены конкретные примеры сотрудничества, в частности, подписание соглашений напрямую между французскими регионами и центральными властями африканских государств. Автор приходит к выводу, что опыт децентрализации внешнеполитической деятельности Франции может быть отчасти использован в отечественной внешнеполитической практике.

Ключевые слова: Французская колониальная империя, децентрализация, регион, помощь развитию, МИД Франции

История статьи: Поступила в редакцию: 24.07.2023. Принята к публикации: 31.09.2023.

Для цитирования: Пахорук К.И. Франция — государства Африки: о некоторых аспектах децентрализованного сотрудничества // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2023. Т. 15. № 4. С. 463–477. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-15-4-463-477>

© Пахорук К.И., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

France — African States: some aspects of decentralized cooperation

Konstantin I. Pakhorukov

St Petersburg University,
7-9 Universitetskaya Embankment, St Petersburg, Russia, 199034

 k.pakhorukov@mail.ru

Abstract. This study examines a new phenomenon in the history of relations between France and its former colonies — the implementation in recent years of decentralized cooperation programs with African states, in particular, the interaction of French regions, as administrative-territorial units, with African partners. The study provides a brief overview of the history of the French colonial empire, which allowed the author to distinguish several stages in its management and functioning. The research method was the study of cooperation programs in various spheres initiated by the French Ministry of Foreign Affairs, state agencies, regional councils, as well as international associations of territorial entities, along with specific examples of cooperation, particularly the signing of agreements directly between the French regions and the central authorities of African nations. As a result of this study, the author concludes that experience of decentralization of France’s foreign policy activities can be partially used in the Russian Federation foreign policy practice.

Keywords: French colonial empire, decentralization, region, development aid, Ministry for Europe and Foreign Affairs of France

Article history: Received: 24.07.2023. Accepted: 31.09.2023.

For citation: Pakhorukov KI. France — African States: some aspects of decentralized cooperation. *RUDN Journal of World History*. 2023;15(4):463–477. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-15-4-463-477>

Введение

На протяжении многих столетий африканское направление традиционно для французской политики, которая прошла долгий путь от Французской колониальной империи до сегодняшнего восприятия Африки в качестве союзника в создании нового баланса сил завтрашнего дня. В частности, интерес представляет как история данного вопроса, так и анализ реализуемых франко-африканских инициатив сотрудничества в условиях децентрализации. Следует подчеркнуть, что эти аспекты сотрудничества не являются предметом широкого обсуждения ввиду многочисленности акторов и многообразия их деятельности. Исходя из этого, в статье анализируются отдельные примеры, наглядно показывающие, каким образом происходит данное взаимодействие. Кроме того, представленные французскими властями сведения по различным программам не всегда оперативно актуализируются, поэтому используются наиболее релевантные данные ко времени подготовки настоящей публикации.

Административное управление французскими колониями

Первоначально концепция колонизации была предложена первым министром короля Людовика XIII герцогом де Ришелье (1585–1642) и первым министром Людовика XIV Жан-Батистом Кольбером (1619–1683) для обоснования территориальной экспансии Франции, осуществленной в результате великих географических открытий и соперничества с Великобританией в XVI–XVII вв. Если Ришелье отстаивал необходимость существования колоний для развития Франции как морской державы, то Ж.-Б.Кольбер отмечал чисто коммерческую выгоду существования колоний с целью обогащения Франции [1. Р. 76–77]. Однако с конца XVI в. и до Великой Французской революции 1789 г. всесторонняя концепция управления колониями так и не была разработана.

Тем не менее, первые попытки создания центрального органа управления колониями относятся к 1669 г., когда управление колониями было передано Морскому министерству. В 1710 г. в его составе был создан Отдел (*Bureau*) по делам колоний, что позволило постепенно сформировать штат сотрудников с целью применения в колониях опыта Морского министерства Франции и свойственных ему административных традиций. В самих колониях местное управление было возложено непосредственно на представителей короля, либо на представителей государственных торговых компаний (*compagnie à charte*), пользовавшихся монополиями или привилегиями, предоставляемыми королем [2. Р. 33–47]. Таким образом, руководство колонией осуществляла торговая компания, а королевская власть, назначая руководителя компании, оставляла за собой функции контроля.

Состав французских колоний менялся в зависимости от воли правителей, начиная с Великой Французской революции и до провозглашения Третьей республики. Так, при Наполеоне I Франция отказалась от Луизианы в Северной Америке, а для завоевания Алжира при Луи-Филиппе I понадобилось 17 лет — с 1830 г. по 1847 г. Следующей попыткой обретения новых территорий стала закончившаяся неудачей Мексиканская экспедиция Наполеона III в 1861–1867 гг.

Первые десятилетия Третьей республики (1870–1940) ознаменовали новый решающий этап колониальной экспансии, получивший политическую поддержку республиканской, монархической и консервативной фракций французского парламента.

В эти годы наиболее влиятельным теоретиком французского колониализма был представитель либеральной экономики Поль Леруа-Болье (1870–1916), предлагавший установить в колониях такую административную систему, которая позволила бы реализовать «колониальный замысел». По мнению П. Леруа-Болье, колонии представляют интерес лишь в той мере, в какой они могут стать источником социального, экономического, политического и стратегического возрождения Франции после поражения во Франко-прусской

войне 1870 г. [3. С. 120]. В свою очередь, политики Третьей республики часто подчеркивали «колониальную выгоду», в частности Председатель Совета министров Франции Жюль Ферри [4. С. 201]. В целом в годы Третьей республики была создана общая структура руководства, определяющая принципы работы колониальных администраций по образцу Франции. Решения законодательно оформлялись и принимались центральной властью в Париже, получившей название метрополии¹, а их реализация возлагалась на местную колониальную администрацию. Однако, начиная с середины XIX в., метрополия с присущей ей централизацией все больше подменяла местные власти в колониях. Сама колониальная администрация строилась на основе максимально упрощенной централизованной вертикальной системы управления. При этом основной задачей колониальных властей было не только управление, но и легитимизация господства Франции над колонизируемыми обществами.

К началу Первой мировой войны Франция была крупнейшей империей. Участие колониальных войск в Первой мировой войне ознаменовало поворотный момент в отношениях между Францией и ее африканскими колониями [5. Р. 130–131].

Лишь в середине XX в. отмечаются первые признаки изменения централизованного управления колониями, все еще входившими в состав Французской империи, в частности, Тропической Африки. В соответствии с законом, принятым в 1956 г. по инициативе Гастона Деферра², права территориальных ассамблей колоний были расширены, отныне вопросы местного значения относились исключительно к их компетенции.

Вскоре распад Французской колониальной империи привел к образованию новых государств. Несмотря на потерю колоний в начале 1960-х гг., позиции Франции в Тропической Африке оставались в определенной степени прочными благодаря умелой передаче власти новым независимым странам. Как и в прошлом, Франция играла важную роль в этом регионе, обеспечивая валютное сотрудничество в зоне франка, пребывание специалистов и советников из бывшей метрополии и сохраняя постоянное военное присутствие Франции.

Децентрализация и изменение статуса французских регионов

В 1980-е гг. парламент Франции одобрил так называемые «законы Деферра» о децентрализации страны, которые предоставили большие полномочия французским регионам. В частности, в законе от 2 марта 1982 г. были закреплены права регионов Франции как субъектов местного самоуправления

¹ Термин «метрополия» используется и сегодня, когда речь идет об отношениях между Францией и ее заморскими территориями. — Прим. авт.

² Деферр, Гастон (Deferre), Гастон (1910–1986) — французский политик. Депутат парламента. Министр Четвертой и Пятой республик.

с правом проведения выборов прямым всеобщим голосованием. Кроме того, регионам была предоставлена возможность реализовывать проекты за пределами страны благодаря децентрализации структур управления внешними связями. В эти годы во Франции насчитывалось 27 регионов, включая 5 регионов заморских территорий.

С тех пор в статусе французских регионов произошли серьезные перемены, означавшие изменение административных, географических, экономических и других параметров с целью повышения их конкурентоспособности по сравнению с регионами других европейских государств, а также с целью расширения их участия во внешней деятельности. Так, после реформы 2015 г. численность регионов сократилась с 22 до 13 регионов на территории континентальной Франции. Кроме того, в регионах были учреждены ставки дипломатических советников префектов, а во французских зарубежных дипломатических представительствах повсеместно были введены должности дипломатов, курирующих вопросы децентрализованного сотрудничества. Также активизировалось содействие международной деятельности французских регионов со стороны МИД Франции и различных государственных агентств. Безусловно, реформа отразилась и на одном из традиционно ключевых направлений французской внешней политики — африканском. Неслучайно к тройке стран, с которыми у Франции наиболее развито децентрализованное сотрудничество, относятся Сенегал, Буркина-Фасо и лишь затем идет Германия [6].

О роли французского внешнеполитического ведомства

В настоящее время вопросами сотрудничества французских регионов с зарубежными территориями в системе МИД Франции занимается Управление по внешней деятельности территориальных коллективов³, являющихся по сути органами местного самоуправления. Управление подчиняется Генеральному департаменту глобализации, культуры, образования и международного развития. В его структуре африканские государства распределены между тремя заместителями руководителя Управления со следующим разделением: Западная и Центральная Африка, Средиземноморское побережье, Южная и Восточная Африка. При этом каждый из заместителей отвечает за другие области мира, за все направления сотрудничества нескольких французских регионов, а также за продвижение конкретных функциональных проектов. Так, например, куратор Южной и Восточной Африки

³Территориальные коллективы — принятое в дипломатической практике название всех административно-территориальных единиц как во Франции, так и в большинстве стран — бывших французских колоний. Во Франции территориальными коллективами являются коммуны, департаменты, заморские территории, а с 1982 г. — регионы. Здесь и далее будет использован термин «органы местного самоуправления» — Прим. авт.

координирует вопросы взаимодействия в Индийском океане, Карибском бассейне; внешнюю деятельность французских заморских территорий, Нормандии, Бретани; проекты в области молодежной политики, сельского хозяйства, климата, устойчивого развития, инновационного финансирования [7]. Совершенно очевидно, что подобное смещение региональных компетенций приводит к снижению эффективности работы по страновым направлениям [8. С. 12].

Вероятно, подобное смещение региональных компетенций связано с весьма распространенной точкой зрения о том, что дипломаты призваны быть универсальными специалистами, иначе узкая специализация существенно ограничит их поле деятельности и не позволит использовать лучшие практики из разных сфер.

Между тем объем стоящих перед Управлением задач велик. Так, оно призвано способствовать активизации внешних контактов регионов, выделяя субсидии на реализацию программ международного сотрудничества. При этом в Париже исходят из того, что помощь такого рода предоставляется, прежде всего, когда орган местного самоуправления следует в фарватере приоритетов Центра. В частности, в опубликованной в 2017 г. МИД Франции совместно с Национальной комиссией по децентрализованному сотрудничеству «белой книге» «Дипломатия и территория. За увеличение ресурсов внешнеполитических действий» было указано, что следует активнее вовлекать регионы Франции к осуществлению программ содействия африканскому континенту. В частности, речь идет о предупреждении природных рисков, оказании гуманитарной помощи, посткризисном регулировании [9. С. 46].

В 2020 г. в условиях продолжающейся коронавирусной пандемии Управление выступило инициатором обсуждения проектов помощи в сфере здравоохранения африканским государствам. Как следствие, проекты с традиционными партнерами были переориентированы на санитарные цели [10. С. 34].

Что касается французских дипломатических представительств за рубежом, то по состоянию на 2022 г. в большинстве африканских государств вопросы межрегионального взаимодействия находились в ведении советников по сотрудничеству и культурной деятельности или подчиненных им атташе по сотрудничеству. Между тем в некоторых африканских государствах (Замбия, Сейшельские острова, Экваториальная Гвинея, Эритрея, Южный Судан) эти функции были возложены на посла или его заместителя ввиду немногочисленности штата дипломатических миссий [11].

Как показывает практика, упомянутые сотрудники занимаются не только и не столько культурной деятельностью, сколько широким кругом вопросов сотрудничества между органами местного самоуправления африканских государств и их французскими партнерами, в частности, обменами визитами руководителей этих структур.

Рассмотрим, к примеру, основные векторы наиболее развитого, как было указано выше, децентрализованного сотрудничества Франции с Сенегалом, представленного 126 партнерствами разного уровня. Французское посольство в Дакаре выделяет три основных направления по линии сотрудничества и культурной деятельности. Прежде всего, Посольство осуществляет консультирование и техническое сопровождение деятельности представителей французских органов местного самоуправления. Далее в функции Посольства входит руководство совокупностью имеющегося инструментария, применяемого для осуществления децентрализованного сотрудничества по линии центральных властей Франции и Сенегала, а также сбор заявок по точечным проектам с французскими органами местного самоуправления. Кроме того, Посольство осуществляет политическое и институциональное наблюдение за внедрением в Сенегале децентрализации в рамках плана по экономическому и политическому развитию страны до 2035 г., получившего поддержку Франции [12].

Таким образом, Посольство выступает не только координатором взаимодействия между различными ступенями власти Франции и Сенегала, но и неким контролером за внутривластными процессами в этой западноафриканской стране. При этом именно модель децентрализации, осуществляемая на территории Франции, распространяется на другое государство.

Деятельность французских государственных агентств

Особая роль в развитии децентрализованного сотрудничества отведена французским государственным агентствам, имеющим межминистерский характер. Рассмотрим основные сферы деятельности агентств в Африке.

Ключевое место среди агентств отводится группе Французского агентства развития (*Le groupe Agence française de développement, AFD*). Оно реализует стратегию, направленную на реализацию целей устойчивого развития через поддержку деятельности французских регионов на международной арене, в частности, в Африке.

Финансирование проектов осуществляется после рассмотрения заявок Фондом финансирования органов местного самоуправления (*Facilité de financement des collectivités territoriales, FICOL*). Этот финансовый инструмент, созданный Французским агентством развития в 2014 г., предоставляет финансирование для проектов развития, определенных и реализуемых французскими местными властями в рамках их международного партнерства. Так, по линии данного Фонда финансировался проект «Регионы 2021», инициатором которого выступил французский регион Окситания совместно с ассоциацией «Регионы Франции». Этот проект был направлен на повышение уровня квалификации членов марокканских региональных советов и их административного аппарата. Другой французский регион Гранд-Эст получил

по линии Фонда финансирование для реализации совместно с малагасийскими властями проекта по утилизации твердых отходов, а также на развитие сотрудничества между университетами [13. Р. 63, 120].

В состав группы Французского агентства развития также входит агентство «Франция-Экспертиза» (*France Expertise*), призванное, среди прочих задач, непосредственно способствовать децентрализации как фактору развития территорий. Анализ публикаций данного агентства позволяет сделать выводы о том, что передача полномочий региональным и местным властям способствует взаимодействию гражданского общества и государственной власти [9. С. 157]. Свою работу агентство осуществляет в рамках национальных и общеевропейских проектов.

Так, агентство «Франция-Экспертиза» проводило консультации с властями Мали по вопросу административного управления территорий, что было одним из условий мирных соглашений 2015 г., касающихся ситуации в этой стране [14].

В 2021–2022 гг. агентство сыграло большую роль в Камеруне при создании региональных советов и обеспечении функционирования местных органов власти в целом. Кроме того, оно финансирует в Джибути 2020–2024 гг. Проект поддержки децентрализации и местных инициатив (*Appui à la décentralisation et aux initiatives locales, ADIL*), целью которого является искоренение бедности, обеспечение равноправия мужчин и женщин и борьба с климатическими изменениями. Одновременно выделены средства на проект поддержки городского управления города Джибути (*Projet d'appui à la gouvernance de la ville de Djibouti, PROGOUV*).

В Тунисе Франция также поддерживает децентрализацию и открытость местных властей для создания атмосферы сотрудничества и взаимного доверия. С этой целью в 2017 г. был запущен проект по поддержке «открытых франкофонных правительств». Вслед за этим в 2016–2019 гг. был осуществлен отдельный проект по децентрализации в стране. В 2022–2025 гг. реализуется инициатива по развитию муниципального уровня власти в этой североафриканской стране [15].

Агентство «Франция-Экспертиза» запустило в 2012 г. проект Африка для Климата (*Africa4Climate*), который был направлен на наращивание потенциала четырех африканских стран — Бенина, Габона, Кении и Уганды — в области разработки и реализации государственной политики по смягчению последствий изменения климата и адаптации к ним. По линии данного проекта в 2012–2017 гг. было оказано содействие этим странам в борьбе с климатическими изменениями как на национальном, так и на региональном уровнях. Так, в рамках децентрализованного сотрудничества осуществлялась целенаправленная поддержка местных органов власти в осуществлении энергетического аудита и выработке плана по использованию возобновляемых источников энергии [16].

Весомую роль среди агентств также играет агентство «Бизнес-Франция» (*Business France*), способствующее продвижению французских предприятий за рубеж. Так, например, в регионе О-де-Франс существует отдельная программа, носящая название «Направление-Африка» (*Destination Afrique*). На ее основе агентство занимается сопровождением французских компаний в их выходе и закреплении на африканских рынках, при этом региональные власти также частично покрывают расходы компаний [17].

Стоит отметить, что за рубежом деятельность вышеперечисленных агентств координируется французскими дипломатическими миссиями. Если за границей отсутствуют представительства агентств, то их функции выполняют непосредственно сотрудники посольств.

Региональные советы

Благодаря осуществленной во Франции политике централизации регионы заключают двусторонние соглашения с органами местного самоуправления африканских государств, в рамках которых осуществляется сотрудничество преимущественно по следующим направлениям: устойчивое развитие, здравоохранение, социальная защита и образование, продовольствие, борьба с бедностью, гендерное равенство, сохранение культурного наследия и биоразнообразия. Среди основных партнеров французских регионов отмечаются не только региональные органы африканских территорий, ранее связанных с Францией. Так, партнером Бургундии-Франш-Комте является Западно-капская провинция (ЮАР), а регион Центр-Долина Луары реализует три проекта по реновации сельских школ, обеспечению населения водой и продвижению культуры толерантности в регионах Эфиопии [18].

Больше всего проектов на африканском континенте среди регионов осуществляют французский регион Гранд-Эст (127 проектов), регион Окситания (81 проект) и регион О-де-Франс (76 проектов). Отсутствие в тройке лидеров столичного региона Иль-де-Франс объясняется реализацией большей части проектов по линии мэрии города Парижа (104 проекта). Однако количество реализуемых инициатив вовсе не свидетельствует о реальном масштабе сотрудничества.

Следует отметить, что в десятку африканских стран с наибольшим количеством проектов в сфере децентрализованного сотрудничества входят Сенегал, Буркина-Фасо, Мали, Марокко, Мадагаскар, Бенин, Того, Тунис, Камерун, Алжир (от 495 до 113 реализуемых инициатив) [6]. При этом Сенегал, Буркина-Фасо, Мали и Марокко по числу проектов (349) имеют большой отрыв от следующего за североафриканскими государствами Мадагаскара (282). Тем не менее, резко обострившиеся в последнее время антифранцузские настроения в Буркина-Фасо и Мали ставят под сомнение реализацию инициатив французских регионов.

Наиболее характерной чертой децентрализации является предоставленная французским регионам возможность заключать соглашения напрямую с центральной властью иностранного государства. Свод законов органов местного самоуправления (*Code général des collectivités territoriales*) предусматривает это в статье L1115-5 [19]. Прежде всего, если подписываемое соглашение позволяет претворить в жизнь международный договор, ранее одобренный государством. Кроме того, если соглашение имеет целью осуществление программы регионального сотрудничества под эгидой международной организации, в деятельность которой в той или иной форме вовлечена Франция. Регион также имеет право подписать соглашение с центральной властью иностранного государства в случае, если подобное соглашение учреждает структуру трансграничного, регионального или международного сотрудничества, присоединение к которой предварительно одобрено представителем государства.

Так, в феврале 2021 г. президент регионального совета Прованс-Альпы-Лазурный берег подписал меморандум о намерениях в вопросах сотрудничества с властями Джибути в сфере охраны окружающей среды и борьбы с изменениями климата. В октябре 2022 г. в ходе визита в Джибути президент регионального совета одобрил ряд рамочных договоров по данной проблематике между региональными структурами и властями этой африканской страны, что стало свидетельством реализации Парижского соглашения по климату [20; 21].

Стоит подчеркнуть, что органы местного самоуправления все чаще привлекаются для содействия зарубежным партнерам в осуществлении целей устойчивого развития на период до 2030 г. Французское государство проводит курс на увеличение объема выделяемых средств на поддержку программ в этой области по линии децентрализованного сотрудничества во Франции и на поддержку проектов международных организаций [22. С. 8].

В соответствии с официальным распределением финансирования в 2021 г. по линии французских органов самоуправления более половины (54 %) средств выделяется на Африку. Это составляет примерно 29,3 млн евро, из которых 19,3 млн предназначается государствам, расположенным южнее Сахары. На зону Восточной Африки и зону Индийского океана приходится около 5,8 млн евро, на Северную Африку – 3 млн евро. На региональные проекты выделено 1,2 млн евро. Для сравнения на идущий следом регион Ближнего Востока — лишь 9 % [22. Р. 40–41]. По данным доклада за 2021 г. о выделении средств французских органов самоуправления на помощь развитию (исключая помощь беженцам), лидерами среди регионов были регион Овернь-Рона-Альпы — 3,7 млн евро, вслед за ним регион Новая Аквитания — 2,7 млн евро, а затем регион Иль-де-Франс — 2 млн евро [22. С. 32]. Следует отметить, что финансовое участие отдельного региона является необходимым условием для получения финансирования

проектов по линии Управления по внешней деятельности территориальных коллективов МИД Франции.

Рассмотренные примеры подтверждают усиление роли французских органов местного самоуправления на африканском направлении. Однако они, безусловно, действуют строго в рамках, отведенных им центральной властью.

Международные ассоциации

Французские регионы вовлечены в различные международные программы с целью оказания содействия африканским государствам по линии ООН или Евросоюза, при этом большая роль отводится международным ассоциациям.

Ежегодно начиная с 2009 г. ассоциация «Объединенные города Франции» при поддержке французских региональных властей организует в Париже Форум органов местного самоуправления. До 2015 г. он был сконцентрирован вокруг франкоговорящей Африки и государств африканского средиземноморского побережья. Впоследствии его география расширилась, однако в программе мероприятий всегда значится региональная встреча представителей органов местного самоуправления африканских государств [9. С. 140].

На площадке международной ассоциации «Объединенные города и местные власти» ассоциация «Регионы Франции» продвигает повестку с упором на продовольственную политику определенного региона, привлекая к участию в мероприятиях по данной теме мэров и руководителей французских и африканских регионов. В 2016 г. ассоциацией было инициировано создание международного сообщества представителей различных регионов мира по теме «Территориальное управление, безопасность и продовольственный переход» [23], что получило воплощение в пилотном проекте «10 регионов, 1000 инициатив по ответственному и устойчивому продовольствию». В рамках этого проекта, в частности, стали разрабатываться продовольственные «дорожные карты» для стран Африки [24].

Тесное взаимодействие с африканскими партнерами осуществляется также на площадке Международной ассоциации франкоговорящих регионов (*Association internationale des Régions Francophones, AIRF*). Целью данной международной ассоциации является продвижение «франкофонии» как в образовательной и культурной сферах, так и через развитие экономических связей между схожими по различным параметрам территориями.

Международная ассоциация франкоговорящих регионов (МАФР) была создана в 2002 г. по инициативе властей региона Рона-Альпы со штаб-квартирой в Лионе. В состав ассоциации также вошли представители Марокко и Мали. В настоящее время в состав МАФР входят почти все французские регионы за исключением регионов О-де-Франс и Окситании.

Африка представлена структурами региональной и местной власти 18 стран. В настоящее время представители именно африканских регионов Марокко и Нигера осуществляют функции генерального секретаря и казначея ассоциации, а председательство обеспечивается регионом Рона-Альпы. К числу приоритетов ассоциации на 2020–2025 гг. отнесено оказание содействия Сахельскому региону. Следует подчеркнуть, что ассоциация работает за счет членских взносов органов местного самоуправления, существенно различающихся в зависимости от степени экономического благосостояния территории [25]. Кроме того, финансовую помощь оказывает непосредственно МИД Франции. Так, французское внешнеполитическое ведомство софинансирует программу ассоциации *COOP'R*, выступающей за межрегиональное сотрудничество за экономическое и социальное развитие франкоговорящих территорий, заботящихся о биоразнообразии. В ее рамках в 2023–2025 гг. предполагается выделение около 165 тыс. евро, что составляет порядка 50 % общей суммы проекта. Программа рассчитана на взаимодействие регионов Франции с территориями Бенина, Камеруна, Кот д'Ивуара, Марокко и Сенегала [26]. Также МИД Франции задействовано в реализации проекта 2023–2024 гг., нацеленного на обмен практиками по трудоустройству молодежи, в который включены 30 франкоговорящих органов местного самоуправления и шести ассоциаций таких структур из девяти африканских стран и Франции, которая представлена тремя региональными советами [27].

Что касается непосредственно мероприятий с участием представителей африканских органов местного самоуправления, то стоит отметить, что 8–10 сентября 2022 г. МАФР стала одним из организаторов Форума регионов Африки в Марокко [28]. Тогда же в сентябре 2022 г. во французском городе Экс-ле-Бен по инициативе ассоциации и Франкофонного делового форума прошла первая конференция горных регионов, собравшая представителей 20 франкоговорящих территорий, в том числе из Камеруна и Марокко. Основной упор на мероприятия был сделан на развитии горного туризма перед лицом климатических изменений [29]. В июне 2023 г. в Камеруне, при поддержке МИД Франции, состоялась Неделя МАФР, на полях которой прошли многочисленные встречи предпринимателей и представителей НКО Франции и стран Африки, состоялось обсуждение планов по расширению межрегионального сотрудничества между членами ассоциации [30].

Есть и другие примеры взаимодействия французских и африканских регионов по линии международных ассоциаций. Так, два французских и два марокканских региона принимают участие в работе Межсредиземноморской комиссии Конференции морских периферийных регионов Европы, являющейся экспертной структурой, продвигающей интересы прибрежных регионов при формировании региональной политики ЕС [31].

Заключение

В настоящей статье представлен краткий обзор становления и функционирования французских органов государственной власти в Африке в рамках истории Французской колониальной империи.

Распад колониальной системы, образование новых африканских государств и децентрализация государственной власти во Франции постепенно привели к новым формам международных связей, когда традиционные межгосударственные отношения между странами дополняются отношениями на уровне регионов и органов местного управления африканских государств. В результате предпринятого анализа истории различных форм отношений французских регионов с органами местного самоуправления различного уровня стран африканского континента сделаны выводы об активизации децентрализованного сотрудничества.

Французское государство использует различные механизмы поддержки расширяющихся контактов между органами местного самоуправления Франции и африканских стран. Особым элементом отношений между Францией и странами Африки становится развитие связей между регионом и африканским государством, о чем свидетельствует рассмотренный пример сотрудничества французского региона Прованс-Альпы-Лазурный Берег и Джибути. В настоящее время французские регионы также находятся в авангарде инициатив в отношении африканского континента на площадках международных ассоциаций регионов. Вовлекая региональные власти в двусторонние проекты сотрудничества, Париж пытается переосмыслить свои методы работы в Африке, продемонстрировать принятие во внимание интересов местного населения, однако, как представляется, на практике за этим зачастую скрывается потребительский подход.

Выстроенная подобным образом разветвленная система децентрализованного сотрудничества, тем не менее, дает свои плоды, являясь одним из способов поддержания французского влияния на африканском континенте.

В контексте поступательного развития взаимосвязей нашей страны с государствами Африки и проведения второго саммита «Россия — Африка» французский опыт работы с органами местного самоуправления на африканском континенте представляет определенный интерес. Изучение аспектов франко-африканского сотрудничества в условиях децентрализации открывает возможные пути взаимодействия российских местных органов власти различных уровней с аналогичными органами местного самоуправления африканских государств, и этот опыт может быть востребован Россией.

Библиографический список / References

1. Harmand J. *Domination et colonisation*. Paris: Flammarion; 1910. 370 p.
2. Lopez O. Les hommes de la Compagnie royale d'Afrique au XVIIIe siècle. Une intégration illusoire. *Cahiers de la Méditerranée*. 2012; (84): 33–47. <https://doi.org/10.4000/cdlm.6364>

3. Daumalin X. *La doctrine coloniale africaine de Paul Leroy-Beaulieu (1870–1916): essai d'analyse thématique. L'esprit économique impérial (1830–1970)*. Groupes de pression & réseaux du patronat colonial en France & dans l'empire. In: Ed. by Bonin H., Hodeir C., Klein J.-Fr., editors. Paris: Société française d'histoire d'outre-mer; 2008, p. 103–120.
4. Manchuelle Fr. Origines républicaines de la politique d'expansion coloniale de Jules Ferry (1838–1865). *Revue française d'histoire d'outre-mer*. 1988;75 (279):185-206.
5. Saletes J.-L. Les tirailleurs sénégalais dans la Grande guerre et la codification d'un racisme ordinaire. *Guerres mondiales et conflits contemporains*. 2011;4(244):129–140. DOI: 10.3917/gmcc.244.0129
6. Atlas français de la coopération décentralisée et des autres actions extérieures, et Bourse partenariats de la coopération décentralisée. Available from: <https://pastel.diplomatie.gouv.fr/cncdext/dyn/public/atlas/rechercheAtlasMonde.html> [Accessed: 20 July 2023]. (In Fr).
7. L'équipe de la Délégation pour l'Action Extérieure des Collectivités Territoriales (DAECT). Available from: https://www.diplomatie.gouv.fr/IMG/pdf/organigramme_daect_cle8587f2.pdf [Accessed: 22 May 2023]. (In Fr).
8. Ledoux V. *Ouvrir nos territoires à la priorité africaine de la France du citoyen au Chef de l'État*. Rapport au Premier-Ministre et Ministère de l'Europe et des Affaires Étrangères. Paris : s.l.; 2019, 78 p.
9. MAEDI. Diplomatie et territoires, pour une action extérieure démultipliée. 21 propositions pour un nouveau partenariat MAEDI/Collectivités territoriales [Livre blanc]. Paris: La Documentation française; 2017, 222 p.
10. Viola A. De quoi la Commission nationale de la coopération décentralisée est-elle le nom? *Pouvoirs locaux*. 2022; (120):34. Available from: <https://www.revuepouvoirslocaux.fr/fr/article/de-quoi-la-commission-nationale-de-la-cooperation-decentralisee-est-elle-le-nom-3832#no6> [Accessed: 21 July 2023]. (In Fr).
11. Liste des correspondants pour la coopération non-gouvernementale dans les postes diplomatiques. Version 2022. Available from: https://www.diplomatie.gouv.fr/IMG/pdf/mise_a_jour_2022_-_correspondants_pour_la_cooperation_non_gouvernementale_cle884d8f.pdf [Accessed: 19 July 2023]. (In Fr).
12. La Coopération décentralisée. Ambassade de France au Sénégal. Available from: <https://sn.ambafrance.org/XXX-3194> [Accessed: 18 July 2023]. (In Fr).
13. Guide opérationnel de la coopération décentralisée. Paris: Commission nationale de la coopération centralisée, 2020. 128 p. Available from: https://www.diplomatie.gouv.fr/IMG/pdf/cncd-guide_operationnel_v4g_interactive_cle87d351.pdf [Accessed: 19 July 2023]. (In Fr).
14. Réforme de l'État, État de droit et démocratie. 31.12.2020. Available from: <https://www.expertisefrance.fr/actualite?id=224425> [Accessed: 21 July 2023]. (In Fr).
15. Expertise France. Nos projets dans le monde. Available from: <https://www.expertisefrance.fr/web/guest/tous-nos-projets> [Accessed: 19 July 2023]. (In Fr).
16. Africa4Climate. (10.03.2017). Available from: <https://www.expertisefrance.fr/fiche-projet?id=228289> [Accessed: 21 July 2023]. (In Fr).
17. Programme Destination Afrique. Hauts-de-France. Available from: <https://www.teamfrance-export.fr/hautsdefrance/solutions/programme-destination-afrique> [Accessed: 20.07.2023]. (In Fr).
18. Pays de la Loire. Panorama des projets. Available from: [https://www.paysdelaloire-cooperation-internationale.org/projet/?pt=projet&b=\(\(11.825780984256674,%2037.93756613994142\),%20\(11.954452335045206,%2038.15729270244142\)\)&z=12&c=\(11.890124264884678,%2038.04742942119142\)&pg=&pol=1&loa=0](https://www.paysdelaloire-cooperation-internationale.org/projet/?pt=projet&b=((11.825780984256674,%2037.93756613994142),%20(11.954452335045206,%2038.15729270244142))&z=12&c=(11.890124264884678,%2038.04742942119142)&pg=&pol=1&loa=0) [Accessed: 20 July 2023]. (In Fr).
19. Code général des collectivités territoriales. Art. L1115-5. Available from: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/section_lc/LEGITEXT000006070633/LEGISCTA000006164470/ [Accessed: 21 July 2023]. (In Fr).

20. Le président du Conseil Régional de la Région Sud, Renaud Muselier, en déplacement à Djibouti. (09.11.2022). Available from: <https://dj.ambafrance.org/Le-president-du-Conseil-Regional-de-la-Region-Sud-Renaud-Muselier-en> [Accessed: 21 July 2023]. (In Fr).
21. Liogier R. La Région Sud signe un accord de coopération avec Djibouti. (16.02.2021). Available from: <https://gomet.net/accord-region-sud-djibouti/> [Accessed: 21 July 2023]. (In Fr).
22. L'aide publique au développement des collectivités territoriales. Rapport annuel 2021. Paris : Ministère de l'Europe et des affaires étrangères. 2021: 56 p. https://www.diplomatie.gouv.fr/IMG/pdf/rapport_apd_2022_sur_montants_2021__cle0c93af-1.pdf [Accessed: 21 July 2023]. (In Fr).
23. Africities 2018: Gouvernance territoriale, sécurité et transition alimentaires. (26.11.2018). Available from: <https://www.old.uclg.org/fr/media/nouvelles/africities-2018-gouvernance-territoriale-securite-et-transition-alimentaires> [Accessed: 21 July 2023]. (In Fr).
24. Un projet pilote «10 régions, 1000 initiatives locales d'alimentation responsable et durable». (10 décembre 2019). Available from: <https://regions-france.org/les-commissions-thematiques/les-strategies-internationales-communautaire-pratiques-gouvernance-territoriale-securite-transition-alimentaire/> [Accessed: 20 July 2023]. (In Fr).
25. AIRF. Nos priorités. Available from: <https://www.regions-francophones.org/5611-comment-adherer/htm> [Accessed: 20.07. 2023]. (In Fr).
26. Deux nouveaux projets de coopération inter-regionale cofinancés par le MEAE en perspective. Available from: <http://www.regions-francophones.org/actualite/14616/5606-deux-nouveaux-projets-de-cooperation-inter-regionale-cofinances-par-le-meae-en-perspective.htm> [Accessed: 18 July 2023]. (In Fr).
27. Projet PPEPEJ «Plateforme francophone de Partage et d'Emergence de Politiques publiques territoriales favorisant l'Employabilité des Jeunes». Available from: <http://www.regions-francophones.org/5650-les-projets.htm> [Accessed: 20 July 2023]. (In Fr).
28. Première rencontre du Forum des Régions d'Afrique. Available from: <http://www.regions-francophones.org/actualite/8028/5606-1ere-rencontre-du-forum-des-regions-d-afrique.htm> [Accessed: 20 July 2023]. (In Fr).
29. Retour sur la première conférence des Régions francophones de montagne, à Aix-les-Bains (France). (27.09.2022). Available from: <http://www.regions-francophones.org/actualite/8199/5606-retour-sur-la-premiere-conference-des-regions-francophones-de-montagne-a-aix-les-bains-france.htm> [Accessed: 18 July 2023]. (In Fr).
30. Retour sur la semaine de l'AIRF à Yaoundé. Available from: <http://www.regions-francophones.org/actualite/14592/5606-retour-sur-la-semaine-de-l-airf-a-yaounde-cameroun.htm#:~:text=Les%20membres%20de%20l'AIRF,au%20mercredi%2014%20juin%202023> [Accessed: 20 July 2023]. (In Fr).
31. Membres et carte. CPMR. Intermediterranean Commission. Available from: <https://cpmr-intermed.org/fr/qui-sommes-nous/membres-carte/> [Accessed: 20 July 2023]. (In Fr).

Информация об авторе:

Пахоруков Константин Игоревич — экстерн Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: k.pakhorukov@mail.ru. ORCID: 0009-0003-5304-8104

Information about the author:

Konstantin I. Pakhorukov — Post-graduate, St Petersburg University, St Petersburg, Russia, 199034, e-mail: k.pakhorukov@mail.ru. ORCID: 0009-0003-5304-8104

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ARCHAEOLOGICAL STUDIES

DOI: 10.22363/2312-8127-2023-15-4-478-487

EDN: JLCXZY

Научная статья / Research article

Погребальные комплексы катакомбной культуры: к 20-летию работы Степной археологической экспедиции Государственного исторического музея в Ремонтненском районе Ростовской области

Н.И. Шишлина¹ , Н.В. Панасюк²

¹Государственный Исторический музей,
Москва, Россия, 102012, Красная площадь, 1

²Российский университет дружбы народов,
Москва, Россия, 117198, ул. Миклухо-Маклая, 6

 panasyuk-nv@rudn.ru

Аннотация. Рассматриваются результаты исследования погребальных комплексов двух локальных вариантов катакомбной культуры эпохи средней бронзы Северо-Западного Прикаспия на территории Ремонтненского района Ростовской области. На основе сравнительного анализа авторы аргументируют обоснованность выделения локальных вариантов катакомбной культуры — восточного и западного, которые соседствовали друг с другом и вступали в культурный контакт, что проявляется в использовании сходных орудий, оружия, украшений и посуды, декорированных в едином стиле, но с выделением локальных особенностей технологии производства и орнаментации. По мнению авторов, эти особенности являются критерием определения культурной принадлежности погребений маньчских катакомбных культур.

Ключевые слова: погребальный обряд, археологические находки, типологический метод, восточноманьчская катакомбная культура, западноманьчская катакомбная культура, эпоха бронзы

История статьи: Поступила в редакцию: 20.11.2022. Принята к публикации: 27.04.2023.

Для цитирования: Шишлина Н.И., Панасюк Н.В. Погребальные комплексы катакомбной культуры: к 20-летию работы Степной археологической экспедиции Государственного исторического музея в Ремонтненском районе Ростовской области // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2023. Т. 15. № 4. С. 478–487. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-15-4-478-487>

© Шишлина Н.И., Панасюк Н.В., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Burial complexes of the Catacomb culture: To the 20th anniversary of the work of the Steppe Archaeological Expedition of State Historical Museum in Remontnensky district in Rostov region

N.I. Shishlina¹ , N.V. Panasyuk²

¹State Historical Museum,
1, Red square, Moscow, 102012, Russia

²RUDN University,
6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russia

 panasyuk-nv@rudn.ru

Abstract. The study discusses the results of the excavations and the studies of the burial complexes of two local variants of the catacomb culture of the Middle Bronze Age of the Northwestern Caspian Sea region in the Remontnoye district (Rostov oblast). Being based on a comparative analysis, the author argues the validity of the allocation of local variants of catacomb culture — Eastern and Western that were adjacent to each other and entered into cultural contact. It is manifested in the use of similar tools, weapons, jewelry and dishes decorated in the same style but with the allocation of the local features of production technology figuration. According to the author, these features are the hallmark for determining the cultural identity of the burials of the Manych catacomb cultures.

Keywords: funeral rite, archaeological findings, typological method, East Manych Catacomb Culture, EMCC, West Manych Catacomb Culture, WMCC, the Bronze Age.

Article history: Received: 20.11.2022. Accepted: 27.04.2023.

For citation: Shishlina NI., Panasyuk NV. Burial complexes of the Catacomb culture: To the 20th anniversary of the work of the Steppe Archaeological Expedition of State Historical Museum in Remontnensky district in Rostov region. *RUDN Journal of World History*. 2023;15(4):478–487. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-15-4-478-487>

В 2022 г. прошел двадцатый полевой сезон Степной археологической экспедиции Государственного Исторического музея (далее — Степная АЭ ГИМ), которая проводит охранные раскопки в Ремонтненском районе Ростовской области. До начала работы экспедиции в 2003 г. систематических археологических исследований на территории района не проводилось. Разведочные работы были проведены только в конце 1980-х гг., когда Б.А. Раевым была составлена первая археологическая карта Ремонтненского района. В 1991–1994 гг. Новочеркасская археологическая экспедиция провела дополнительную инвентаризацию, на учет были поставлены 472 курганные группы, включавшие до 5000 насыпей. Начало раскопок было положено в 1989 г., когда были исследованы три кургана эпохи ранней бронзы — позднего средневековья по трассе х. Тихий Лиман — х. Красноармейский; в 1992 г. было исследовано девять курганов могильников Лысянский I–III

у с. Киевка; в 1994 г. половецкий курган Сладкий у х. Раздольный и два кургана могильника Гашун-VIII [1].

С 2003 г. в Ремонтненском районе проводятся систематические научные исследования в рамках Степной археологической экспедиции ГИМ. За время, прошедшее с начала работ Степной АЭ, проведено исследование многочисленных курганных могильников, оставленных носителями культур эпохи энеолита, бронзы, раннего железного века и средневековья. За период с 2003 по 2021 гг. было исследовано около четырех десятков курганов из могильников, расположенных на территории села Ремонтное и Ремонтненского района.¹ Кроме этого, в разные годы отдельными отрядами экспедиции под руководством Е.В. Белькевич, Э.И. Ибрагимовой, Д.С. Ковалева, Н.В. Леоновой, И.С. Омельченко, Н.В. Панасюк проводились разведочные обследования окрестностей

¹ Шишлина Н.И. Отчет о проведении археологических раскопок в Ремонтненском районе Ростовской области в 2003 году // Архив ИА РАН, № 31852, 31853; Шишлина Н.И. Отчет о проведении археологических раскопок в Ремонтненском районе Ростовской области в 2004 году // Архив ИА РАН, № 33331, 33332; Шишлина Н.И. Отчет о проведении археологических раскопок в Ремонтненском районе Ростовской области в 2005 году // Архив ИА РАН, № 28270, 28271; Шишлина Н.И. Отчет о проведении археологических раскопок в Ремонтненском районе Ростовской области в 2006 году // Архив ИА РАН, № 32001, 32002; Шишлина Н.И. Отчет о проведении археологических раскопок в Ремонтненском районе Ростовской области в 2007 году // Архив ИА РАН, № 44203, 44204; Шишлина Н.И. Отчет о проведении археологических раскопок в Ремонтненском районе Ростовской области в 2008 году // Архив ИА РАН, № 44201, 44202; Шишлина Н.И. Отчет о проведении археологических раскопок в Ремонтненском районе Ростовской области в 2009 году // Архив ИА РАН, № 36927, 36928; Белькевич Е.В. Отчет о проведении археологических раскопок в Ремонтненском районе Ростовской области в 2009 году (могильник Улан IV) // Архив ИА РАН, № 38369; Шишлина Н.И. Отчет о проведении археологических раскопок в Ремонтненском районе Ростовской области в 2010 году // Архив ИА РАН, № 33716, 33717; Шишлина Н.И. Отчет о проведении археологических раскопок в Ремонтненском районе Ростовской области в 2011 году // Архив ИА РАН, № 30855, 30856; Шишлина Н.И. Отчет о проведении археологических раскопок в Ремонтненском районе Ростовской области в 2012 году // Архив ИА РАН, № 35936, 35937; Шишлина Н.И. Отчет о проведении археологических раскопок в Ремонтненском районе Ростовской области в 2013 году // Архив ИА РАН, № 41851, 41852; Шишлина Н.И. Отчет о проведении археологических раскопок в Ремонтненском районе Ростовской области в 2014 году // Архив ИА РАН, № 46209, 46210; Шишлина Н.И. Отчет о проведении археологических раскопок в Ремонтненском районе Ростовской области в 2015 году // Архив ИА РАН, № 45641, 45642; Леонова Н.В. Отчет о проведении археологических раскопок в Ремонтненском районе Ростовской области в 2018 году // Архив ИА РАН, № 60721; Шишлина Н.И. Отчет о проведении археологических раскопок в Ремонтненском районе Ростовской области в 2018 году // Архив ИА РАН, № 59706; Леонова Н.В. Отчет о проведении археологических раскопок в Ремонтненском районе Ростовской области в 2019 году // Архив ИА РАН, № 65297; Шишлина Н.И. Отчет о проведении археологических раскопок в Ремонтненском районе Ростовской области в 2019 году // Архив ИА РАН, № 67294; Леонова Н.В. Отчет о проведении археологических раскопок в Ремонтненском районе Ростовской области в 2020 году // Архив ИА РАН.

села Ремонтное.² В результате этих разведок были выявлены ранее неизвестные разрушающиеся археологические памятники (курганы, местонахождения), уточнено состояние уже зарегистрированных объектов. В рамках работы экспедиции были апробированы разнообразные новаторские методы, позволяющие более подробно изучить следы различных эпох, создана представительная радиоуглеродная база данных [2]. Каждый полевой сезон проводится отбор почвенных образцов для геохимического, споро-пыльцевого, фитолитного, биомикробного анализов, сбор образцов древесины, гербария местной флоры для геоботанического описания местности, где расположены археологические объекты. В разные годы в работе экспедиции принимали участие специалисты из зарубежных университетов, отбравшие пробы для радиоуглеродного и масс-спектрометрического анализов в рамках осуществления совместных проектов РФФИ³. Материалы из курганных могильников Ремонтненского района вошли в постоянную экспозицию Исторического музея (зал IV) и были представлены на международной выставке «Бронзовый век: Европа без границ» в 2013 г. (Государственный Эрмитаж, ГИМ), на выставке «Кочевник. Между небом и землей» в 2014 г., посвященной 100-летию отдела археологических памятников ГИМ.

Степная археологическая экспедиция ГИМ не только проводит раскопки и мониторинг разрушающихся в результате антропогенного и природного воздействия курганных могильников и местонахождений, но также

² Панасюк Н.В. Отчет о проведении археологических разведок в Ремонтненском районе Ростовской области в 2005 году // Архив ИА РАН, № 28075; Белькевич Е.В. Отчет о проведении археологических разведок в Ремонтненском районе Ростовской области в 2006 году; Панасюк Н.В. Отчет о проведении археологических разведок в Ремонтненском районе Ростовской области в 2007 году // Архив ИА РАН, № 28074; Белькевич Е.В. Отчет о проведении археологических разведок в Ремонтненском районе Ростовской области в 2008 году // Архив ИА РАН, № 42375; Омельченко И.С. Отчет о проведении археологических разведок в Ремонтненском районе Ростовской области в 2010 году // Архив ИА РАН, № 36414; Ибрагимова Э.И. Отчет о проведении археологических разведок в Ремонтненском районе Ростовской области в 2012 году; Леонова Н.В. Отчет о проведении археологических разведок в Ремонтненском районе Ростовской области в 2016 году // Архив ИА РАН, № 51805; Леонова Н.В. Отчет о проведении археологических разведок в Ремонтненском районе Ростовской области в 2017 году // Архив ИА РАН, № 58169; Леонова Н.В. Отчет о проведении разведок в Ремонтненском районе Ростовской области в 2018 году // Архив ИА РАН, № 60740; Ковалев Д.С. Археологические разведки в Ремонтненском районе Ростовской области в 2019 году // Архив ИА РАН, № 62976; Леонова Н.В. Отчет о проведении разведок в Ремонтненском районе Ростовской области в 2019 году // Архив ИА РАН, № 65120.

³ Р. Хэджес, профессор Оксфордского университета, в рамках проекта РФФИ «Резервуарный эффект и хронология культур эпохи бронзы Прикаспия»; К. Герлинг, аспирантка Свободного университета в Берлине, К. Мелиш, Б. Винкельманн — сотрудники Берлинской археологической экспедиции — в рамках проекта РФФИ «Палеоэкология, система питания и хронология культур Евразийской степи в бронзовом веке».

является кузницей квалифицированных археологических кадров. За прошедшие годы в экспедиции работали многие специалисты разных направлений, студенты и аспиранты московских, воронежских, ростовских и волгоградских вузов⁴. Руководителем и научным консультантом экспедиции является сотрудник отдела археологических памятников ГИМ, доктор исторических наук Н.И. Шишлина. На основе материалов, полученных при работе в Ремонтненском районе, защищены три кандидатские диссертации (Р.А. Мимоход, А.А. Казарницкий, Н.В. Панасюк), эти данные стали основой для серии публикаций по разным направлениям исследования [2–13].

За двадцатилетие археологических работ были раскопаны курганы из могильников Песчаный-I, Песчаный-IV, Песчаный-V, Темрта-I, Темрта-II, Темрта-III, Темрта-IV, Темрта-V, Сухая Термиста-I, Сухая Термиста-II, Улан-IV, Немашкалов-VI, где было найдено более двухсот погребений различных эпох. Большая часть из них (более полутора сотен) относятся к разным этапам эпохи бронзы, три десятка захоронений датируются ранним железным веком, около сорока отнесено к периоду средневековья. Уникальной находкой, сделанной в 2012 г. в кургане 15 могильника Песчаный-V, явилось основное погребение, датируемое периодом энеолита. Кроме того, была проведена шурфовка стоянок и местонахождений эпохи средней бронзы и раннего железного века в балках Большая Элиста, Гашун-Давста, Кереста, Цэкета, Денисова, Немашкалова, Песчаная.

Итак, самая представительная серия погребений относится к эпохе бронзы. Характерной особенностью Ремонтненского района, расположенного на Средних Ергенях, является большое число захоронений раннекатакомбного

⁴ В числе постоянных членов экспедиции: сотрудники отдела археологического почвоведения ИФХиБПП А.В. Борисов, А.В. Бухонов и П.И. Калинин; сотрудники отдела археологических памятников ГИМ Е.И. Гак, Н.В. Леонова, Е.Ю. Новикова, Э.И. Ибрагимова, А.А. Симоненко, А.А. Азаров, К.А. Гусев, сотрудник отдела хранения экспозиции ГИМ А.В. Бобьльских, сотрудник отдела реставрации ГИМ Е.В. Белькевич; сотрудник отдела археологии Донецкого краеведческого музея А.Н. Усачук; соискатели, а затем сотрудники Института археологии РАН Р.А. Мимоход, А.А. Клещенко; сотрудник Липецкого государственного университета М.В. Ивашов; сотрудник Сочинского филиала РУДН И.С. Омельченко; аспирант кафедры археологии МГУ Д.С. Ковалев; аспирант, а затем сотрудник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН А.А. Казарницкий; выпускник гимназии № 1 с. Ремонтное, а затем выпускник Ростовского университета А.И. Мищенко, преподаватель РУДН Н.В. Панасюк. В разные годы в составе экспедиции были: сотрудники биологического факультета МГУ С.Б. Боруцкая и М.А. Новикова; сотрудник Института археологии НАН Украины В.Б. Панковский; аспирантка Свободного университета в Берлине К. Герлинг; сотрудники Берлинской археологической экспедиции К. Мелиш и Б. Винкельманн; студенты Волгоградского государственного университета А. Богданаш и В. Сорокин; сотрудник Воронежского государственного педагогического университета И.Е. Сафонов; студентка географического факультета МГУ М.А. Тарасова; специалист лаборатории естественно-научных методов в гуманитарных науках НИЦ «Курчатовский институт» Е.В. Чернобахтова, аспирантка Нью-Йоркского университета Н. Розе.

хронологического горизонта. За прошедший период Степной экспедицией было изучено четыре десятка таких погребений. Вероятно, в то время данный район был заселен большой группой населения, оставившего значительное число курганных насыпей с могильными сооружениями, характеризующимися сходным погребальным ритуалом [2].

Следующий хронологический горизонт связан с памятниками маньчских катакомбных культур. На сегодня в курганах Ремонтненского района изучено более 60 захоронений развитого катакомбного периода. По особенностям погребального обряда и различиям сопроводительного инвентаря они отнесены как к восточно-, так и к западноманьчской катакомбным культурам. Причем разнокультурные погребения найдены даже в рамках одного могильника (Песчаный-V). Очевидно, что этот регион явился зоной контакта между двумя родственными группами населения.

Могильники и курганы этих культур находятся в непосредственной близости друг от друга, на обоих берегах р. Джурак-Сал, хотя в рамках одной насыпи разнокультурных захоронений не обнаружено. В серию захоронений восточноманьчской катакомбной культуры из наиболее изученного могильника Песчаный-V входят: разрушенные погребения 3–6 из кургана 4, погребения 3, 4, 5 из кургана 5 (раскопки 2007 г.). К западноманьчской катакомбной культуре могут быть отнесены: погребения 4 и 6 из кургана 1 (раскопки 2003 г.), погребения 3, 5, 7 из кургана 15 (раскопки 2012 г.), погребения 1 и 5 из кургана 16 (раскопки 2013 г. под руководством Ибрагимовой Э.Р.), погребения 4, 5, 6 из кургана 18 (раскопки 2014 г.), погребение 3 из кургана 13, погребение 5 из кургана 16 и погребение 4 из кургана 17 могильника Песчаный-IV (раскопки 2015, 2018, 2019 гг.).

Таким образом, памятники в окрестностях с. Ремонтное находятся в контактной зоне маньчских катакомбных культур, обозначая на сегодняшний день ее северную границу. На юге такой границей могут быть названы могильники Расшеватский, Золотаревка-3, 4, 6, 7, Ильинский-I, где также в рамках одной курганной группы присутствуют захоронения, совершенные по обряду и ЗМКК, и ВМКК.

Различия между погребальными традициями ВМКК и ЗМКК были отмечены в целом ряде работ [13; 14]. При общем сходстве конструкции катакомбы для западноманьчских памятников характерно правобочное положение погребенных с преобладанием ориентировок в западный и северный сектора [15. С. 96]. Погребальный набор также позволяет говорить о близости двух культур, однако их керамика имеет различия и в формах, и в способах орнаментации [16; 17].

Общим для всех маньчских погребений, изученных Степной АЭ ГИМ, является абсолютное преобладание впускных могил. Нет ни одного захоронения, с которым было бы связано строительство первоначальной насыпи. Все маньчские комплексы были сооружены в более ранних ямных или

раннекатакомбных курганах. Хотя есть группа из 7 погребений, впущенных в центр кургана, с которыми связаны значительные досыпки. Подобные досыпки были совершены и над пятью погребениями, впущенными в восточный и западный сектора кургана (Улан-IV 3/5; 4/14 и 15; Сухая Термиста-I 1/5 и 6). Закономерно, что у этих погребений в наибольшей степени сохранились могильные конструкции (Н-, Т-, У- и Г-катакомбы). В остальных случаях сохранились только части ям или камер либо они полностью разрушены.

Кроме центральной части манычские катакомбные комплексы занимают преимущественно восточную половину насыпи (18 погребений), причем они расположены в относительной близости от основных могил. Существенная группа захоронений (16 погребений) была сооружена в западной половине насыпи, преимущественно в западном и юго-западном направлении — эти погребения находились в полах курганов. Общая картина сильно изменяется при анализе отдельных курганов, содержащих несколько впускных манычских комплексов. Так, в могильнике Песчаный-V в курганах 1, 15, 16, 18 захоронения находились в центре или восточной части; в курганах 4 и 5 комплексы расположены в центре и по кругу. Заметим, что в первом случае речь идет о западноманычских памятниках, а во втором — о восточноманычских. Расположение впускных погребений в восточной части кургана является стандартным для ВМКК [18]. Однако в могильниках Сухая Термиста-I и II, комплексы, которые, вероятнее всего, следует относить к этой культуре, находились в западной поле.

На наш взгляд, очень показательным является расположение захоронений ЗМКК в двух курганах могильника Улан-IV. Могильник находится на западной периферии изучаемого микрорегиона и содержит большое число погребальных комплексов разных эпох. В кургане 3 исследовано 14 западноманычских захоронений, причем 9 из них — детские. Все они впущены в насыпь в южную половину кургана (преимущественно юго-западная и южная полы), у большинства не сохранились могильные конструкции. В кургане 4, напротив, преобладают захоронения взрослых (4 из 7), они расположены в центре и по кругу, для них зафиксированы Т- и Н-видные катакомбы. По имеющейся в нашем распоряжении выборке погребений ЗМКК можно сделать вывод о предпочтении носителями этой культуры восточной половины насыпи, преимущественно ее северного сектора. Речь идет о погребениях, впущенных в материк, с катакомбными конструкциями, большая часть из них связаны с захоронением взрослых индивидов. Подобная ситуация и фиксируется в кургане 4. Курган 3, ставший в развитый катакомбный период детским некрополем, содержит погребения в насыпи — здесь не было или не сохранилось могильных ям. Погребение 5 из этого кургана, бывшее, видимо, основным для этого горизонта, имеет Н-видную катакомбную конструкцию и расположено в юго-восточном секторе.

Анализ половозрастного состава людей, похороненных в развитый катакомбный период, демонстрирует явное преобладание детских погребений (21; из них в двух по двое детей). Возраст детей не превышает 9 лет, значительную группу составляют младенцы и новорожденные. Только в одном кургане встречены захоронения подростков (Песчаный-V 16/1 и 5), причем сходство расположения и деталей обряда позволяет предположить их синхронность. Это разительно отличается от возрастного состава индивидов предыдущего раннекатакомбного горизонта, где число подростков существенно выше по отношению к другим группам. Наибольшее число детских погребений исследовано в кургане 4 могильника Песчаный-V, кургане 1 могильника Сухая Термиста-I (здесь манычские катакомбные погребения только детские), уже упоминавшийся курган 3 могильника Улан-IV. Среди взрослых, похороненных в этот период, преобладают мужчины (8 из 11 индивидов, чей пол был определен).

Обращает на себя внимание наличие большого числа парциальных погребений, так называемых «пакетов» (Песчаный-V 5/5 и 18/6; Улан-IV 3/27 и 4/14). По данным М.В. Андреевой, подобные погребения в ВМКК составляют не более 4% [19; с. 87]. Не имея сравнительных данных для ЗМКК, рискнем предположить, что ситуация относительно похожая, т.е. подобный вид ингумации является экстраординарным. В нашей же выборке подобные захоронения зафиксированы в курганах и с восточно-, и с западноманычскими катакомбными погребениями. Все они были впущены в полы кургана, в одном случае с этим погребением связана досыпка (Улан-IV 4/14). В последнем случае захоронение взрослого в виде «пакета» находилось вместе с костяками двух детей.

Анализ инвентарного набора манычских катакомбных погребений позволяет выявить некоторые особенности, которые, возможно, имеют характер культурной индикации. Так, только в восточноманычских детских погребениях были найдены так называемые поильники — конусообразные костяные полые изделия, имеющие косой срез на узком конце (Песчаный-V 5/3 и 6; Песчаный-IV 13/3). Весьма закономерно появление астрагалов в детских погребениях, хотя они представлены единичными экземплярами, а максимальное число (55 штук) найдено в погребении зрелого мужчины (Улан-IV 3/5). Благоприятные условия сохранности и тщательность фиксации материала дали заметную серию деревянных изделий: чаши, блюда, диски, стерженьки, практически целая повозка. Набор металлических вещей довольно стандартен и характеризует ординарность исследованных погребений для развитого катакомбного горизонта — в двух погребениях найдены нож и шило (Улан-IV 3/5 и 4/15), в четырех обнаружены бородавчатые и бочонковидные бусы. 58% захоронений содержали в инвентарном наборе керамические изделия (разнообразные сосуды, курильницы, жаровни). Многие находки представлены во фрагментах.

По результатам двух десятилетий исследований курганов в окрестностях села Ремонтное можно прийти к выводу о том, что расположенные здесь курганные могильники маркируют контактную зону между двумя родственными катакомбными культурами — восточно- и западноманычской. При общем сходстве конструкции могильного сооружения и погребального набора двух культур, различия в ориентировках скелетов, в формах и в способах орнаментации керамики имеет различия даже в рамках одной курганной насыпи, что позволяет использовать керамические формы и орудия труда в качестве культурных индикаторов даже в рамках одного курганного могильника или насыпи.

Библиографический список

1. *Парусимов И.Н.* Археологические раскопки в Ремонтненском районе // Труды Новочеркасской археологической экспедиции. Вып. 1. Новочеркасск, 1997.
2. *Шишлина Н.И.* Северо-Западный Прикаспий в эпоху бронзы (V–III тысячелетия до н.э.). М., 2007.
3. *Шишлина Н.И., Панасюк Н.В., Гак Е.И.* Исследование курганов эпохи бронзы могильника Песчаный V в с. Ремонтное Ростовской области в 2003 году // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону. Азов, 2005. Вып. 20. С. 79–96.
4. *Шишлина Н.И., Панасюк Н.В., Хохлов А.А., Нечвалода А.И.* Исследование курганов эпохи бронзы в с. Ремонтное Ростовской области в 2004–2005 годах // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону. Азов, 2006. Вып. 22. С. 44–55.
5. *Шишлина Н.И., Белькевич Е.В.* Степная археологическая экспедиция ГИМ. Полевой сезон 2006 г // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2006 г. Азов, 2007. Вып. 23.
6. *Шишлина Н.И., Панасюк Н.В., Пахомов М.М., Бобров А.А.* Степная археологическая экспедиция ГИМ: результаты этноботанических исследований // Краткие сообщения Института археологии» (КСИА), № 223. М., 2009. С. 260–270.
7. *Шишлина Н.И., Симакова А.Н.* Раскопки могильника Песчаный в с. Ремонтное в 2007 г // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2007–2008 гг. Азов, 2010. Вып. 24. С. 324–331.
8. *Панасюк Н.В., Усачук А.Н.* Находки половецких каменных изваяний в северной части Ергеней // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 10. Половецкое время. Донецк: ДонНУ, 2012. С. 149–154.
9. *Бронзовый век: Европа без границ.* М., 2013.
10. *Борисов А.В., Шишлина Н.И., Клещенко А.А., Идрисов И.А.* Сезонные стоянки эпохи бронзы в пустынных степях Северного Прикаспия: проблемы поиска и интерпретации материала // Материалы международной научной конференции по археологическому почвоведению, посвященной памяти В.А. Демкина. Пушино, 2014. С. 86–90.
11. *Шишлина Н.И., Борисов А.В., Клещенко А.А., Идрисов И.А., Чернышева Е.В., Плихт Й. ван дер* Стоянка Большая Элиста I. Теория и практика поиска и изучения поселений древних скотоводов в пустынно-степной зоне // Известия Самарского научного центра РАН. Т. 17. № 3. Самара, 2015. С. 252–272.
12. *Шишлина Н.И., Севастьянов В.С., Леонова Н.В.* Сезонные стоянки раннего железного века юга русской равнины: изотопный состав пастбищных и водозависимых животных // Экология древних и традиционных обществ. Тюмень, 2016. С. 177–180.

13. *Шишлина Н.И., Азаров Е.С., Дятлова Т.Д., Рослякова Н.В., Бачура О.П., Плихт Й. ван дер, Калинин П.И., Идрисов И.А., Борисов А.В.* Инновационные сезонные миграции и система жизнеобеспечения подвижных скотоводов в пустынно-степной зоне Евразии: роль социальных групп // *Stratum plus. Поздняя преистория Евразии: социальные модели и культовая практика.* 2018. № 2. С. 69–90.
14. *Арапов С.В.* К вопросу о формировании предкавказской катакомбной культуры // *Материалы по археологии Калмыкии.* Элиста, 1991. С. 99–120.
15. *Кияшко А.В.* Культурогенез на востоке катакомбного мира. Волгоград, 2002.
16. *Гей А.Н.* О некоторых символических моментах погребальной обрядности степных скотоводов Предкавказья в эпоху бронзы // *Погребальный обряд. Реконструкция и интерпретация древних идеологических представлений.* М, 1999. С. 78–113.
17. *Братченко С.Н.* Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы. Киев: Наукова думка, 1976.
18. *Панасюк Н.В.* Курильницы и реповидные сосуды восточно- и западноманычской катакомбных культур // *На пути открытия цивилизации. Труды Маргианской археологической экспедиции. Сборник статей к 80-летию В.И. Сарияниди.* Спб., 2010. С. 680–689.
19. *Андреева М.В.* Восточноманычская катакомбная культура. Анализ материалов погребальных памятников. М, 2014.

Информация об авторах:

Шишлина Наталья Ивановна — доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела археологических памятников Государственного Исторического музея, e-mail: nshishlina@mail.ru. ORCID: 0000-0001-9638-0156

Панасюк Наталья Викторовна — кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры всеобщей истории факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов, e-mail: panasyuk-nv@rudn.ru. ORCID: 0000-0003-4382-5566

ДЛЯ ЗАМЕТОК
